
8
P 67
P-587

СПОСОБЪ,
которымъ можно
УЧИТЬ и ОБУЧАТЬСЯ СЛОВЕСНЫХЪ НАУКЪ

Сочиненъ Г. Ролленомъ,

а

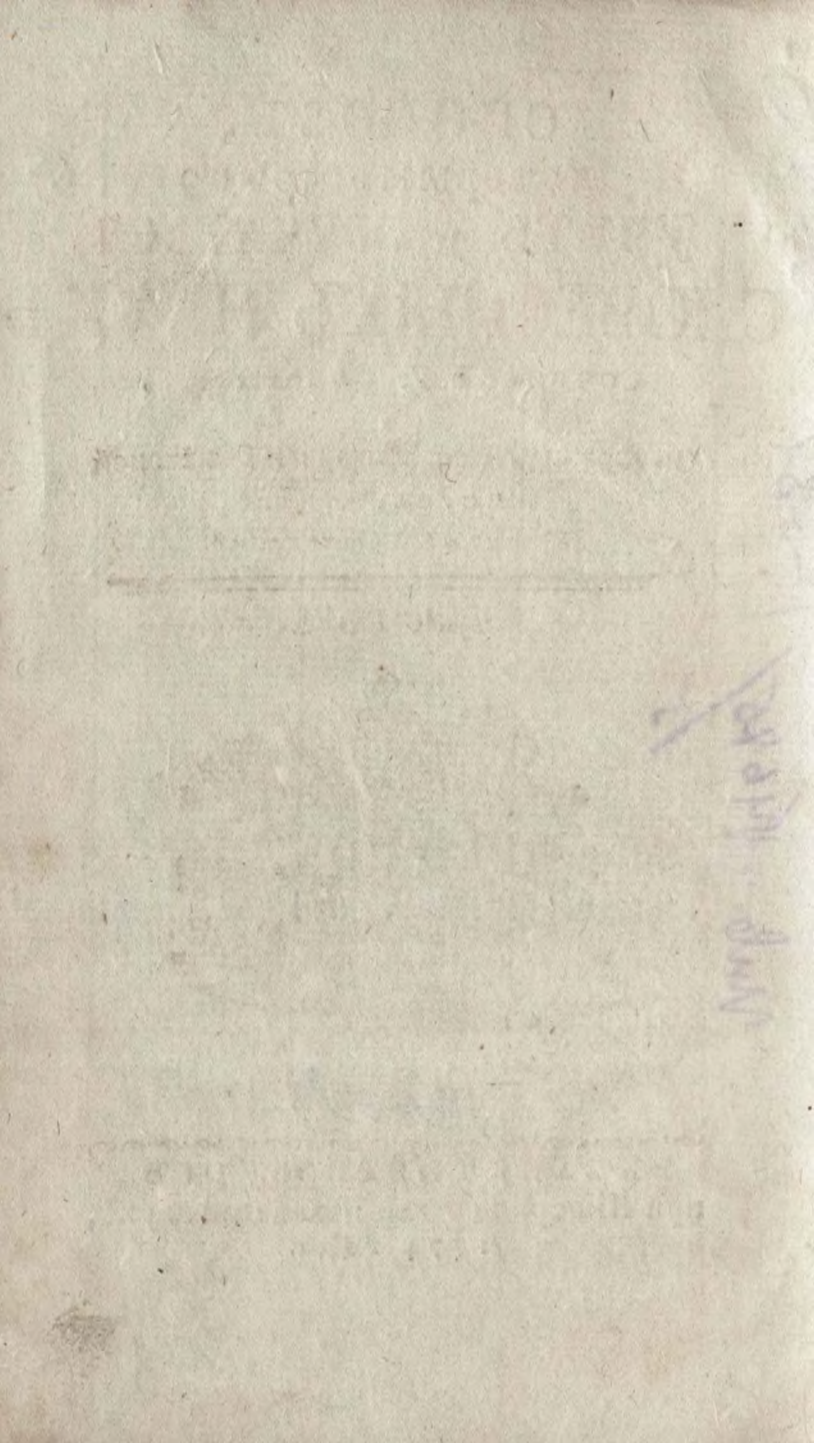
съ Французскаго языка на Россійской переведенъ

Ипаномъ Крюковымъ

ЧАСТЬ I.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,
при Императорской Академіи наукъ,
1774 года.

ЕГО ВЫСОКОРОДІЮ

РЕКТОРУ,

И

УНИВЕРСИТЕТУ

ПИТАТЕЛЮ НАУКЪ.

ГОСУДАРЬ МОЙ,

* ГОСПОДА,

Нѣтъ ничего, что бы могло быть пріятнѣе или славнѣе для меня, какъ изданіе подъ вашимъ предводительствомъ и защитою сего сочиненія, которое я предпріялъ особливо по вашему приказанію. Я давно уже искалъ случая засвидѣтельствовать публично мою горячую и искреннюю благодарность къ Университету, которой почитаю неиначе, какъ такимъ воспитателемъ,

* *Ето суть начальники семи компаній Университета, кои составляютъ Трибуналъ Г. Ректора.*

лемЪ, которому я по БогѢ всемЪ обязанЪ. ВзрощенЪ будучи вЪ его рукахЪ отЪ моего младенчества, и воспитанЪ его ученiемЪ, ежели я прiобрѢлЪ какое знанiе вЪ наукахЪ, ежели имѢю сколько нибудь любви кЪ истиннѢ, сколько нибудь вкусу вЪ благочестiи; то всемЪ тѢмЪ ему долженствую. Я почерпнулЪ сiи столь великiя благи вЪ щедрыхЪ источникахЪ, которые вы держите отверсты какЪ скуднымЪ, такЪ и богатымЪ, какЪ худороднымЪ, такЪ и изЪ высокихЪ фамилiй произшедшимЪ, что я по счастiю извѢдалЪ сЪ премногими другими. Вы наставивЪ меня полезными правилами во время курсу моихЪ ученiй, проведЪ черезЪ различныя степени публичной профессiи, и неоднократно почтивЪ первымЪ достоинствомЪ вашего общества, на конецЪ по многолѢтной службѢ дали мнѢ убѢжище, вЪ которомЪ бы я могЪ наслаждаться честнымЪ спокойствiемЪ.

Но

Но какъ, по мнѣнію одного изъ мудрѣйшихъ мужей въ древности, мы должны быть въ состояніи отдавать отчетъ не меньше въ нашемъ покоѣ, какъ и во времени нашихъ упражненій; и какъ не позволено честному человѣку, а еще меньше того Христіанину, предаваться въ бездѣйствіе и нѣгу; то вотъ я вамъ приношу плоды моего покоя, плоды, которые къ вамъ принадлежатъ, потому что они родились на вашемъ плодоносномъ полѣ, естли только не отступаютъ отъ доброты сей земли, которая ихъ взрастила!

По вашему соизволенію я обязался симъ предпріятіемъ. Избранъ будучи вами благодарить публично Короля въ случаѣ безденежнаго наставленія, которое онъ недавно учредилъ между нами, я старался изъяснить кратко, сколь велико всегда было раченіе и ревность Университета наставлять молодыхъ людей

не только въ наукахъ, но еще болѣе того въ добронравіи и законѣ. Чего я не могъ показать, какъ только вообще, и коснуться иначе, какъ съ легка, по причинѣ краткости предписаннаго мнѣ времени, то вы мнѣ велѣли предложить съ большею пространностію. Я очень чувствовалъ, что такое сочиненіе было сверьхъ силъ моихъ: однакожъ лучше избралъ показаться неразсуднымъ, нежели непослушнымъ. Я немедлѣнно принялся за перо, и положилъ намѣреніе писать по Французски, дабы меня разумѣть могло большее число нашихъ единоземцовъ. Вотъ перьвая половина сочиненія, которую предаю на ваше разсужденіе; я сочту себя довольно вознагражденнымъ за мой трудъ, ежели вы скажете, что онъ можетъ быть сколько нибудь полезенъ юношеству.

Въ сей части, которая выходитъ нынѣ въ свѣтъ, мое главное на-

намѣренїе было (не касаясь въ семъ мѣстѣ до того, что надлежитъ до благочестїя и добронравїя) предложить письменно и утвердить непоколебимымъ образомъ порядокъ обучать, которой у васъ давно употребляется, и которой сохранился до сего времени живымъ голосомъ, и какъ будто нѣкоторымъ преданїемъ; воздвигнуть, по моей возможности, твердой монументъ правилъ и оныхъ употребленїя, коимъ вы слѣдуете въ наставленїи юношества, дабы сохранить во всей цѣлости истинной вкусъ въ наукахъ словесныхъ, и поставить его въ безопасности, естьли можно, отъ перемѣнъ и поврежденїй, которыя производитъ время. Сей вкусъ царствуетъ нынѣ между вами, и во всей Францїи, и чрезъ счастливыя и нечувствительныя приращенїя, онъ достигъ почти до самаго верху совершенства. Вѣкъ Лудовика Великаго, вѣкъ славный столь мно-

гими чудесами, а особливо изобильный великими и сильными разумами представилъ намъ точное изображенiе ученаго и просвѣщеннаго вѣку Августа, и чрезъ сочиненiя, которыя никогда не погибнутъ, снискалъ нашей Францiи безсмертную славу. Но чемъ выше поднялась сiя слава имени Французскаго, тѣмъ больше надлежитъ опасаться, чтобъ она, не въ силахъ нынѣ будучи возрастать болѣе, не начала можетъ быть упадать, и уменьшаться.

Но я осмѣливаюсь здѣсь сказать что стража сего драгоцѣннаго залога предана особливо въ ваши руки, и ввѣрена вашему раченiю. Наши Короли, которымъ долженствуетъ своимъ начатiемъ Парижской университетъ, коего славнѣйшiй титулъ есть титулъ старшаго королевскаго сына; наши, говорю я, Короли благоволили чтобъ у васъ находилась публичная школа для всѣхъ наукъ, но осо-

бливо для сего рода познанїй, которой воспитываетъ и направляетъ разумы къ превосходной наукѣ краснорѣчїя. Они хотѣли, основывая ваше общество, основать для Краснорѣчїя, которое удостоилось назваться обладателемъ мїра, обиталище, отечество, надежную крѣпость, дабы орошаясь источниками древности Греческой и Латинской, оно не принимало смѣшенїя прелестной новости; и дабы воспитываемо будучи, такъ сказать, вашими руками въ древнемъ вкусѣ, и хранимо подъ строгою опекою противъ дерзости развратителей, никогда не попускало себя портить такими прикрасами, и нарядами, кои недостойны его чистоты.

Когда я говорю, что вы обременены попеченїемъ сохранять сей доброй вкусъ въ ученыхъ дѣлахъ, то не хочу безразсудно распространять вашихъ должностей далѣе

ихЪ надлежащихЪ границЪ, и утверждать, чтобЪ при выходѣ изЪ нашихЪ школЪ тѣ, которые вЪ нихЪ обучались, достигли до всего того, что есть самое трудное почти вЪ свѣтѣ, то есть, чтобЪ были совершенные Ораторы, Стихотворцы, Философы. Наша должность есть начать и означить дѣло, и положить первыя его черты, а не приводить его вЪ крайнее совершенство. Мы показываемЪ молодымЪ людямЪ извѣстную мѣту, кЪ которой они должны стремиться, надежную дорогу, которой должны держаться, обманы и опасности, которыхЪ должны убѣгать. СловомЪ сказать, мы полагаемЪ твердыя основанія всего дѣла: мы разсыпаемЪ доброе сѣмя, сѣмя отборное, чистое, превосходное всѣхЪ благородныхЪ наукЪ. Но кто незнаетЪ какова есть сила сѣмени вЪ произращеніяхЪ земли, какова есть важность основаній вЪ зданіяхЪ. Все

за-

зависитъ отъ началъ; однакожъ сіи начала скрыты и не видны бываютъ съ первыхъ и съ самыхъ нѣжныхъ лѣтъ отроки показываютъ нѣкоторыя какъ будто искры и блески разума, увѣдомляющіе насъ, что нѣтъ столь слабаго возраста, которой бы не могъ понимать истины, и направляться къ доброму вкусу. Въ сочиненіяхъ древнихъ писателей, ими читаемыхъ, лишъ только бы имѣли добраго предводителя, они могутъ удобно, дѣлая выборъ изъ столь многихъ и превосходныхъ вещей со всѣхъ сторонъ представляющихся, найти цвѣтъ самой натуральной и тонкой пріятности; или лучше сказать, могутъ собрать множество плодовъ удивительной доброты, коими они будутъ ежедневно питаться, и чрезъ сіе навыкнутъ вкушать только то, что есть самое совершенное. Разумъ напоенный симъ сокомъ древности, превращаетъ его въ свое существо, и укрѣпляясь мало по

малу

малу достигаетъ до того, что понятїе объ изрядствѣ, которое стало довольно извѣстно чрезъ обращенїе съ древними, и начерталось глубоко въ душѣ, производитъ въ ней свое дѣйствїе, хотя о томъ и не думаютъ, и дѣлаетъ сочиненїе похожимъ на образецъ безъ всякаго разсужденїя сочинителя; словомъ сказать, оно раждаетъ въ нынѣшнихъ людяхъ вкусъ въ Аттической красотѣ, и Римской вѣжливости.

Такимъ то образомъ дѣлаются великїе люди въ ученой Республикѣ. Изъ сего то источника вышло сїе множество превосходныхъ писателей во всякомъ родѣ, которые украшали вѣкъ Лудовика XIV, и кои славятся еще и нынѣ. Всѣ они имѣли древнїй вкусъ такъ что довольно легкаго понятїя о древности, чтобъ узнать, что они всѣ предпрїяли писать, обогатясь напередъ остатками Рима и Аѳинъ.

И такъ намъ, которыхъ университетъ, питатель благородныхъ наукъ, обременилъ публичною должностію обучать, надлежитъ почесть за обязательство, чтобъ быть стражами подъ его именемъ, и по его приказанію, старающимися съ несказаннымъ вниманіемъ воспрепятствовать, чтобъ сіе добро столь драгое нашему народу не повредилось въ своемъ корнѣ и основаніи; чтобъ молодые люди изумленные пріятностьми сихъ ложныхъ блесковъ, которые у насъ входятъ въ моду, вмѣсто питательныхъ плодовъ, не гонялись за цвѣточками, не имѣющими ничего, какъ только пустое сіяніе, и чтобъ, поелику они не очень могутъ быть осторожны, и удобно прельщаются обманчивыми видами, не впали въ нѣкоторые обманы, кои часто ихъ окружаютъ скрыты будучи подъ важнѣйшими именами. Ибо есть хитрости из-

го-

готовленныя со всѣхъ сторонъ, чтобъ уловить разумы молодыхъ людей, ежели мы сей развратности и сему худому вкусу, которой день отъ дня возрастаетъ, не противуположимъ сильнаго препятствія, укрѣпляя ихъ чрезъ всегдашнее чтеніе древнихъ, и тѣхъ изъ нынѣшнихъ писателей, въ которыхъ царствуетъ равнымъ образомъ вычищенной вкусъ здраваго краснорѣчія.

Сей долгъ Академической профессіи никогда у насъ пренебреженъ не былъ: искусные учители, которые во всѣ времена составляли славу университета, старались его исполнить. Однакожъ надлежитъ признаться, что нынѣ ревность наша возбуждается сильнѣйшимъ поощреніемъ противъ прежняго, съ тѣхъ поръ какъ Король, основывая у насъ безденежное наставленіе, показалъ себя чрезъ сію щедроту Государя по истиннѣ достойную вторымъ основателемъ нашего университета,

и

и отцомъ наукъ и ученыхъ людей. Сіе благодѣяніе жаръ нашъ воспламенило, и бодрость увеличило. Ето было не безъ чувствованія нѣкотораго стыда, что мы называясь по состоянію своему Профессорами Литтературы, Краснорѣчія, Философіи, то есть, благороднѣйшихъ наукъ, видѣли себя почти подобныхъ наемникамъ, и принужденныхъ дѣлать продажными услуги столь высокаго сорту. Мы съ неудовольствіемъ нашимъ долженствовали требовать отъ своихъ учениковъ другова награжденія, кромѣ благодарности и усердія, за такой трудъ, которой не долженъ погибать, но котораго и продавать не пристойно. Наконецъ милость и щедрота Государя освободили насъ отъ сего порабощенія какъ обременительнаго такъ и непристойнаго. Чрезъ сію милость и щедроту онъ благоволилъ освятить перьвыя начатія своей жизни и царствованія, и приготовиться къ счастливой привычкѣ разсыпать благо-

благодѣянія. Въ такомъ возрастѣ, въ которомъ еще не дѣйствуетъ властію къ нему принадлежащею, онъ чрезъ подаяніе начинаетъ употреблять права царскаго достоинства. Сія любезная и августая рука, которая носитъ скипетръ, не въ состояніи будучи имъ править, и которая для слабости неспособна еще къ употребленію оружія, извѣдываетъ свои силы щедрымъ раздѣленіемъ даровъ своихъ.

Кого изъ насъ не исполнила новымъ жаромъ сія щедрота столь достойная нашей любви, и похвалъ безсмертныхъ? въ комъ она не произвела сего восторгу столь славнаго у Стихотворцовъ? мы тщились другъ передъ другомъ свидѣтельствовать нашу благодарность одни стихотворческими піесами на Греческомъ, Латинскомъ и Французскомъ языкахъ; другіе публичными рѣчьми, говоренными въ разныхъ случаяхъ; нѣкоторые сочиненіями о раз-

различныхЪ матерiяхЪ Литтературы, а всѣ вѣрностiю и горячностiю совершеннѣйшею, нежели прежде сего, исполнять перьвую и главную изЪ должностей, которыя университетЪ намЪ налагаетЪ, состоящую вЪ наставленiи учениковЪ: словомЪ сказать, всякой по своимЪ силамЪ счелЪ себя обязаннымЪ стараться показать, что благодѣянiе Короля пало на благодарныя сердца, на людей, которые не со всемЪ недостойны его королевскихЪ милостей.

ВЪ сей общей ревности, вЪ семЪ возобновленiи столь похвальной всѣхЪ горячности, да будетЪ мнѣ позволено принять нѣкое участiе, и заплатить слабую дань, котораябЪ могла быть по крайней мѣрѣ свидѣтельствомЪ искренней и горячей благодарности, и глубочайшаго почтенiя, сЪ которымЪ я есмь, и проч.

):( ):(

РЕЕСТРЪ
ПЕРВОЙ ЧАСТИ

Ра-

Способъ, коимъ можно учить и обучаться Словесныхъ Наукъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Парижской университетъ, основанной Французскими Королями съ тѣмъ, чтобъ онъ трудился въ наставленіи юношества, предлагаетъ себѣ въ сей столь важной должносппи три великіе предмѣта: знаніе, нравы, законъ. Во первыхъ онъ помышляетъ просвѣтить разумъ молодыхъ людей, и украсить его всѣми тѣми познаніями, къ которымъ они тогда бываютъ способны. По семъ онъ предпріемлетъ исправить ихъ сердце, начертавъ въ немъ основанія чести и добродѣтели, дабы ихъ здѣлать добрыми гражданами. Напослѣдокъ онъ тщится окончить и совершить то, что онъ по сіе время лишъ только началъ, и прилагаетъ къ тому труды, чтобъ совсемъ отправить свое дѣло, учинивъ ихъ Христіанами.

Наставленіе молодыхъ людей имѣетъ три предмѣта.

Сіе есть намѣреніе, которое имѣли наши Короли въ учрежденіи университета; сіе также составляетъ тѣ должности, которыя они сами ему предписали въ различныхъ Регламен-

тахъ ему данныхъ; чтобъ привесть его въ состояніе соотвѣтствовать ихъ произволеніямъ. Регламентъ блаженной памяти Генрика IV. начинается сими словами: „благополучіе государствъ „и народовъ, а особливо Христіанска„го общества, зависитъ отъ добраго „воспитанія юношества, которое съ „тѣмъ намѣреніемъ предпринимается, „чтобъ просвѣтить и выполировать „изученіемъ наукъ грубой еще разумъ „молодыхъ людей, чтобъ пріуготовить ихъ чрезъ сіе къ отправленію по „надлежащему тѣхъ должностей, ко„торыя имъ опредѣляются, безъ чего „они безполезныбъ были обществу; „наконецъ чтобъ научить ихъ благого„вѣйному и искреннему поклоненію, „котораго Богъ отъ нихъ требуетъ, „ненарушимому усердію, которымъ „они своимъ родителямъ и отечеству „обязаны, почтенію и покорности, „которыя они долженствуютъ оказы„вать Государямъ и правителямъ„.

Теперь я разсмотрю порознь каждой изъ сихъ трехъ предмѣтовъ, и постараюсь показать, сколь нужно имѣть ихъ всегда передъ глазами при воспитаніи молодыхъ людей.

ПЕРВОЙ ПРЕДМѢТЪ УЧЕНІЯ.

Изученїе свободныхъ наукъ и знанїй просвѣщаетъ разумъ.

Чтобъ понять точно важность званїй тѣхъ особъ, которыя опредѣляются обучать молодыхъ людей языковъ, словесныхъ наукъ, Исторіи, Риторики, Философіи и другихъ знанїй, которыя приличествуютъ сему возрасту; и чтобъ познать, сколь много такія ученія могутъ служить къ славѣ государства; надлежитъ единственно разсудить о томъ различіи, которое сіи изрядныя ученія полагаютъ не только между особыми людьми, но и между цѣлыми народами.

Различїе, которое ученїе полагаетъ между людьми.

Аѳиняне небольшую земли часть въ Греціи занимали; но былали такая страна, куда бы похвала ихъ не распространилась? Приводя науки въ ихъ совершенство, они вознесли свою славу на самой верьхъ величества. Одна и тажъ самая школа произвела рѣдкихъ мужей во всякомъ родѣ. Изъ нее вышли великїе Ораторы, славные воины, мудрые законодавцы, искусные политики. Сей изобильной источникъ сообщилъ такіяжъ выгодности всѣмъ бла-

городнымъ художествамъ, которыя казались наименьшее къ нему отношеніе имѣющими; музыкѣ, живописи, рѣзбѣ, домостроительству. Онъ ихъ исправилъ, возвысилъ, совершилъ; и какъ будто бы они произошли отъ одного корня, и воспитались однимъ сокомъ; онъ здѣлалъ, что они разцвѣли всѣ въ одно время.

Римъ чрезъ свои побѣды здѣлавшись обладателемъ свѣта, здѣлался его удивленіемъ и образцомъ чрезъ красоту ученыхъ дѣлъ, которыя онъ издалъ во всякомъ почти родѣ, и чрезъ то надъ народами, которыхъ онъ подвергнулъ своей власти, сыскалъ другова роду начальство несравненно пріятнѣйшее, нежели то, которое происходитъ только отъ оружія и завоеваній.

Африка, прежде сего столь плодовитая, столь изобильная великими разумами и просвѣщеніемъ, впала отъ забвенія словесныхъ наукъ въ крайнюю безплодность, и въ самое варварство, котораго она и имя на себѣ носитъ, такъ что чрезъ столь многіе протекшіе вѣки она не произвела ни одного человѣка, которой бы себя отмѣнилъ какимъ нибудь дарованіемъ, и которой бы привелъ на память достоинство пред-

предковъ своихъ, илибъ которой хоть самъ о томъ вспомнилъ. Тожъ самое особливо сказать можно объ Египтѣ, которой почитался источникомъ всѣхъ наукъ.

Противное тому случилось съ западными и сѣверными народами. Они чрезъ долгое время щитались невѣждами и варварами за тѣмъ, что они не имѣли вкусу въ ученыхъ дѣлахъ. Но какъ скоро начались у нихъ благородныя ученія, то они показали великихъ мужей, которые во всякомъ родѣ учености и званія достигли до того, что другіе народы имѣли твердѣйшаго, просвѣщеннѣйшаго, глубочайшаго и превосходнѣйшаго.

Мы видимъ ежедневно, что науки, переходя къ новымъ народамъ, превращаютъ ихъ совсемъ въ другихъ людей, и что онѣ сообщая имъ пріятнѣйшія склонности и нравы, порядочнѣйшее правленіе, милостивѣйшіе законы, выводятъ ихъ изъ тьмы, въ которой они до сего времени закоснѣвали, и изъ той грубости, которая имъ была врожденна. Такимъ образомъ они дѣлаются яснымъ доказательствомъ, что въ различныхъ климатахъ разумы почти бываютъ одинаковы; что однѣ

науки полагаютъ между ими столь почтительное различіе, и что смотря на упражненіе въ нихъ, или на ихъ пренебреженіе, онѣ возвышаютъ или унижаютъ народовъ, выводятъ ихъ изъ мраку, или опять ввергаютъ въ оной, такъ что онѣ почестися могутъ опредѣлительницами ихъ судьбы.

Но, безъ разсматриванія исторіи, довольно и того, чтобъ взглянуть на произшествія натуры. Она показываетъ намъ безмѣрное различіе, которое полагаетъ обработываніе между двумя землями, въ прочемъ весьма подобными. Одна будучи заброшена пребываетъ грубою, жоскою, и обростаетъ тернами. Другая наполнена будучи всякаго роду зернами и плодами, и украшена пріятною разностію цвѣтовъ, заключаетъ въ небольшемъ мѣстѣ все то, что есть самаго рѣдкаго, здраваго, пріятнаго; и чрезъ попеченія своего хозяина дѣлается щастливымъ сокращеніемъ всѣхъ красотъ, усматриваемыхъ въ различныя времена въ различныхъ сторонахъ. Таковъ точно находится разумъ нашъ: мы всегда награждены бываемъ съ излишествомъ за попеченіе, которое мы принимаемъ о просвѣщеніи его. Сія то есть земля столь богатая,

и

и столь плодовитая, столь способная къ безсмертнымъ произращеніямъ, и столь достойная всего нашего вниманія; земля, которую всякой человѣкъ, чувствующій благородность своего произхожденія и судьбы, удобрять долженствуетъ.

Въ самомъ дѣлѣ разумъ питается, и укрѣпляетъ себя высокими истиннами, которыя подаетъ ему ученіе. Онъ растетъ и увеличивается съ великими мужами, которыхъ сочиненія онъ вычиваетъ, такъ какъ люди перенимаютъ поступки и склонности тѣхъ, съ которыми они повседневно обращаются. Онъ побуждается благородною нѣкоторою ревностію достигнуть до ихъ славы, и надѣется то получить взирая на успѣхъ, которой они имѣли. Онъ позабываетъ свою собственную слабость, и усиливается всѣми мѣрами подняться съ ними выше себя самаго. Безплоденъ будучи иногда во внутренности своей, и заключенъ въ тѣсныхъ весьма предѣлахъ, онъ изобрѣтаетъ мало, и удобно истощается. Но ученіе вознаграждаетъ его безплодность, и подаетъ ему способъ заимствовать отъ другихъ то, чего въ немъ недостаетъ. Оно распространяетъ

Ученіе подаетъ разуму возвышеніе и пространство.

няетъ его познанія, и его просвѣщеніе посторонними вспоможеніями, простираетъ вдаль его зрѣніе, умножаетъ его понятія, дѣлая притомъ ихъ многоразличнѣйшими, обстоятельнѣйшими, живѣйшими; оно его научаетъ представлять себѣ истинны во многихъ видахъ, показываетъ ему плодовитость начальныхъ предложеній, и вспомоществуетъ выводить изъ нихъ отдаленнѣйшія послѣдствія.

Ученіе подаетъ исправность.

Мы раждаемся во тьмѣ незнанія, къ которой худое воспитаніе присовокупляетъ множество ложныхъ предразсужденій. Ученіе прогоняетъ первую, и исправляетъ послѣднія. Оно придаетъ нашимъ мнѣніямъ и умствованіямъ нѣкоторую исправность и совершенство. Оно насъ пріучаетъ наблюдать порядокъ и пристойное расположеніе во всѣхъ матеріяхъ, о которыхъ мы говорить или писать долженствуемъ. Оно намъ представляетъ предводителями и образцами просвѣщеннѣйшихъ и мудрѣйшихъ людей въ древности, которыхъ въ семъ смыслѣ можно по справедливости съ Сенекою назвать учителями и наставниками рода человѣческаго. Сообщая намъ ихъ разборчивость и глаза, оно дѣлаетъ, что мы

Senec. Epist. 46.

безо-

безопасно ходимъ при томъ свѣтилѣ, которое несутъ предъ нами сіи избранные предводители, которые, выдержавъ строгой екзаменъ столь многихъ вѣковъ и народовъ, и сохранясь по разореніи столь многихъ имперій, заслужили по общему согласію быть во всѣ послѣдующіе вѣки верьховными опредѣлителями добраго вкусу, и надежными образцами того, что ученость имѣетъ совершеннѣйшаго.

Ученіе подаетъ способность къ дѣламъ.

Но польза ученія не ограничивается тѣмъ, что называютъ знаніемъ; оно подаетъ еще способность къ дѣламъ и должностямъ.

Павлъ Емилій, которой одержалъ славную побѣду надъ Персеемъ послѣднимъ Царемъ Македонскимъ, зналъ довольно, какимъ образомъ дѣлаются великіе мужи. Плутархъ примѣчаетъ особливое попеченіе, которое онъ предпріялъ о воспитаніи своихъ дѣтей. Онъ не довольствовался тѣмъ, чтобъ научить ихъ природному языку по правиламъ, какъ обыкновеніе тогда было; и велѣлъ имъ обучаться Греческому языку. Онъ далъ имъ различныхъ учителей Грамматики, Риторики, Діалектики, кромѣ тѣхъ, которые долженствовали ихъ наставлять въ наукѣ во-

енной, и самъ присутствовалъ столь часто, сколько возможно ему было, при всѣхъ ихъ екзерциціяхъ. Когда онъ побѣдилъ Персея, то онъ не удостоилъ и взглянуть на безмѣрное богатство, которое нашлось въ его сокровищахъ. Онъ позволилъ только своимъ дѣтямъ, которые, по утвержденію историка, любили чрезвычайно науки, взять книги изъ библіотеки сего Царя.

Успѣхъ соотвѣтствовалъ попеченіямъ отца столь просвѣщеннаго и рачительнаго. Онъ имѣлъ щастіе дать Риму втораго Сципіона Африканскаго, завоевателя Кароагена и Нумантіи, которой не меньше славился удивительною охотою къ словеснымъ наукамъ, и ко всѣмъ другимъ знаніямъ, какъ и военными качествами. Сей великой мужъ имѣлъ всегда при себѣ во время какъ миру такъ и войны историка Поливія, и Философа Панетія, которыхъ онъ удостоивалъ отмѣннаго дружества. „Никто, говоритъ одинъ
Uell. Paterc. lib. 1. c. 13. „историкъ, упоминая о Сципіонѣ, не „умѣлъ лучше его мѣшать покой съ „упражненіемъ, ниже употреблять въ „пользу праздные часы, которые отъ „дѣлъ ему оставались. Развлеченъ будучи военными и мирными упраж-

„ніями,

„ніями, оружіемъ и ученіемъ, то
„екзерцитовалъ онъ свое тѣло въ опа-
„сностяхъ, то просвѣщалъ свой ра-
„зумъ науками„. Вѣроятно, что Ци- Lib. 2.
церонъ объ немъ говоритъ, что онъ Tusc.
имѣлъ всегда въ рукахъ сочиненія Ксе- Quaest.
нофонтовы; ибо я не знаю, можетъ n. 62.
ли сіе приличествовать первому Сци-
піону.

Лукуллъ также получилъ великое вспоможеніе отъ чтенія хорошихъ писателей, и отъ изученія исторіи. Увидѣвъ его вдругъ предводителемъ арміи, всѣ удивились его чрезвычайной къ сему званію способности. Онъ выѣхалъ изъ Рима не имѣя еще великаго искуства въ наукѣ военной, какъ говоритъ Цицеронъ, а въ Азію пріѣхалъ искуснѣйшимъ и совершеннѣйшимъ воиномъ. Сему причиною было то, что превосходной его разумъ, будучи просвѣщенъ изученіемъ свободныхъ наукъ, служилъ ему вмѣсто опыта, хотя кажется, что сей ничемъ вознагражденъ быть не можетъ.

Брутъ проводилъ нѣкоторую часть каждой ночи въ изученіи военной науки чрезъ описанія походовъ славнѣйшихъ воиновъ, и не щиталъ потерянымъ время, которое онъ полагалъ на

чтеніе

чтеніе историковъ, а особливо Поливія, надъ сочиненіями котораго онъ найденъ былъ трудящимся незадолго передъ славнымъ сраженіемъ произходившимъ на поляхъ Фарсалійскихъ.

Не трудно понять, что особливое попеченіе, которое Римляне приняли въ послѣднія времена республики о просвѣщеніи разума молодыхъ людей, долженствовало неотмѣнно придать новое достоинство, и новой блескъ великимъ качествамъ, которыя они имѣли въ прочемъ, приводя ихъ въ состояніе быть превосходными равно въ екзерциціяхъ оружейныхъ, и судебныхъ, и отправлять съ одинакимъ успѣхомъ должности какъ военныя, такъ и приказныя.

Случается иногда, что армейскіе Генералы, которые не просвѣтили своего разума изученіемъ словесныхъ наукъ, уменьшаютъ славу ихъ побѣдъ сухими, безпорядочными, и скучными увѣдомленіями; и что ихъ перо унижаетъ дѣйствія ихъ меча. Они въ етомъ весьма различествуютъ отъ Кесаря, Поливія, Ксенофонта и Ѳукидида, которые живостію ихъ описаній поставляютъ читателя на ратномъ мѣстѣ, увѣдомляютъ его подробно

робно о расположеніи войскъ и земли, о начатіяхъ и продолженіяхъ сраженія, о приключившихся замѣшательствахъ, и оспособахъ употребленныхъ къ избѣжанію отъ оныхъ, о различныхъ сумнѣніяхъ и о ихъ причинахъ, и чрезъ сіи перемѣнныя степени провожаютъ его какъ будто за руку къ послѣднему произшествію.

Тожъ самое можно сказать о посольскихъ дѣлахъ, правительствахъ, главныхъ надзираніяхъ, коммисіяхъ: словомъ сказать, о всякихъ званіяхъ, которыя обязываютъ говорить публично или партикулярно, писать, отдавать отчетъ въ своей должности, управлять сердцами, ихъ увѣрять и привлекать на свою сторону; да и естьли полно такое званіе, котороебъ не налагало всѣхъ оныхъ обязательствъ?

Другія выгоды, происходящія отъ Ученія.

Весьма часто мы слышимъ, что люди, которыхъ долговременной опытъ, и прилѣжныя разсужденія научили, съ горестію на то жалуются, что ихъ воспитаніе было пренебрежено, и сожалѣютъ, что они не были просвѣщены науками, которыхъ они начинаютъ понимать, но уже очень поздо, употребленіе и цѣну. Они признаются, что сей недостатокъ удалилъ ихъ

отъ

отъ важныхъ званій, или оставилъ ихъ неисправными въ ихъ должностяхъ, или еще принудилъ упадать подъ ихъ бременемъ.

Когда въ нѣкоторыхъ знатныхъ случаяхъ, и въ отмѣнныхъ мѣстахъ, видятъ, что молодой правитель, просвѣщенной словесными науками, привлекаетъ похвалы отъ народа; какой бы тогда отецъ не пожелалъ себѣ такова сына; и какой бы сынъ, хоть мало разсудка имѣющій, не пожелалъ себѣ подобнаго успѣху? Всѣ тогда соглаcуются признавать пользу наукъ. Всѣ понимаютъ, сколь онѣ сильны вознесть человѣка выше его возрасту, а иногда и выше его происхожденія.

Но хотя бы сіе ученіе служило только къ пріобрѣтенію привычки трудиться, къ уменьшенію въ томъ скуки, къ остановленію и утвержденію легкости разума, къ преодолѣнію отвращенія отъ сидячей и привязанной жизни, и отъ всего того, что обременяетъ и порабощаетъ; однакожъ и сіе бы уже значило великую онаго пользу. Въ самой вещи оно отвлекаетъ отъ бездѣйствія, игры, мотовства. Оно занимаетъ съ пользою праздные часы дня, которые столь многимъ бываютъ

ваютъ скучны, и дѣлаетъ пріятнымъ покой, которой безъ помощи словесныхъ наукъ есть нѣкотораго роду смерть и гробъ, такъ сказать живаго человѣка. Оно приводитъ насъ въ состояніе судить здраво о сочиненіяхъ, Senec. Epist. 82. которыя въ свѣтъ выходятъ; утверждать дружество съ разумными людьми, входить въ наилучшія компаніи; принимать участіе въ ученѣйшихъ разговорахъ; подавать съ своей стороны матерію рѣчамъ, безъ чего надлежалобъ сидѣть нѣмымъ; и дѣлать ихъ полезнѣйшими и пріятнѣйшими, мѣшая дѣйствія съ разсужденіями, и украшая однѣ другими.

Я признаюсь, что въ разговорахъ, въ дѣлахъ, и въ самыхъ рѣчахъ, кѣмъ нибудь сочиняемыхъ, не бываетъ часто нужды до исторіи Греческой или Римской, до Философіи, до Маѳиматики. Однакожъ исправное изученіе наукъ подаетъ разуму нѣкоторую правильность, твердость и самую пріятность, которую знающіе люди удобно понимаютъ.

Но время уже говорить о второй пользѣ, которая долженствуетъ происходить отъ ученія, и о второмъ намѣреніи, которое учители должны пред-

предлагать себѣ въ наставленіи молодыхъ людей, и которое состоитъ въ томъ, чтобъ направить ихъ нравы, и здѣлать ихъ честными людьми.

ВТОРОЙ ПРЕДМѢТЪ.

Попеченіе о направленіи нравовъ.

Надобность трудиться въ направленіи нравовъ.

Еслибъ наставленіе съ тѣмъ только намѣреніемъ предпринималось, чтобъ человѣка обучить словеснымъ наукамъ и знаніямъ; естьлибъ оно тѣмъ ограничивалось, чтобъ здѣлать его остроумнымъ, краснорѣчивымъ, способнымъ къ отправленію дѣлъ; и естьлибъ просвѣщая разумъ оно пренебрегало управлять сердцемъ; то бы оно не соотвѣтствовало всему тому, чего имѣютъ право отъ него надѣяться, и не провожало бы насъ къ одному изъ главныхъ намѣреній, для которыхъ мы родились. Когда мы хоть мало разсмотримъ натуру человѣка, его склонности, и его конецъ, то мы удобно познать можемъ, что онъ не для себя одного рожденъ, но для общества. Провидѣніе опредѣлило, чтобъ онъ отправлялъ въ немъ какую нибудь должность. Онъ есть членъ тѣла, которому онъ долженствуетъ приносить

пользу;

пользу; и подобно какъ бы въ большомъ концертѣ музыки, онъ обязанъ, сколько возможно лучше исправлять опредѣленную ему часть, чтобъ произвесть совершенное согласіе.

Въ семъ же безконечномъ различіи должностей между людьми раздѣленныхъ, тѣ званія, о которыхъ рачительномъ исполненіи старається государство наибольшую имѣетъ нужду, суть такія, которыя отправляются отмѣнными дарованіями разума, и которыя требуютъ высочайшихъ и превосходнѣйшихъ познаній. Другія искуства, другія званія могутъ по нѣкоторой мѣрѣ пренебрежены быть, такъ что государство не получаетъ отъ того знатнаго вреда. А тѣ должности, которыя требуютъ разсудка и благоразумія, бываютъ инаковы; потому что онѣ даютъ движеніе всему тѣлу государства, и имѣя больше участія во власти и преимуществѣ, онѣ явнѣйшее производятъ дѣйствіе въ успѣхахъ правленія, и въ общенародномъ щастіи.

Но одна только добродѣтель приводитъ людей въ состояніе занимать публичныя мѣста съ пользою. Одни хорошія качества сердца уважаютъ про- Одно добронравіе занимаетъ пу-

6

Различныя мѣста по достоинству.

прочія дарованія, и составляя истинное достоинство человѣка, дѣлают его орудіемъ способнымъ къ снисканію благополучія обществу. Одна добродѣтель дает ему вкусъ въ истинной и твердой славѣ, вдыхаетъ любовь къ отечеству, и побужденія къ его услугамъ, научаетъ его предпочитать всегда общее добро приватному, не щитать ничего нужнымъ кромѣ должности, ничего драгоцѣннымъ кромѣ добронравія и справедливости, ничего утѣшительнымъ кромѣ свидѣтельства своей совѣсти, и похвалы добрыхъ людей, ничего безчестнымъ кромѣ порока. Одна добродѣтель дѣлаетъ его безкорыстнымъ, чтобъ сохранить чрезъ то свободу; поставляетъ его выше ласкательствъ, укореній, угрозъ и бѣдствій; препятствуетъ ему уступать неправдѣ, какъ бы она ни сильна и какъ бы ни страшна была, и наконецъ пріучаетъ его во всѣхъ своихъ поступкахъ взирать на вѣчное и безпристрастное мнѣніе потомства, и непредпочитать ему ложной и маловременной блескъ славы, которой изчезаетъ въ мѣстѣ съ жизнію такъ какъ легкой дымъ.

Вотъ что предлагаютъ себѣ добрые учители въ воспитаніи юношества. Они мало почитаютъ науки, естьли онѣ не провожаютъ къ добродѣтели; они вмѣняютъ ни во что наибольшее просвѣщеніе, естьли оно бываетъ безъ добронравія. Они предпочитаютъ честнаго человѣка ученому; и наставляя молодыхъ людей во всемъ томъ, что древность имѣетъ наилучшаго, они не столько стараются ихъ здѣлать искусными, сколько добродѣтельными; добрыми сыновьями, добрыми отцами, добрыми учителями, друзьями, гражданами.

Намѣреніе всѣхъ наукъ клонится къ учиненію человѣка добронравнѣйшимъ.

Безъ сего, въ самомъ дѣлѣ, надлежало ли бы столь высоко цѣнить такія ученія, которыя бы по словамъ мудраго язычника, не къ иному чему способствовали, какъ къ питанію гордости, и былибъ недѣйствительны къ исправленію какова нибудь порока? *Послужатъ ли они*, вопрошаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, *кому нибудь къ изцѣленію его ложныхъ предразсужденій? Или къ умягченію его страстей? Здѣлаютъ ли его великодушнѣе, справедливѣе, щедрѣе?*

Senec. epist 59.

Idem de brev. vitae. cap. 14.

Сенека взялъ сію столь важную мысль изъ Философіи Платона, которой во многихъ мѣстахъ своихъ сочиній полагаетъ сіе великое основаніе, что намѣреніе воспитанія и наставленія молодыхъ людей такъ какъ и правленія народовъ, есть то, чтобъ здѣлать ихъ лучшими, и что всякой, кто удаляется отъ сего конца, какоебъ онъ ни имѣлъ въ прочемъ достоинство, не заслуживаетъ почтенія и похвалы народной. Это есть мнѣніе, которое сей великой Философъ произнесъ объ одномъ изъ знатнѣйшихъ гражданъ Аѳинскихъ, которой чрезъ долгое время управлялъ республикою съ чрезвычайною похвалою, которой наполнилъ городъ храмами, ѳеатрами, статуями, публичными зданіями, которой украсилъ его славнѣйшими монументами, и здѣлалъ его златосіяющимъ, которой истощилъ все то, что рѣзьба, живопись, и домостроительство имѣютъ наилучшаго и великолѣпнѣйшаго, и утвердилъ въ своихъ дѣлахъ образецъ и правило вкусу всего потомства. Но Платонъ вопрошалъ, могъ ли кто нибудь показать хоть одного человѣка, гражданина, или иностранца, раба или вольнаго,

Plat. Gorgia.

начиная

начиная отъ собственныхъ его дѣтей, котораго бъ Периклъ здѣлалъ чрезъ свои попеченія честнѣйшимъ и благоразумнѣйшимъ? Онъ весьма разсудительно примѣчалъ, что Периклъ напротивъ того своимъ поведеніемъ отнялъ у Аѳинянъ добродѣтели ихъ предковъ, и что онъ здѣлалъ ихъ лѣнивцами, сластолюбивыми, пустословами, любопытными, и помышляющими только о тщетномъ и пустомъ. Изъ чего онъ оставлялъ другимъ заключать, что напрасно приписывали столь великія похвалы его правленію, затѣмъ что онъ ихъ не больше заслужилъ, какъ такой манежной мастеръ, которой взявшись убирать хорошаго коня, научилъ его только потыкаться, и быть грубымъ, непроворнымъ, упрямымъ, пужливымъ.

Не трудно примѣнить сіе основаніе къ изученію словесныхъ наукъ и знаній. Оно насъ научаетъ не пренебрегать ихъ, но собирать съ нихъ всѣ плоды, которыхъ только отъ нихъ ожидать надлежитъ; взирать на ихъ не такъ какъ на нашъ конецъ, но какъ на средства, которыя могутъ насъ привесть къ оному. Онѣ не имѣютъ добродѣтели безпосредственнымъ пред-

мѢтомъ, но онѢ къ ней пріуготовляютъ, и находятся въ разсужденіи ея тѢмъ, чемъ первыя основанія грамматики находятся въ разсужденіи самыхъ наукъ и знаній, то есть, полезнѢйшими орудіями, ежели умѢютъ ихъ употреблять по надлежащему.

Способъ направлять нравы.

Сіежъ ихъ употребленіе въ томъ состоитъ, чтобъ умѢть пользоваться всѢми тѢми правилами, примѢрами и достопамятными исторіями, которыя попадаются въ чтеніи Писателей, дабы вдохнуть въ молодыхъ людей любовь къ добродѢтели и отвращеніе отъ пороку.

Надобность противуполагать природной развратности человѢка, и злымъ обыкновеніямъ добрыя примѢры и правила.

Съ тѢхъ самыхъ поръ, какъ сердце человѢческое развратилось находится въ немъ нещастная способность къ произведенію зла, которая перемѢняетъ скоро въ дѢтяхъ малое число добрыхъ расположеній, которыя въ нихъ остались, естьли родители и наставники не принимаютъ труда воспитывать и возращать безпрерывно сіи слабыя сѢмена добра, драгоцѢнной остатокъ древней непорочности; и естьли они не вырываютъ съ неутомленнымъ попеченіемъ терновъ, которые столь худая земля произращаетъ безпрестанно.

Сія

Сія къ злу природная склонность укрѣпляется часто въ молодыхъ людяхъ всѣмъ тѣмъ, что ихъ окружаетъ. Много ли есть такихъ отцовъ, которые бы знали, сколь далеко надлежитъ простирать воздержаніе и осторожность въ присутствіи дѣтей, илибъ которые захотѣли принудить себя къ тому, чтобъ не имѣть никогда при дѣтяхъ такой рѣчи, которая можетъ произвесть ложное предразсужденіе въ ихъ разумѣ? Не все ли вкругъ ихъ отзывается похвалами истощаемыми на тѣхъ, которые собираютъ великое стяжаніе, имѣютъ отмѣнной екипажъ, дѣлаютъ богатые пиры, и живутъ въ великолѣпныхъ и богатоубранныхъ покояхъ? Не составляется ли изъ всѣхъ оныхъ похвалъ какъ будто бы общенародной крикъ, и гласъ несравненно опаснѣйшій, нежели гласъ Сиренъ, о которомъ упоминаютъ баснословы, и которой послѣ всего того, что намъ объ немъ ни сказано, слышанъ былъ только въ кругъ каменной горы, въ которой онѣ жили, вмѣсто того, что первой слышится во всѣхъ городахъ, и почти во всѣхъ домахъ? Нѣтъ ничего, что бы можно было говорить при дѣтяхъ безъ опасности. Одно слово вы-

шедшее изъ отцовскаго рта съ похвалою богатства, довольно имѣетъ силы воспламенить въ нихъ желаніе онаго, которое возрастать будетъ съ ихъ лѣтами, и никогда не угаснетъ.

И такъ всѣмъ онымъ обворожающимъ голосамъ надобно противуположить такой, которой бы слышанъ былъ среди сего безпорядочнаго шуму опасныхъ мнѣній, и которой бы разсыпалъ сіи ложныя предразсужденія. Молодые люди имѣютъ нужду въ вѣрномъ и рачительномъ увѣщателѣ, въ надежномъ адвокатѣ, которой бы защищалъ предъ ними дѣло истинны, честности и праваго разума; которой бы показывалъ имъ ложность царствующую во всѣхъ почти рѣчахъ и во всѣхъ разговорахъ людскихъ, и которой бы имъ сообщалъ надежныя правила къ учиненію сего разбору.

Но кто будетъ такимъ увѣщателемъ? Не учитель ли опредѣленной къ ихъ воспитанію отправлять будетъ его должность? И не правильныя ли онъ станетъ подавать имъ наставленія въ семъ дѣлѣ? Услышавъ одно имя наставленій, они приходятъ въ трепетъ, берутъ предосторожности, и ихъ разумъ не принимаетъ ничего того,

го, что имъ говорятъ, какъ будто бы ихъ обмануть хотѣли.

Надлежитъ имъ дать такихъ учителей, которыебъ имъ не подозрительны были, и на которыхъ бы они могли смѣло полагаться. Дабы ихъ предостеречь, или излѣчить отъ заразы вѣка сего, должно ихъ перенесть въ другія земли, и въ другія времена, и стремительному теченію ложныхъ мнѣній и худыхъ примѣровъ, которое влечетъ весь почти съ собою свѣтъ, противуположить мнѣнія и примѣры великихъ мужей въ древности, о которыхъ говорятъ имъ тѣ писатели, которые у нихъ въ рукахъ находятся. Они охотно внимаютъ наставленія, которыя даетъ имъ Камиллъ, Сципіонъ, Киръ; и которыя скрыты будучи подъ именемъ исторій тѣмъ больше въ нихъ дѣйствуютъ, чемъ меньше подобранными кажутся; они думаютъ, что они имъ по одному случаю попались.

Противуполагать любви къ богатству и утѣхамъ, которая

Вкусъ въ истинной славѣ, и въ истинномъ превосходствѣ уменьшается у насъ повседневно. Новые люди, которые обезумѣли отъ ихъ нечаяннаго щастія, и которыхъ чрезвычайные росходы не могутъ истощить без-

становитсягосподствующимЪ вкусомЪ, примѢры древности, которые оной противны суть.

мѢрныхЪ сокровищЪ, пріучаютЪ насЪ не щитать ничего великимЪ и дорогимЪ, какЪ только богатство, и богатство еще безмѢрное; взирать не только на бѢдность, но и на честную посредственность, такЪ какЪ на несносной стыдЪ; и полагать все достоинство и честь вЪ великолѢпіи зданій, домашнихЪ приборовЪ, екипажей, столовЪ.

Какого препятствія не противуполагаетЪ сему развратному вкусу древняя исторія? Она показываетЪ намЪ КонсуловЪ и ДиктаторовЪ, которыхЪ брали отЪ сохи. Какая это была подлость на взглядЪ! ОднакожЪ руки ожесточенныя деревенскими трудами поддерживали колеблющееся государство, и сохраняли республику. ВмѢсто того чтобЪ обогащаться, они отказывались отЪ золота, которое имЪ подносили, почитая, что лучше было повелѢвать тѢми, у которыхЪ оно вЪ рукахЪ было; нежели самимЪ его имѢть.

ПревосходнѢйшіе мужи, каковЪ АристидЪ былЪ у ГрековЪ, которой управлялЪ казною всей Греціи чрезЪ многія лѢта; а у РимлянЪ Валерій Публикола, Мененій Агриппа, и другіе премногіе, умирали часто не оставивЪ

вивъ ничего для отправленія ихъ похоронъ; столько то скудость была у нихъ въ чести, а богатство въ презрѣніи! Между ими видѣнъ былъ (*) одинъ почтенный старикъ прославившійся многими тріумфами, которой сидя при огнѣ ѣлъ овощи, которые онъ самъ возростилъ и собралъ въ своемъ саду. Они не похвалялись искуствомъ въ распоряженіи пиру; но вмѣсто того знали совершенно науку побѣждать непріятелей на войнѣ, и управлять гражданами во время миру. Великолѣпны будучи въ разсужденіи храмовъ и государственныхъ зданій, и явные непріятели роскоши приватныхъ людей, они довольствовались въ разсужденіи себя самихъ весьма умѣренными домами, которые они украшали добычами не отъ гражданъ, но отъ непріятелей полученными.

Августъ, которой вознесъ Римскую имперію на высочайшую степень величества, и которой взглянувъ на пышныя зданія, которыми онъ Римъ обогатилъ, похвалялся смѣючись, только справедливо, что онъ оставлялъ городъ мраморнымъ, которой онъ нашелъ

(*) Фабрицій.

шелЪ кирпичнымЪ; АвгустЪ, говорю я, во время всего своего царствованія, которое продолжалось болѣе сорока лѣтЪ, не отступалЪ никогда и ни вЪ чемЪ отЪ древней простоты своихЪ предковЪ. Его дворы, какЪ вЪ городѣ такЪ и вЪ деревнѣ, не имѣли ничего великолѣпнаго. ОнЪ сохранилЪ на всегда вЪ домѣ своемЪ уборы, которыхЪ бы устыдилась вЪ послѣдствіи сего роскошь приватныхЪ людей. ОнЪ жилЪ всегда вЪ одной камерѣ, не перемѣняя ее такЪ, какЪ другіе дѣлаютЪ, смотря по временамЪ. ОнЪ не носилЪ почти никогда другихЪ одеждЪ, кромѣ тѣхЪ, которыя или императрица Ливія, или сестра Октавія ему соткали.

Такія частицы исторіи восхищаютЪ молодыхЪ людей, да и кто бы ими не былЪ тронутЪ? Учители могутЪ имЪ помогать вЪ учиненіи разсужденій, каковы дѣлалЪ Сенека, видя вЪ одной мызѣ Сципіона Африканскаго крайне простыя бани, вмѣсто того, что вЪ его время великолѣпіе ихЪ доведено было до невѣроятной неумѣренности. „Я очень увеселяюсь, „говоритЪ онЪ, когда я сравниваю „нравы Сципіона сЪ нашими. Сей ве„ликой мужЪ, трепетЪ Карѳагена, и „честь

„ честь Рима, послѣ обрабатыванія земли своими собственными руками, „ приходилъ мыться въ семъ темномъ „ углу, обиталъ подъ сею малою кровлею, довольствовался залою столь „ неискусно вымощенною. Кого бы „ нынѣ такая посредственность удовольствовать могла? Всякой у насъ „ думаетъ, что онъ живетъ скудно „ и гнусно, естьли богатство и великолѣпіе не видны и въ самыхъ банѣхъ. О сколь чудно, восклицаетъ „ онъ въ другомъ мѣстѣ, видѣть человѣка, которой былъ главнокомандующимъ въ арміяхъ, Губернаторомъ „ въ провинціяхъ, которой удостоился „ честей тріумфа, и почтеннѣйшаго „ правительства въ Римѣ; и чтобъ сказать еще болѣе нѣчто, видѣть Катона не имѣющаго никакова больше „ екипажу какъ только одну лошадь, „ которая везла съ своимъ господиномъ „ весь его малой пожитокъ „! Естьли какое нибудь наставленіе Философское, которе бы могло быть полѣзнѣе такихъ разсужденій?

Какой силы не имѣютъ удивительныя слова Сципіона, теперь мною упомянутаго, которыми онъ объявляетъ Масиниссѣ, что изъ всѣхъ добродѣтелей

Tit Liv. lib. 30 n. 14. лей воздержность есть та, которою онъ наиболѣе хвалится; что молодые люди не столько долженствуютъ опасаться вооруженныхъ непріятелей, какъ утѣхъ, которыя окружаютъ сей возрастъ со всѣхъ сторонъ; и что всякой, кто умѣлъ ихъ обуздавать и укрощать, одержалъ побѣду несравненно славнѣе той, которую они получили надъ Сифаксомъ.

Онъ имѣлъ право говорить такимъ образомъ, показавъ примѣръ благоразумія за нѣсколько лѣтъ прежде сего въ разсужденіи приведенной къ нему между прочими плѣнниками молодой и прекрасной Принцессы. Увѣдомясь, что она зговорена была за молодова нѣкоего Князя той же земли, онъ содержалъ ее при себѣ съ такимъ раченіемъ и воздержностью, какъ будто бы она жила въ домѣ своей матери. Когда сей Князь прибылъ, то онъ ее отдалъ въ его руки, сказавъ ему рѣчь исполненную сего великодушія и благородства Римскаго, которое теперь находится почти въ однихъ только книгахъ; и чтобъ чего не недоставало въ сей столь похвальной поступкѣ, онъ отдалъ въ приданое сей Принцессѣ деньги, которыя отецъ и мать привезли

везли ему для искупленія своей дочери. Сей примѣръ тѣмъ удивительнѣе, что Сципіонъ тогда кромѣ того, что онъ былъ побѣдитель, былъ молодъ, и не женатъ. Такое великодушіе привлекло къ нему сердца всѣхъ народовъ Гишпанскихъ, и принудило ихъ взирать на его такъ какъ на бога сшедшаго съ неба въ человѣческомъ видѣ, которой все покарялъ подъ власть свою не столько чрезъ свое оружіе, какъ чрезъ свои благодѣянія и щедроту. Исполнены будучи удивленія и благодарности, они вырѣзали сіе дѣйствіе на щитѣ (*) серебреномъ, которой они поднесли въ подарокъ Сципіону, подарокъ, которой несравненно былъ драгоцѣннѣе и славнѣе всѣхъ сокровищъ, и тріумфовъ.

Пріучать молодыхъ людей предпочитать славнѣйшимъ дѣйствіямъ тѣ, въ которыхъ усматривается болѣе ми-

Сіи примѣры пріучаютъ молодыхъ людей чувствовать изрядство; вкушать добродѣтель; не почитать и не удив-

(*) *Господинъ Маффье въ своемъ разсужденіи о завѣшныхъ щитахъ примѣчаетъ, что Сципіонъ возвращаясь въ Римъ взялъ сей щитъ, которой при переѣздѣ чрезъ Ронъ погибъ съ частію его пожитку. Онъ пробылъ въ сей рѣкѣ даже до 1656 году, въ которомъ нѣкоторые рыбаки его нашли. Онъ теперь находится въ Королевскомъ кабинетѣ.*

лости и щедро ты. удивляться ничему кромѣ истиннаго достоинства: разсуждать здраво о людяхъ не по тому, чемъ они кажутся, но по тому, чемъ они въ самомъ дѣлѣ находятся; не слѣдовать народнымъ предразсужденіямъ; а особливо не прельщаться пустою славою блестящихъ дѣйствій, которыя часто во внутренности своей не имѣютъ ничего твердаго и великаго. Они ихъ научаютъ предпочитать милостивыя и щедрыя поступки тѣмъ, которые привлекаютъ намъ наиболѣе глаза и удивленіе людей, и по сей причинѣ почитать Сципіона Африканскаго, втораго сего имени, не меньше тогда, какъ онъ принятъ будучи сыномъ въ богатую фамилію оставляетъ все свое добро старшему своему брату, нежели въ то время, какъ онъ раззоряетъ Нумантію и Карѳагенъ. Они имъ внушаютъ, что услуга великодушно показанная другу въ крайней нуждѣ одерживаетъ верьхъ надъ славнѣйшими побѣдами. Это есть то изрядное разсужденіе, которое дѣлаетъ Цицеронъ въ одной изъ своихъ приказныхъ рѣчей. Сіе мѣсто есть изъ числа краснорѣчивѣйшихъ, по чему и не оставляютъ изъяснять все его искусство, и открывать

Pro Rabir. Post. n. 42. 43. 44.

вать всѣ его красоты молодымъ людямъ; но притомъ не позабываютъ привлекать ихъ вниманіе къ превосходному изреченію, которымъ оно оканчивается. Цицеронъ объявляетъ съ одной стороны о военныхъ качествахъ Кесаря, которыя онъ показываетъ во всей ихъ ясности, представляя его побѣдителемъ не только непріятелей, но и временъ; а съ другой о великодушномъ покровительствѣ, въ которое онъ принимаетъ стараго друга впадшаго въ нещастіе, и приведеннаго въ крайнюю скудость нечаяннымъ злоключеніемъ; и свѣсивъ, такъ сказать, на вѣсахъ истинны сіи два рода качествъ онъ изъясняется къ преимуществу послѣдняго. „Вотъ, говоритъ „онъ, то, что надлежитъ назвать „дѣйствіемъ поистиннѣ великимъ и „удивленія достойнымъ. Пускай ду„маютъ все то, что хотятъ, о мнѣ„ніи, которое я о семъ произношу; „но что до меня касается, то я щи„таю себя обязаннымъ предпочесть „всѣмъ другимъ качествамъ Кесаря то, „которое при столь великомъ щастіи, „и столь возвышенномъ достоинствѣ „заставляетъ его помогать нуждамъ

„ старова друга, и быть чувствитель-
„ нымъ къ его бѣдности „.

Разсужденіе о силѣ, чести, и о поединкахъ.

Я окончу сіи примѣчанія одною историческою частицею, которая очень служитъ къ наставленію молодаго шляхетства. Еврибіадъ Лакедемонской, главнокомандовавшій въ союзномъ Греческомъ флотѣ вооруженномъ противъ Персовъ, не въ силахъ будучи сносить, что Ѳемистоклъ Генералъ Аѳинской молодыхъ лѣтъ человѣкъ, защищалъ сильнѣйшимъ образомъ противное его мнѣнію, поднялъ трость на него съ угрожающею замашкою, и язвительными словами. Какъ бы поступили молодые наши офицеры въ такомъ случаѣ? Ѳемистоклъ спокойнымъ духомъ и безъ смущенія сказалъ; *ударь, только выслушай.* Πάταξον μὲν, ἄκουσον δέ. Еврибіадъ удивленъ будучи такою умѣренностію, выслушалъ его въ самомъ дѣлѣ, и по совѣту молодова Аѳинянина учинивъ сраженіе въ проливѣ Саламинскомъ, онъ одержалъ сію знатную побѣду, которая избавила Грецію отъ погибели, и пріобрѣла Ѳемистоклу безсмертную славу.

Искусной учитель умѣетъ пользоваться такимъ случаемъ, и не забываетъ сказать молодымъ людямъ, чтобъ они примѣчали, что ни у Грековъ, ни

у Римлянъ, побѣдителей столь многихъ народовъ, которые безъ сумнѣнія разумѣли силу чести, и знали довольно, въ чемъ состоитъ истинная слава, не было чрезъ столь многіе вѣки ни одного примѣру приватнаго поединка. Сіе варварское обыкновеніе биться между собою, иногда изъ одного слова сказаннаго на случай, и очищать мнимую обиду въ крови своихъ наилучшихъ друзей; сіе, говорю я, варварское обыкновеніе, которое мы называемъ благородствомъ, и величествомъ духа, не извѣстно было симъ славнымъ завоевателямъ. „Они оставляли „говоритъ Саллюстій, свою ненависть „и гнѣвъ для непріятелей, а съ своими согражданами спорились только „о славѣ и добродѣтели„. Sall Catil. cap. 9.

Познаніе характера и добродѣтелей великихъ мужей заставляетъ имъ подражать.

Сіе справедливо примѣчаютъ, что ничто столько не можетъ вдохнуть склонностей къ добродѣтели, и отвратить отъ пороку, какъ обращеніе съ добрыми людьми; по тому что оно вкрадываясь помалу, проницаетъ въ самое сердце. Частое ихъ слушаніе, и частое съ ними свиданіе служатъ вмѣсто правилъ. Одно ихъ присутствіе, и въ то самое время, какъ они молчатъ, говоритъ и наставляетъ. Сія то

есть польза, которая особливо долженствуетъ происходить изъ чтенія писателей. Оно насъ подружаетъ, такъ сказать, со всѣми превосходнѣйшими людьми въ древности. Мы обращаемся, странствуемъ, живемъ съ ними. Мы слышимъ ихъ рѣчи, и бываемъ свидѣтелями ихъ дѣйствій. Мы нечувствительно входимъ въ ихъ мнѣнія и склонности. Мы перенимаемъ у нихъ сіе благородство, сіе величество духа, сіе безкорыстіе, ненависть къ неправдѣ, любовь къ общему добру, которыя усматриваются во всей ихъ жизни.

Разсужденія о нравахъ долженствуютъ быть кратки.

Сіе говоря, я не думаю, чтобъ надлежало много распространять нравоучительныя разсужденія. Дабы наставленія касающіяся до нравовъ, могли имѣть дѣйствіе, они долженствуютъ быть кратки, проницательны, и такъ какъ стрѣла, спущены. Это есть надежнѣйшее средство вперить ихъ въ разумъ такъ, чтобъ они въ немъ на всегда остались. Тотъ, кто сіе говоритъ, есть Сенека, которой присовокупляетъ еще сравненіе весьма приличное къ сей матеріи. Такія разсужденія, говоритъ онъ, подобны сѣмени, которое само въ себѣ невелико; но

Epist. 38.

но естьли оно упадетъ на приготовленную по надлежащему землю, то оно мало помалу распускается, и чрезъ нечувствительныя приращенія изъ малѣйшаго, какимъ оно сперва было, дѣлается довольно пространнымъ и возвышеннымъ. Также и наставленія, о которыхъ я говорю, иногда не иное что бываютъ, какъ одно только слово, одно краткое разсужденіе; но сіе слово, сіе разсужденіе, которыя кажутся въ самую ту минуту какъ будто упадшими и погибшими, произведутъ дѣйствіе въ свое время.

Не надобно ожидать, чтобъ сіе дѣйствіе было скорое, а еще меньше того, чтобъ оно было общее. Довольно и того, что малое число имъ пользуется, и сіе малое число не преминетъ быть полезнѣйшимъ обществу. Ето есть разсужденіе, которое дѣлалъ Цицеронъ въ подобной матеріи; сказавъ напередъ, что не можно было показать большей и важнѣйшей услуги государству, какъ трудяся въ наставленіи юношества, а особливо въ такое время, когда по причинѣ необузданной своевольности нравовъ, оно имѣетъ нужду быть удержано и остановлено всѣми возможными средствами.

De Divinat. lib. II. 4. n. 5.

ТРЕТІЙ ПРЕДМѢТЪ,

Изученіе закона.

Безъ выученія закону школы Христіанскія ничѣмъ бы не различествовали отъ языческихъ.

То, что я сказалъ выше сего о попеченіи, которое должны принимать учители, показывать ученикамъ своимъ наставленія и примѣры добродѣтели попадающіяся въ писателяхъ, клонится еще только къ тому, чтобъ здѣлать юношей безпорочными людьми, честными гражданами, добрыми правителями. Это правда, что сіе немалаго стоитъ, и всякъ, кто имѣетъ счастіе въ томъ успѣвать, показываетъ великую услугу обществу. Однакожъ естьлибъ кто тѣмъ только трудъ свой ограничилъ, то бы онъ имѣлъ причину опасаться укоренія, о которомъ мы читаемъ въ Евангеліи: *что лишше творите; не и язычницы ли такожде творятъ?*

Матѳ. гл. V. 47.

Удивительное попеченіе язычниковъ въ разсужденіи нравовъ.

Въ самомъ дѣлѣ раченіе ихъ въ разсужденіи сего было столь велико, что оно долженствуетъ насъ въ стыдъ приводить. Я предложу здѣсь нѣкоторыя только мѣста изъ Квинтиліана, учителя язическаго, которой имѣлъ въ тожъ самое время наиболѣе искусства и добродѣтели.

Въ превосходной риторикѣ, которую онъ намъ оставилъ, помышляя зделать совершеннаго оратора, онъ полагаетъ сіе основаніе, что онъ не можетъ быть такимъ, естьли онъ не честной человѣкъ; и по необходимому послѣдствію, онъ требуетъ отъ него не только дарованія въ словѣ, но и всѣхъ добродѣтелей нравственныхъ. Сокращеніе того, что сказалъ Квинтиліанъ о сей матеріи. Proem. Lib. 1.

Предосторожности, которыя онъ принимаетъ для воспитанія опредѣляющихъ къ столь благородной должности, суть удивительны. Присматривая за своимъ питомцемъ отъ самой колыбели, и зная, сколь сильны бываютъ первыя впечатлѣнія, а особливо къ злу, онъ хочетъ, чтобъ въ выборѣ всего того, что близъ его находится, и что его окружаетъ, кормилицъ, то есть домашнихъ, дѣтей подобнаго возраста, главное стараніе было о добрыхъ нравахъ. Lib I. Cap. 1.

Онъ взираетъ на слѣпое небреженіе отцовъ и матерей въ разсужденіи ихъ дѣтей, и на ихъ нерадѣніе о сохраненіи въ нихъ драгоцѣннаго сокровища стыдливости, такъ какъ на источникъ всѣхъ безпорядковъ. Сколь онъ охуждаетъ сіе нѣжное воспитаніе, которое называютъ милосердіемъ и горячно- Cap. 3.

рячностію, и которое служитъ только къ приведенію въ безсиліе тѣла вмѣстѣ съ разумомъ! сколько онъ совѣтуетъ удалить отъ дому отцовскаго всѣ худыя рѣчи, и всѣ худые примѣры, дабы дѣти ими не заразились, прежде нежели они узнаютъ ихъ опасность, и чтобъ привычка къ злу не здѣлалась въ нихъ второй природою!

Онъ хочетъ, чтобъ усмиряли со тщаніемъ первыя движенія страстей; чтобъ все употребляли въ пользу для направленія нравовъ; чтобъ примѣры или образцы, которые учители даютъ имъ списывать, заключали нравоучительныя изреченія, служащія къ поведенію жизни; и чтобъ подъ видомъ забавы давали имъ выучать слова великихъ мужей.

Но когда дѣло происходитъ о выборѣ учителя, или надзирателя, какія онъ тогда употребляетъ выраженія! человѣкъ добродѣтельнѣйшій
Lib. 1. Cap. 3. мало еще значитъ по его мнѣнію; присмотръ строжайшій ему кажется недовольно еще строгъ. Причина, которую онъ на сіе предлагаетъ, весьма изрядна
Lib. 2. Cap. 2. Єто за тѣмъ, говоритъ онъ, что бы добронравіе учителя сохраняло ихъ невинность въ семъ нѣжномъ

номъ возрастѣ; и чтобъ въ послѣдствіи, когда труднѣе будетъ управлять ими, его важность, влагая въ нихъ почтеніе, удерживала ихъ въ должности.

Одно изъ наилучшихъ и извѣстнѣйшихъ мѣстъ Квинтиліана есть то, въ которомъ онъ разсматриваетъ сей славной вопросъ; *полезно ли наставлять дѣтей приватнымъ образомъ, или надлежитъ ихъ посылать въ публичныя школы?* Онъ хвалитъ послѣднее мнѣніе, и приводитъ на то многія причины, которыя кажутся очень сильны. Но онъ съ начала объявляетъ, что естьлибъ школы публичныя были опасны въ разсужденіи нравовъ, то какъ бы онѣ ни были полезны въ разсужденіи знаній, однакожъ не надлежало бы ни мало сумниться добродѣтель предпочесть краснорѣчію. Lib. 1. Cap. 2.

Когда онъ говоритъ о чтеніи писателей, то онъ увѣдомляетъ, что сіе дѣло требуетъ великихъ предосторожностей, чтобъ молодые люди въ такомъ возрастѣ, въ которомъ все то, что ни входитъ въ ихъ разумъ, оставляетъ въ немъ глубокіе слѣды, не научились ничего худаго и безчестнаго. Въ семъ намѣреніи онъ имъ запрещаетъ

прещаетъ вовсе читать сочиненія чрезвычайно вольныя и безчинныя; онъ не позволяетъ имъ чтенія комедій, развѣ только въ такое время, какъ нравы ихъ будутъ въ безопасности; и совѣтуетъ дѣлать выборъ не только въ писателяхъ, но и въ мѣстахъ того, котораго имъ читаютъ. „Что касается „до меня, говоритъ онъ, я признаюсь, „что есть нѣкоторыя части Горація, „которыхъ бы я не захотѣлъ изъяснять.

Кромѣ наставленій и примѣровъ добродѣтели, которыя подаетъ обыкновенное чтеніе, онъ желаетъ, чтобъ Профессоръ внушалъ искуснымъ образомъ повседневно въ своихъ изъясненіяхъ какое нибудь правило, или изреченіе полезное къ житію; за тѣмъ что то, что говорится живымъ голосомъ отъ учителя, котораго добрые ученики любятъ и почитаютъ, производитъ больше дѣйствія, нежели слова мертвыя. Квинтиліанъ такъ изъясняется, говоря о способѣ, которымъ надлежитъ поправлять сочиненія; но сіе еще справедливѣе находится въ разсужденіи того, что касается до нравовъ.

Естьли что нибудь, чего бы не доставало въ такой исправности? Могутъ

гутъ ли Христіанскіе учители поступить далѣе? да и всѣ ли они еще до ея достигають? Однакожъ ежели ихъ правда, ежели ихъ раченіе въ семъ дѣлѣ не превосходитъ раченія язычниковъ, то они безъ сумнѣнія *не внидутъ въ царствіе небесное.* Чего для послѣ того, какъ принятъ былъ трудъ, чтобъ здѣлать молодыхъ людей честными и добронравными гражданами, остается еще нужнѣйшее и важнѣйшее нѣкоторое дѣло, а имянно то, чтобъ здѣлать ихъ Христіанами. Первыя оныя качества суть сами по себѣ драгоцѣнны, но благочестіе находится ихъ душею, и ихъ несказанно увеличиваетъ. Когдажъ оно въ послѣдствіи времени обезсилѣвъ и помрачившись отъ страстей совсемъ наконецъ изчезаетъ, то за щастіе почесть должно, естьли добродѣтели нравственныя остаются; и сіе будетъ не малаго стоить, когда особы высокія мѣста занимающія и опредѣленныя къ правленію другихъ сохранятъ на всегда Римское добронравіе. По сей причинѣ не можетъ излишенъ быть трудъ, которой предпринимается, чтобъ всѣять въ разумъ молодыхъ людей сіи щастливыя сѣмена, и положить въ немъ сіи основанія.

Но

Главное намѣреніе университета есть то, чтобъ наставить молодыхъ людей въ благочестіи

Но главнымъ намѣреніемъ всѣхъ нашихъ трудовъ, концемъ всѣхъ нашихъ наставленій долженствуетъ быть законъ. Хотя мы и не всегда объ немъ говоримъ, однакожъ мы долженствуемъ всегда имѣть его въ умѣ, и не выпускать никогда изъ глазъ своихъ. Когда кто хоть мало вникнетъ въ древніе регламенты университета касающіися до учителей и учениковъ, въ различныя молитвы и торжества, которыя онъ предписалъ для призыванія помощи отъ бога, въ публичныя процессіи, которыя онъ установилъ въ каждое время года, и наконецъ въ опредѣленные и означенные дни, въ которые онъ прерываетъ публичныя ученія, дабы оставить время изготовиться надлежащимъ образомъ къ отправленію великихъ праздниковъ, и къ принятію таинствъ; когда, говорю, кто вникнетъ во все сіе, то не трудно будетъ познать, что намѣреніе сего благочестиваго училища есть то, чтобъ ученія молодыхъ людей освящаемы были закономъ; и что оно ихъ столь долгое время въ себѣ содержитъ съ тѣмъ единственно, чтобъ ихъ родить съ нова Іисусу Христу; *чадца моя, имиже паки болѣзную,*

Галат. IV, 19.

лѣзную, дондеже пообразится Христосъ въ насъ.

Съ симъ то самымъ намѣренiемъ университетъ приказалъ, чтобъ во всѣхъ классахъ, кромѣ прочихъ благочестивыхъ екзерцицiй, ученики прочитывали ежедневно по нѣскольку рѣчей взятыхъ изъ священнаго писанiя, а особливо изъ новаго завѣта, дабы, говоритъ онъ, другiя ученiя были какъ будто приправлены сею божественною солiю. Онъ согласенъ на то, чтобъ изъ язычническихъ писателей заимствовали изрядство и красоту как мыслей, такъ и выраженiй; ето суть драгоцѣнные сосуды, которые позволяется безъ грѣха похищать у Египтянъ. Но онъ опасается, чтобъ въ сихъ заразительныхъ чашахъ не представили еще молодымъ людямъ вина заблужденiя (какъ о семъ жаловался святый Августинъ) естьли между столь многими язычническими голосами, которыми безпрестанно отзываются школы, гласъ Iисуса Христа, единаго людей учителя, будетъ не слышанъ. Онъ почитаетъ сiю екзерцицiю благочестивую, цѣлительнымъ и сильнымъ отъ яду лѣкарствомъ, которое предупреждаетъ и укрѣпляетъ моло-

Регламентъ университета повелѣвающiй школьникамъ выучать повседневно по нѣскольку рѣчей изъ священнаго писанiя.

молодыхъ людей, при выходѣ изъ школы, противъ прелестей утѣхи, противъ ложныхъ мнѣній развращнаго вѣку, и противъ заразы худаго примѣру.

Регламентъ парламента о томъ же.

Парламентъ, которой неусыпно смотритъ, чтобъ наблюдаемы были узаконенія университетскія, въ генеральномъ Регламентѣ, которой онъ здѣлалъ для одной изъ сихъ Коллегій, повелѣваетъ Префекту крѣпко надзирать, *чтобъ ученики не проподили ни одного дня не выучивъ наизусть одно или два изреченія изъ священнаго писанія въ силу гимназическихъ узаконеній.*

Польза отъ чтенія св. писанія.

Краткія разсужденія о выучаемомъ изреченіи, которыя Профессоръ сообщаетъ живымъ голосомъ, присовокуплены будучи къ наставленію, которое дѣлается обыкновенно въ каждомъ классѣ по всѣмъ субботамъ, и къ изученію священной исторіи, довольное молодымъ людямъ подадутъ понятіе о Христіанскомъ ученіи. И естьли они не познаютъ его въ семъ возрастѣ, то когда они возмогутъ его познать? Неизвѣстно ли то, что время слѣдующее послѣ ученій похищаютъ пустыя забавы, утѣхи, или свѣтскія дѣла?

Началь-

Начальныя правила взятыя изъ священнаго писанія, послужатъ, какъ одинъ искусной писатель сего вѣку примѣнилъ благоразумно, къ исправленію премногихъ вещей, которыя попадаются въ дѣлахъ язычническихъ писателей, „ и которыя были написаны „ вдохновеніемъ демона съ тѣмъ, чтобъ „ обмануть людей ложною пріятностію, „ которая дѣлаетъ пороки намъ любезными, когда они представляются „ въ замысловатомъ видѣ „. Г. Ник.

Помощію сего свѣтила откроются въ сочиненіяхъ язычническихъ, какъ драгоцѣнныя искры истинны, которыя въ нихъ сіяютъ со всѣхъ сторонъ въ разсужденіи божества и закона, такъ и грубыя погрѣшности, которыя примѣшало суевѣріе. Ибо одно только божественное откровеніе можетъ намъ служить предводителемъ, и провесть насъ безопасно чрезъ сіе смѣшеніе тьмы и свѣту. Безъ него что иное были народы наиболѣе прославившіеся ихъ разумомъ и знаніемъ, естьли не толпа людей слѣпыхъ, незнающихъ, лишенныхъ смыслу и премудрости? Таково есть понятіе, которое даетъ намъ объ нихъ священное писаніе во многихъ мѣстахъ. Греки и Римляне были народы

Примѣчать въ язычническихъ писателяхъ все то, что касается до закону.

Второзак. 32. 21.

роды политичные, просвѣщенные, наполненные особами искусными въ знаніяхъ и наукахъ. У нихъ находятся ораторы, Философы, политики, многіе притомъ законодавцы, юриспруденты, судьи. Однакожъ между столь многими разумными особами передъ глазами людей, богъ не находитъ кромѣ младенцовъ безсмысленныхъ. *Господь призрѣ съ небеси на сыны человѣческія, да видитъ, аще есть разумѣваяй: нѣсть до единаго.* Псал. XIII. 2. 3.

Спроси у мудрецовъ сихъ народовъ, что такое они обожаютъ, чего надѣются за почтеніе, которое они оказываютъ богамъ своимъ; чемъ они сами находятся, и чемъ будутъ; какой есть источникъ и правило должностей; какое начало власти правителей: какой конецъ республикъ? Ты удивишся тому, что сіи мудрецы покажутся младенцами, въ разсужденіи сихъ важныхъ вопросовъ, мало различными отъ пчелъ и муравьевъ, которые живутъ въ республикахъ, и хранятъ нѣкоторые законы, не зная того, что они дѣлаютъ.

Слѣды первороднаго грѣха.

Они усмотрѣли нѣсколько послѣдствій грѣха первороднаго; но не зная ихъ источника и начала. Можно ли описать

описать бѣдствія раждающагося человѣка съ большею живостію, нежели Плиній сіе дѣлаетъ въ своемъ изрядномъ предисловіи къ VII. книгѣ. Онъ представляетъ сіе гордое животное, опредѣленное къ управленію всего свѣта, въ совершенномъ обнаженіи отъ всякаго вспоможенія, въ слезахъ, въ болѣзняхъ; лежащимъ въ колыбели съ связанными руками и ногами; нещастнымъ извергомъ натуры поступившей съ нимъ болѣе какъ мачиха, нежели какъ мать родная; и начинающимъ свою плачевную жизнь чрезъ страданіе наказаній, хотя оно не имѣетъ другой винности кромѣ той, что оно родилось. Все то, что Плиній изъ сего состоянія заключаетъ, есть то, что ето весьма удивительно, что человѣкъ послѣ такихъ начатій можетъ сохранить сколько нибудь гордости.

Цицеронъ въ одной книгѣ, которой мы болѣе не имѣемъ, и которой святый Августинъ сохранилъ намъ нѣкоторыя драгоцѣнныя частицы, описалъ прежде Плинія такимъ же почти образомъ состояніе человѣка, выключая то, что онъ присовокупилъ такія черты, которыя выражаютъ еще лучше послѣдствія первороднаго грѣха,

 при-

S. August. lib. 4. contra Julian cap. 12 n. 60.

примѣчая со стороны души природное человѣка порабощеніе всякимъ страстямъ, и нещастную склонность, которая ввергаетъ его въ пороки и безчинія; однакожъ такъ, что видны еще въ немъ оставшіеся нѣкоторые лучи свѣта, и слабыя искры разума.

Lib. 6.

Ксенофонтъ въ Киропедіи упоминаетъ о нѣкоторомъ молодомъ Мидійскомъ господинѣ, которой не устоявъ противъ искушенія, о которомъ онъ сперва думалъ, что онъ не долженствовалъ его и опасаться (столько то онъ полагался на свои силы) признается Киру въ своей слабости, и говоритъ, что въ немъ были двѣ души, изъ которыхъ одна, которая его устремляла къ добру, одерживала верьхъ тогда, какъ сей Государь былъ въ присутствіи; а другая, которая его привлекала къ злу, выигрывала побѣду, когда онъ прочь удалялся. Вотъ ясно изображенное вожделѣніе!

Contra Julian lib. IV. cap. 15. n. 78.

Самые Философы приведены симъ были въ изумленіе, и приближились къ вѣрѣ Христіанской, какъ примѣчаетъ св. Августинъ, почитая погрѣшности и бѣдствія, которыми жизнь сія наполнена, послѣдствіемъ божіяго правосудія, которое наказывало такимъ

кимъ образомъ нѣкоторыя винности учиненныя въ другой жизни, которыя были истинны и дѣйствительны, хотя онѣ имъ были неизвѣстны.

Сїе чудное смѣшенїе подлости и благородства, слабости и силы, любви къ истиннѣ, и склонности къ заблужденїю, стремленія къ щастію, и подверженія бѣдности, сїе, повторяю я, смѣшеніе, которое находится состояніемъ всякаго человѣка послѣ преступленія Адамова, было для нихъ непостижимою загадкою. Они ощущали въ себѣ самихъ всѣ сіи противности, но не знали ихъ причины, какъ св. Августинъ сіе примѣчаетъ въ разсужденіи Цицерона; rem vidit causam nescivit, да какъ имъ и знать ее можно было, имъ, которые не знали совсемъ священнаго писанія, которое одно только подаетъ намъ рѣшеніе всѣхъ оныхъ трудностей, увѣдомляя насъ о паденіи перваго человѣка, и о послѣдствіяхъ грѣха первороднаго. S. August. contra Jul. cap. 12. n. 60.

Но когда однажды положены основанія, которыя откровеніе намъ подаетъ въ разсужденіи всѣхъ оныхъ матерій, тогда уже писатели язычническіе съ легкими отмѣнами въ ихъ выраженіяхъ, и въ ихъ мнѣніяхъ могутъ здѣ-

латься Христіанами, какъ примѣчаетъ сіе св. Августинъ, и бываютъ намъ весьма полезны въ разсужденіи самаго закона.

De Doctchrist. cap. 4.

Слѣды многихъ другихъ истинъ закона.

Вездѣ въ нихъ видны крѣпкія доказательства о безсмертіи души, такъ какъ о награжденіяхъ и наказаніяхъ другой жизни. Вездѣ въ нихъ примѣчается надобность и бытіе верьховнаго, независящаго, вѣчнаго существа, котораго провидѣніе распространяется ко всему, и входитъ въ мѣлчайшія подробности; котораго благость предупреждаетъ всѣ нужды человѣка, и его осыпаетъ благими; котораго правосудіе наказываетъ общіе безпорядки общими бѣдствіями, и умилостивляется раскаяніемъ; котораго неограниченное могущество располагаетъ государства и имперіи, и опредѣляетъ самовластнымъ образомъ судьбу особыхъ людей и народовъ. Въ нихъ наконецъ мы находимъ, что сіе вездѣ сущее и все надзирающее существо выслушиваетъ молитвы, принимаетъ желанія, присутствуетъ въ клятвахъ, и наказываетъ ихъ нарушителей; что оно проницаетъ окомъ своимъ въ самую темнѣйшую глубину совѣстей, и возмущаетъ ихъ угрызеніями; что оно

отни-

отнимаетъ у однихъ благоразумïе, разсужденïе, смѣлость; и даетъ ихъ другимъ; что оно охраняетъ невинность, благопрïятствуетъ добродѣтели, ненавидитъ порокъ, и наказываетъ его часто въ сей жизни; и что наконецъ оно соблаговоляетъ усмирять гордыхъ, и отнимать у неправедныхъ силу, которую они во зло употребляютъ.

Сколь много искусной учитель пользуется всѣми сими важными истинами, и премногими другими имъ подобными, которыя ежедневно показываясь въ новыхъ видахъ, дѣлаютъ мало помалу въ разумѣ тайное, внутренное и какъ бы врожденное увѣренïе, противъ котораго невѣрïе послѣ сего имѣетъ гораздо меньше силы!

Замѣчать мѣста язычническихъ писателей, въ которыхъ упоминается о Христïанствѣ.

Не безполезно также для показанïя молодымъ людямъ щастïя, которое они имѣютъ быть рожденными въ Христïанскомъ законѣ, велѣть имъ примѣчать, съ какимъ презрѣнïемъ знатнѣйшïе писатели язычническïе говорили о начинающемся Христïанствѣ, которое однакожъ испускало тогда столь великой блескъ и славу. Я здѣсь приведу изъ нихъ два или три только мѣста.

Tacit. Annal. lib. XV. cap. 44.

Тацитъ упоминая о зажженіи Рима, котораго виновникомъ всѣ признавали Нерона, говоритъ, „что сей „государь хотѣлъ уничтожить сіе об„щее всѣхъ увѣреніе, слагая причину „и ненависть пожару на тѣхъ, кото„рыхъ народъ Христіанами называлъ, „и что онъ велѣлъ ихъ мучить ужа„сными наказаніями. Ето были, го„воритъ онъ, безчестные люди, ко„торыхъ весь свѣтъ имѣлъ въ омерзѣ„ніи какъ такихъ, которые виноваты „были въ самыхъ гнуснѣйшихъ престу„пленіяхъ. Они получили свое имя, „продолжаетъ сей историкъ, отъ нѣ„коего Христа, котораго Понтій Пи„латъ, Іудейской Губернаторъ, каз„нилъ при Тиверіѣ. Сія пагубная секта „уничтожена будучи на нѣсколько вре„мени, распложалась съ нова не только „во Іудеи, въ которой она бытіе свое „получила, но и въ самомъ Римѣ, ко„торой находится зборнымъ мѣстомъ, „и стеченіемъ всѣхъ смраднѣйшихъ дря„ней свѣта„. Онъ присовокупляетъ послѣ сего; что они уличены были не столько въ томъ преступленіи, которое имъ приписывалось, сколько въ ненависти рода человѣческаго. Светоній, говоря о семъ зажженіи Рима, даетъ намъ

Jn. Neron. cap. 16.

намъ такоежъ понятіе о Христіанствѣ, которое онъ щитаетъ за новое суевѣріе смѣшанное съ волшебствомъ.

Сіи великіе мужи, говоритъ Г. Тильемонтъ, упоминая объ ономъ дѣлѣ, которые столько старались искать истинны въ исторіи, и въ посредственныхъ вещахъ, оказывали великое нерадѣніе о такой, въ познаніи которой они имѣли наибольшую нужду. Они охуждали въ своихъ сочиненіяхъ неправосудіе Государей, которые наказывали неизслѣдовавъ точно преступленія; а сами не стыдились дѣлать такоежъ неправосудіе, ненавидя за неизвѣстныя преступленія тѣхъ, въ которыхъ они не видали ничего, что бы похвалять принуждены не были.

Справедливо думаютъ, что то, что говоритъ Квинтиліанъ о *начальникѣ суевѣрія Іудейскаго, которой собралъ народъ пагубной всѣмъ другимъ народамъ*, должно разумѣть о самомъ Іисусѣ Христѣ, а не о Моисеѣ; за тѣмъ что въ сіи первыя времена весьма часто смѣшивали Христіанъ съ Жидами. Ето бы долженствовало казаться удивительно, что такой человѣкъ, какъ Квинтиліанъ, столь въ прочемъ благоразумной и столь умѣ- Lib. 3. Cap. 7.

умѣренной, и которой имѣлъ щастіе вступить (*) въ одинъ домъ наполненной знатными Христіанами, и изобильной притомъ мучениками, говорилъ симъ образомъ о Христіанствѣ, ежелибъ не было извѣстно, что вѣра не есть плодъ разума, и благоразсужденія, но чистой даръ милосердія божія. Такой писатель, которой могъ распространить свое ласкательство даже до того, что призналъ богомъ Императора, и еще такова, какъ былъ Домитіанъ, достоинъ былъ того, чтобъ говорить хулу на Іисуса Христа и на его законъ.

Нѣтъ ничего славнѣе, какъ письмо Плинія младшаго къ Императору Траяну о Христіянахъ. Въ немъ видно, что прилѣпленіе къ Христіанству почиталось упорностію, упрямствомъ, глупостію, и по сей пустой причинѣ штрафовано было лютѣйшею казнію такъ какъ гнуснѣйшее изъ всѣхъ преступленіе. Плиній не знаетъ, можетъ

(*) *Квинтиліану поручено было воспитаніе двухъ молодыхъ Принцовъ, дѣтей Флавія Климента, которой имѣлъ честь пострадать за Іисуса Христа, такъ какъ и Домитилла его жена, и другая Домитилла его племянница.*

жетъ ли въ семъ дѣлѣ раскаянiе заслужить прощенiе, или безполезно переставать быть Христiаниномъ, когда кто одинъ разъ здѣлался такимъ; одно ли имя въ нихъ наказывается, или преступленiя соединенныя съ симъ именемъ. „Тѣ, которыхъ я взялъ въ „допросъ, говоритъ онъ, увѣряли, „что вся ихъ погрѣшность или заблу-„жденiе состояло въ томъ, что въ „одинъ означенной день они собирались „передъ всхожденiемъ солнца, чтобъ „пѣть попеременно похвалы Христа, „какъ нѣкоего бога; что они обязывались „клятвою не къ тому, чтобъ дѣлать „какое беззаконiе, но чтобъ не дѣлать „ни хищенiя, ни воровства, ни прелю-„бодѣянiя, чтобъ хранить ненарушимо „свое слово, чтобъ не запираться въ за-„логѣ, когда его назадъ потребуютъ; и „что послѣ сего они разходились, и со-„бирались опять на общей пиръ, въ ко-„торомъ не было ничего беззаконнаго„. Однакожъ онъ признается, что онъ приказалъ вести на казнь тѣхъ, которые остались въ ихъ признанiи, не сумнѣваясь, чтобъ ихъ упорность и упрямство непреодолимое не заслужили наказанiя, хотя бы Христiанство ихъ и не дѣлало виноватыми.

Отвѣтъ отъ Императора былъ сей, „что не надлежало выискивать Христіанъ; но естьли на ихъ донесутъ, „говоритъ онъ, и естьли ихъ обвинятъ на судѣ, то надобно ихъ наказывать; однакожъ такъ, чтобъ тѣ, „которые будутъ утверждать, что „они не Христіаны, и которые докажутъ сіе дѣлами, то есть принесеніемъ жертвъ нашимъ богамъ, сочтены были не винными. Въ прочемъ, „присовокупляетъ Траянъ, ни въ какомъ „родѣ преступленія не должно принимать челобитенъ и доносовъ, которые никѣмъ не подписаны; потому что это есть пагубнаго примѣру, „и весьма не сходственно съ нашими „предписаніями „.

Сколько такія мѣста подаютъ разсужденій способныхъ къ показанію молодымъ людямъ святости и чистоты закона Христіанскаго, самопроизвольнаго, и поноснаго ослѣпленія остроумнѣйшихъ мужей въ язычничествѣ, несноснаго неправосудія умѣреннѣйшихъ и мудрѣйшихъ государей Римскихъ, и явнаго противорѣчія ихъ указовъ на Христіанъ, въ которыхъ видно, что для осужденія ихъ надлежало отказаться не только отъ всякой справедливости,

ведливости, но отъ здраваго смыслу, и праваго разума? „О указъ Императорской, восклицаетъ Тертуліанъ, „говоря о письмѣ Траяновомъ, для чего „ты не согласенъ самъ съ собою? Ежели ты повелѣваешъ осуждать преступленіе, то для чего не повелѣваешъ изыскивать его? А ежели запрещаешъ его изыскивать, то для „чего неприказываешъ оправдать его„? Мнѣ кажется, что не должно выпускать изъ коллегіи молодыхъ людей не прочитавъ имъ такихъ мѣстъ въ язычническихъ писателяхъ, изъ которыхъ многія подаютъ доказательство о святости и истиннѣ нашего закона, и которыя суть столь способны вдохнуть въ нихъ почтеніе къ оному.

Tertul. Apol. 6. 2.

Но надежнѣйшее и дѣйствительнѣйшее средство вперить въ молодыхъ людей склонности къ благочестію, есть то, чтобъ учитель самъ былъ чувствительно имъ тронутъ. Тогда уже все въ немъ говоритъ, все наставляетъ, все вдыхаетъ почтеніе къ закону, и въ то самое время, какъ дѣло совсемъ о другомъ чемъ нибудь происходитъ. Ибо въ семъ случаѣ сердце дѣйствуетъ еще болѣе нежели разумъ; и не только въ разсужденіи знаній, но и въ

Средство вдохнуть въ другихъ благочестіе, есть то, чтобъ быть самому онымъ тронуту.

и въ разсужденіи добродѣтели примѣры скорѣе успѣваютъ, нежели правила.

Сей характеръ видѣнъ былъ особливо въ св. Августинѣ, и повѣсть отъ него намъ оставленная о способѣ, которымъ онъ наставлялъ своихъ учениковъ, можетъ быть весьма полезна какъ для учениковъ, такъ и для учителей. Въ ней видно, что нужнѣйшее качество Христіанскаго учителя есть то, чтобъ онъ имѣлъ къ ученикамъ сію любовь св. Павломъ упоминаемую, которая воспламеняетъ въ немъ горячую ревность о ихъ спасеніи, и дѣлаетъ его крайне чувствительнымъ ко всему тому, что можетъ хоть малой ущербъ причинить оному.

2. Кор. II. 2.

Сей великой святой по своемъ обращеніи удалился въ деревню съ нѣсколькими друзьями, гдѣ онъ наставлялъ двухъ молодыхъ человѣкъ именемъ Лицента и Тригеса. Онъ установилъ правильныя между ими сношенія, въ которыхъ онъ заставлялъ ихъ говорить о различныхъ матеріяхъ, которыя предлагались. Всякой защищалъ свое мнѣніе, и отвѣчалъ на вопросы и трудности ему заданныя. Все то, что говорили съ обѣихъ сторонъ, было записывано. Случилось въ одинъ день Три-

S. August. lib 1 de ordine. cap. 10.

Тригесу сказать отвѣтъ, которой не очень былъ исправенъ, и котораго онъ желалъ, чтобъ не записывали. Лиценть съ своей стороны крѣпко стоялъ въ противномъ, и требовалъ, чтобъ онъ записанъ былъ. Они оба разгорячились, какъ ето обыкновенно бываетъ, говоритъ Августинъ, между молодыми, или лучше сказать между всѣми людьми, которые наполнены тщеславіемъ и гордостію.

Св. Августинъ здѣлалъ выговоръ довольно строгой Лиценту, которой застыдился отъ того немедлѣнно. Другой восхищенъ будучи смятеніемъ и стыдомъ, въ которомъ онъ видѣлъ своего соперника, не могъ скрыть своей радости. Святой будучи тронутъ чувствительною болѣзнію, видя тайную досаду одного, и злобную радость другова, и обращаясь къ нимъ обѣимъ; „такъ не ужели вы, говоритъ имъ, „такимъ образомъ поступаете? Ето „ли есть любовь истинны, которою „льстился я, что вы въ сію минуту „объяты были„? Послѣ многихъ представленій онъ такимъ образомъ оканчиваетъ: „Любезные мои дѣти, не „умножайте, прошу васъ, моихъ „бѣдностей, которыя и такъ уже

„очень

„ очень велики. Ежели вы чувствуете, „ сколько я васъ почитаю, и люблю; „ и сколь дорого мнѣ ваше спасеніе; „ ежели вы увѣрены, что я не желаю „ большаго добра самому себѣ, нежели „ вамъ; наконецъ ежели называя меня „ учителемъ своимъ, вы щитаете се- „ бя обязанными показывать мнѣ вза- „ имно любовь и горячность; то вся „ благодарность, которой я отъ васъ „ требую, состоитъ въ томъ, чтобъ „ вы были добрыми людьми „. Слезы тогда изъ глазъ его ручьемъ потекли, и окончили то, что рѣчь его начала. Ученики зжалившись ни о чемъ болѣе не помышляли, какъ только объ утѣшеніи ихъ учителя чрезъ скорое раскаяніе въ тогдашнее время, и чрезъ искреннія обѣщанія въ разсужденіи будущаго.

Но погрѣшность сихъ молодыхъ людей достойна ли была того, чтобъ учитель столько былъ ею тронутъ? Не обыкновенны ли суть такіе споры? И хотѣть выгнать изъ нихъ сію живость, и сію чувствительность, не значитъ ли угашать весь жаръ ученія, и уничтожать поощреніе столь нужное сему возрасту?

Св. Августинъ не имѣлъ такова намѣренія. Онъ только хотѣлъ содержать

жать въ надлежащихъ границахъ благородное рвеніе, и воспрепятствовать, чтобь оно не превратилось въ гордость, которая есть наибольшею человѣка немощїю. Онъ вовсе не думалъ лѣчить ее другою, которая можетъ статься не меньше опасна; я разумѣю лѣность и нерадѣніе. „Сколько бы я сожалѣнія „достоинъ былъ, говоритъ онъ, когда бы имѣлъ такихъ учениковъ, въ „которыхъ бы порокъ не могъ ничемъ „другимъ исправиться, какъ только „другимъ порокомъ„.

Вотъ осторожныя мысли, которыхъ не находится у язычниковъ! Они, правда, согласуются въ томъ, что честолюбїе, о которомъ мы здѣсь говоримъ, есть порокъ; но со страннымъ нѣкоторымъ противорѣчїемъ они представляютъ оное такимъ порокомъ, которой бываетъ часто въ молодыхъ людяхъ источникомъ добродѣтелей; и дѣлаютъ все то, что нужно къ питанїю и умноженїю сей болѣзни. Одно только есть Христїанство, которое исцѣляетъ все, которое объявляетъ войну всѣмъ вообще порокамъ, и которое можетъ поставить человѣка въ совершенномъ здоровьѣ. Философїя со всѣми своими правилами не простирается столь далеко.

Quintil. lib. 1. cap 3.

И

Все прочее относить къ закону, и ему подвергать.

И такъ, дабы представить въ немногихъ словахъ то, что я сказалъ по сіе мѣсто, надлежитъ, чтобъ разумъ, украсивъ мысль своего ученика всѣми человѣческими знаніями, и укрѣпивъ его сердце всѣми нравственными добродѣтелями, предалъ его въ руки закона, дабы научить его пользоваться по надлежащему всѣмъ тѣмъ, чему онъ его обучитъ, такъ чтобъ сіе послужило ему и въ самой вѣчности. Онъ долженъ его увѣдомить, что безъ наставленій сего новаго учителя, весь его трудъ былъ бы одна пустая забава, за тѣмъ что онъ ограничился бы землею, временемъ, тщетною славою, прерывающимся благополучіемъ; и что сей новой предводитель одинъ только можетъ привесть человѣка къ его началу, поставить его въ лонѣ божества, здѣлать его стяжателемъ верьховнаго блага, къ которому онъ стремится, и исполнить безмѣрныя его желанія безпредѣльнымъ щастіемъ. Наконецъ послѣднее и важнѣйшее изъ всѣхъ увѣщаніе, которое онъ дать ему долженствуетъ, есть то, чтобъ онъ съ совершенною послушностію внималъ высочайшія наставленія, которыя законъ ему подавать станетъ, чтобъ покарялъ ему все

все другое просвѣщеніе, и щиталъ за наибольшее благополучіе и за неотмѣнную должность то, чтобъ употребляшь всѣ свои познанія, всѣ дарованія къ его славѣ.

РАСПОЛОЖЕНІЕ СЕГО СОЧИНЕНІЯ, И ОСОБЛИВЫЯ ПРИМѢЧАНІЯ.

Предполагая всегда три различные предмѣта, которые учители должны предлагать себѣ въ наставленіи юношества, и о которыхъ сказано было въ первой части сего предисловія, я раздѣлю сіе сочиненіе на шесть частей.

Первая будетъ имѣть главнымъ предмѣтомъ грамматику, и знаніе языковъ, которыхъ надлежитъ обучаться въ коллегіи, и которые суть; Французской, Греческой, Латинской.

Во второй я предложу о Поезіи.

Третья изъ нихъ пространнѣйшая касаться будетъ до Риторики. Въ сей то части особливо я отвѣдаю направить вкусъ молодыхъ людей, полагая предъ глазами ихъ главныя правила, которыя намъ оставили превосходнѣйшіе учители науки о сей матеріи, и присовокупляя къ онымъ правиламъ примѣры

мѣры взятые изъ самыхъ лучшихъ писателей Латинскихъ и Французскихъ, которыхъ красоты я открыть иногда постараюсь.

Исторія составлять будетъ четвертую часть Я заключаю подъ симъ именемъ исторію священную, которая есть основаніемъ всѣхъ прочихъ; басню, которая хоть и не столь древна, какъ истинна, однакожъ за нею близко послѣдовала, и отъ ней приняла бытіе свое, портя ее и повреждая; исторію Греческую, которая вмѣщаетъ въ себѣ исторію другихъ нѣкоторыхъ народовъ; и наконецъ исторію Римскую. Древности и обыкновенія обѣихъ народовъ такъ, какъ Хронологія и Географія, пріобщены будутъ къ разсужденію объ исторіи.

Философія съ принадлежащими къ ней знаніями будетъ матеріею пятой части.

Къ симъ пяти частямъ я присовокуплю шестую, которая весьма полезна быть можетъ, естьли только я буду имѣть щастіе исправно написать ее. Кромѣ многихъ членовъ, которые будутъ опущены, или которые ненайдутъ пристойнаго мѣста въ прочемъ сочиненіи, она заключать будетъ под-

подробность внутренняго правленія классовъ и коллегіи; способъ, которымъ надлежитъ поступать съ молодыми людьми, узнавать ихъ характеръ, нравы, склонность, недостатки, и подавать имъ самимъ познаніе объ оныхъ; наконецъ раченіе, которое надлежитъ имѣть о исправленіи ихъ разума и сердца нестолько чрезъ публичныя наставленія, какъ чрезъ приватныя обращенія, которыя долженствуютъ быть вольны, удобны, просты, безъ принужденія, безъ хитрости, словомъ сказать, таковы, чтобъ молодые люди могли имѣть совершенную довѣренность къ ихъ учителямъ.

Въ прочемъ я не намѣренъ въ семъ сочиненіи собщить новаго расположенія ученій, ниже предложить новыхъ правилъ и новаго способа къ наставленію молодыхъ людей; но только показать то, что наблюдается въ разсужденіи сего въ Парижскомъ университетѣ, что дѣлали мои учители, и что я самъ старался наблюдать послѣдуя ихъ примѣру. И такъ выключая малое число членовъ, въ которыхъ я могу отважиться предложить нѣкоторыя особливыя мысли, напримѣръ о надобности обучаться Французскому языку по

правиламъ, и полагать больше времени на исторію, я во всемъ прочемъ объявлю только вѣрнымъ образомъ то, что отправляется съ давняго времени въ коллегіяхъ университетскихъ. Я прошу читателя, чтобъ онъ соблаговолилъ брать въ етомъ смыслѣ все то, что онъ найдетъ въ семъ сочиненіи подъ именемъ примѣчаній и правилъ, хотя кажется, что я вездѣ говорю то, что надлежитъ дѣлать, а не то, что дѣйствительно уже дѣлается, понеже для наблюденія порядку и ясности я не могъ изъясниться иначе.

Я долженъ также съ начала объявить, что я не имѣю въ мысли того, чтобъ наставлять Профессоровъ, а особливо тѣхъ, которые имѣютъ совершенной возрастъ и искуство. Отъ нихъ я бы самъ желалъ заимствовать просвѣщеніе о способѣ обучать; да я и дѣйствительно вопрошалъ о семъ многихъ изъ нихъ, которыхъ совѣты довольно мнѣ послужили. Но можетъ статься сіе сочиненіе будетъ не безполезно для молодыхъ учителей, которые еще не искусились, и для молодыхъ книгочтецовъ, которые имѣютъ разумъ и охоту, но не нашедъ съ начала хорошихъ предводителей, чувствуютъ

ствуютъ въ томъ нужду, чтобъ имъ показали дорогу, которой они долженствуютъ держаться, дабы могли поступать сами собою въ ихъ ученіяхъ, и притти въ состояніе другимъ предводительствовать.

Одно изъ моихъ главныхъ намѣреній въ примѣчаніяхъ мною учиненныхъ о сей матеріи, а особливо въ тѣхъ, которыя составлять будутъ второй томъ сего сочиненія, было то, чтобъ утвердить чрезъ оныя, естьли возможно, доброй вкусъ, которой царствуетъ съ давняго времени въ университетѣ, и которой въ немъ сохранился какъ будто бы чрезъ преданіе и живымъ голосомъ переходя отъ учителей къ ученикамъ.

Дабы не говорить на удачу, и не предложить ничего не основательнаго; я начинаю обыкновенно всякую матерію, о которой я говорю, положеніемъ правилъ и основаній, которыя я беру изъ искуснѣйшихъ мужей въ дѣлѣ краснорѣчія, а особливо изъ Цицерона и Квинтиліана. По семъ я присовокупляю къ ихъ правиламъ примѣры взятые изъ наилучшихъ писателей какъ Латинскихъ такъ и Французскихъ.

Я привожу множество Латинскихъ мѣстъ изъ двухъ писателей, о которыхъ я упомянулъ, и которые суть главные мои предводители; и льщусь, что тѣмъ не будутъ не довольны. Сіи мѣста суть по большой части отборныя, знатныя, и какъ бы цвѣтъ самой чистой Латини, и превосходные образцы неповрежденнаго краснорѣчія. Они, какъ мнѣ кажется, могутъ сами собою направить вкусъ, въ чемъ главное мое состоитъ намѣреніе. Я пользовался много и Сенекою, которой изобиленъ важными мыслями, и изрядными выраженіями, хотя его штиль во многихъ мѣстахъ весьма недостаточенъ.

Можно было не приводить всѣхъ оныхъ мѣстъ; положить только ихъ мысли въ самомъ сочиненіи, которое бы по сей причинѣ было одновиднѣе, и похожее на подлинникъ; и скрыть рачительно всѣ слѣды сихъ похищеній. Я не незнаю, что это есть польза, которую надлежитъ получать изъ чтенія. Писатель, уподобляясь въ томъ пчеламъ, составляющимъ свой медъ изъ соку, которой онѣ умѣли искусно собрать на различныхъ цвѣтахъ, долженъ превращать въ свое собственное

ное существо мысли и красоты, которыя онъ находитъ въ древнихъ; онъ долженствуетъ чрезъ ихъ употребленіе, и чрезъ новой видъ, которой онъ имъ даетъ, присвоить ихъ къ себѣ такъ, чтобъ онѣ здѣлались собственнымъ его стяжаніемъ, и чтобъ, хотя узнаютъ, откуда онѣ взяты, однакожъ казались перемѣнившими свою натуру проходя чрезъ его руки. Но поелику здѣсь о томъ только дѣло произходитъ, чтобъ дать предписанія о краснорѣчіи, и правила о добромъ вкусѣ, то я почелъ, что мнѣ надлежало приводить моихъ писателей, и представлять моихъ, такъ сказать, порукъ, которыхъ одно имя можетъ придать важность моимъ разсужденіямъ (*).

(*) *Въ новѣйшемъ изданіи сего сочиненія выпущены нѣкоторые изъ сихъ приводовъ, которые стоятъ внизу страницъ, дабы угодить вкусу большей части читателей, которымъ пространство и великое ихъ число могло наскучить. Любопытныя особы не будутъ имѣть въ семъ ущербу, потому что смыслъ оныхъ мѣстъ выражается въ текстѣ, и что они на краяхъ страницъ означаются, такъ что всякой удобно можетъ находить оныя тамъ, откуду они взяты. Въ прочемъ надлежитъ*

Я не хотѣлъ столько принуждать себя, чтобъ переводить всегда съ точностію сіи мѣста, и я часто выражаю только ихъ смыслъ въ моихъ примѣчаніяхъ. Новой переводъ Квинтиліана былъ мнѣ великимъ вспоможеніемъ. Я его употреблялъ не совсемъ къ нему привязываясь, и принималъ вольность дѣлать въ немъ нѣкоторыя перемѣны, равно какъ и въ премногихъ другихъ, которыми я пользовался. Переводъ Омира изданной госпожею Дассіершею мнѣ также много вспомоществовалъ. Однакожъ я иногда предпочелъ переводъ нѣкоторыхъ книгъ сего стихотворца изданной Г. Боавиномъ, которой переводъ заставляетъ желать, чтобъ остатокъ его окончанъ былъ тою же рукою. *Способъ къ исправному размышленію* О. Бугурсія подалъ мнѣ важныя разсужденія о томъ, что касается до мыслей; сія книга очень служитъ къ направленію вкуса, и можетъ много помоществовать учителямъ,

знать, что сіе учинено съ маловажными мѣстами; чтожъ касается до другихъ, которыя могутъ почестися или цвѣтами чистѣйшей Латыни, или образцами здраваго краснорѣчія, то они сохранены со тщаніемъ.

лямъ, которые будутъ ее читать со вниманіемъ и съ нѣкоторою предосторожностію. Я почерпнулъ въ ученыхъ сочиненіяхъ касающихся до святыхъ книгъ, которыя изданы въ наше время, нѣкоторую часть того, что я сказалъ о священномъ краснорѣчіи. Словомъ сказать, все то, что есть самое лучшее въ семъ сочиненіи, не моей выдумки; но что мнѣ до того нужды, откуда оно взято, лишь только бы полезно было юношеству, въ чемъ единственно состоитъ намѣреніе, которое я предложить себѣ долженствовалъ.

Я не хочу искать себѣ чести чрезъ чужое добро; ето бы значило нѣчто болѣе, нежели безразсудность. Я бы желалъ только, чтобъ оно могло прикрыть мою скудость, и чтобъ сіе множество чужихъ изрядствъ, которыя украшаютъ мое сочиненіе, привело въ забвеніе, или по крайней мѣрѣ здѣлало извинительными тѣ недостатки, которые мнѣ собственны.

Нѣкоторыя особы могутъ подумать, что сіе сочиненіе, которое особливо опредѣлено для университета, и которое предлагаетъ объ ученіяхъ происходящихъ въ ономъ, долженствова-

ло написано быть на Латинскомъ языкѣ; и сіе мнѣніе кажется весьма справедливо и основательно.

Можетъ статься, что моя польза требовала бы того, чтобъ я предпріялъ сіе намѣреніе, и я бы дѣйствительно могъ лучше успѣть сочиняя на такомъ языкѣ, на изученіе котораго я положилъ нѣкоторую часть своей жизни, и которой я чаще употребляю нежели Французской. Я не стыжусь дѣлать сего признанія, дабы читатели склоннѣе были простить мнѣ множество погрѣшностей, которыя у меня сыщутся въ такомъ родѣ сочиненія, которой почти новой для меня. Послѣ того, какъ я окончилъ сіи первые томы, я читалъ одно сочиненіе написанное на Латинскомъ языкѣ о той же самой матеріи, которое моглобъ меня удержать, чтобъ я не дѣлалъ своего на томъ же языкѣ, поелику я не могу льститься достичь до красоты слога, которая въ немъ царствуетъ. Это есть книга О. Ювенси Іезуита, которой чрезъ долгое время обучалъ Риторики въ Парижѣ съ великою славою и успѣхомъ; она имѣетъ слѣдующую надпись: *Способъ учить и обучаться.* Сія книга написана съ такою чи-

стотою

стотою и изрядствомъ, съ такою важностію разсудка и размышленій, съ такимъ вкусомъ благочестія, которыя не оставляютъ болѣе ничего желать, какъ только, чтобъ сочиненіе было пространнѣе, и чтобъ матеріи въ немъ были подробнѣе разобраны; но Писатель не имѣлъ такого намѣренія.

Многія причины обязали меня не писать на Латинскомъ языкѣ. Во первыхъ мнѣ кажется, что это бы совсемъ противно было намѣренію, которое я предложилъ себѣ, и которое состоитъ въ томъ, чтобъ наставить молодыхъ людей, которые еще не очень искусны, и которые не имѣютъ довольно знанія въ Латинскомъ языкѣ, чтобъ разумѣть его такъ какъ ихъ природной. За недостаткомъ другихъ прелестей, которыхъ невидно будетъ въ семъ сочиненіи, я долженствовалъ стараться, чтобъ они нашли какую нибудь приманку въ удобности, которую они имѣть будутъ въ чтеніи онаго, и когда я не могъ разсыпать въ немъ цвѣтовъ, то покрайней мѣрѣ я обязанъ былъ удалить отъ него терны.

Въ прочемъ я почелъ себѣ за долгъ неограничиваться тѣмъ, чтобъ здѣлать учениковъ краснорѣчивыми на Латинскомъ

скомъ языкѣ; но распространить мои намѣренія съ университетомъ далѣе, помышляя особливо о тѣхъ, которые должны со временемъ употребить въ дѣло краснорѣчіе и словесныя науки на Французскомъ; и сіе то меня побудило присовокупить къ моему сочиненію примѣры взятые изъ Французскихъ писателей. Наконецъ, мнѣ показалось сіе не безполезно, чтобъ привесть всѣхъ отцовъ и самыхъ матерей въ состояніе читать сіе разсужденіе объ ученіяхъ, и чрезъ сіе познавать то, чего нужно обучать ихъ дѣтей.

Но я долженъ ихъ увѣдомить, что они напрасно бы надѣялись найти съ самаго начала въ учителѣ все пространство познаній, которыми надлежитъ просвѣщать разумъ молодыхъ людей, каковы суть словесныя науки, Философія, Исторія Священная и Свѣтская, Географія, Хронологія, и многія другія вещи сего роду. Гдѣ сыскать такихъ учителей? Я бы весьма былъ несправедливъ и безразсуденъ, когда бы потребовалъ отъ нихъ того, чего я не нахожу въ себѣ самомъ, и отъ чего я далѣе еще отстоялъ, когда вступилъ въ учительное званіе. Довольно и того, чтобъ принесть съ собою

бою природную остроту разума, вниманіе, охоту къ ученію, и нѣкоторое познаніе объ основаніяхъ всѣхъ оныхъ наукъ. И мое намѣреніе клонится къ тому, чтобъ сообщить довольное ихъ число въ семъ сочиненіи, дабы привесть молодаго учителя въ состояніе дать объ нихъ нѣкоторое понятіе своимъ ученикамъ.

Понеже въ семъ сочиненіи я часто упоминать буду о добромъ вкусѣ въ разсужденіи словесныхъ наукъ и краснорѣчія; того для да будетъ мнѣ позволено напередъ сообщить о немъ нѣсколько общихъ разсужденій, которыя послужатъ къ показанію его важности и надобности.

При окончаніи сего предисловія, ничего мнѣ болѣе дѣлать не остается, какъ только просить бога, *котораго въ рукахъ находимся мы и слова наши*, чтобъ онъ соизволилъ благословить мои добрыя намѣренія, и чтобъ здѣлалъ сіе сочиненіе полезнымъ юношеству, котораго наставленіе мнѣ всегда пріятно, и кажется, что составляетъ еще часть моего званія и моей должности въ спокойномъ отдохновеніи, которое мнѣ божественное провидѣніе опредѣлило.

ОБЩІЯ

ОБЩІЯ РАЗСУЖДЕНІЯ

О томъ, что называется добрымъ вкусомъ.

Вкусъ, такой какъ мы его здѣсь разумѣемъ, то есть, въ разсужденіи чтенія писателей и сочиненія, есть тонкая, скорая, чистая, и безошибочная разборчивость во всякой красотѣ, истиннѣ, и исправности какъ мыслей, такъ и выраженій, которыя входятъ въ какую нибудь рѣчь. Онъ отдѣляетъ то, что сходствуетъ съ точнѣйшими благопристойностьми, что свойственно всякому характеру, и что пристойно различнымъ обстоятельствамъ. И между тѣмъ, какъ онъ примѣчаетъ тонкимъ и отмѣннымъ нѣкоторымъ чувствіемъ красоты, гладкости слога, манѣры, выраженія наиболѣе нравиться могущія, онъ усматриваетъ также всѣ пороки, которые производятъ противное дѣйствіе, и разбираетъ, въ чемъ точно состоятъ сіи пороки, и сколько они удаляются отъ строгихъ правилъ науки, и отъ истинныхъ красотъ натуры.

Сіе щастливое качество, которое болѣе чувствовать нежели описать можно,

можно, есть плодъ не столько одной природы, сколько разсужденія, и естественнаго разума ученіемъ совершеннаго. Оно въ сочиненіи предводительствуетъ смыслу, и имъ управляетъ. Оно употребляетъ въ пользу совоображеніе такъ, что въ него чрезвычайно не вдается, и пребываетъ всегда его повелителемъ. Оно во всемъ справляется съ натурою, за нею въ близи прослѣдуетъ, и вѣрнымъ ея выраженіемъ находится. Воздержно и умѣренно будучи въ среди изобилія и богатства оно располагаетъ съ пощадою и разсудкомъ красоты и пріятности въ рѣчи. Оно никогда не прельщается притворностію, какъ бы она ни блистала. Ему равнымъ образомъ несносны какъ чрезмѣрность такъ и недостатокъ. Оно знаетъ останавливаться въ семъ точно мѣстѣ, гдѣ надлежитъ, и отметаетъ безъ сожалѣнія и пощады все то, что преступаетъ предѣлы красоты и совершенства. Недостатокъ сего качества производитъ порокъ всѣхъ развратныхъ штилей; надменности, блестящей притворности, замысловатыхъ рѣчей, въ то время, какъ природа, по утвержденію Квинтиліана, бываетъ безъ разсудка, и обманывается однимъ видомъ изрядства. Сей

Lib. 1. Cap. 3.

Сей вкусъ, будучи простъ и одинакъ въ своемъ началѣ, разнится и перемѣняется въ безчисленные образы, однакожъ такъ, что подъ всѣми его многоразличными видами въ прозѣ или стихахъ, въ пространномъ или тѣсномъ, высокомъ или простомъ, забавномъ или важномъ штилѣ онъ всегда бываетъ одинъ, и показываетъ вездѣ такой характеръ истинны и безпритворности, которой заразъ чувствителенъ бываетъ всякому, кто разбирать умѣетъ. Не можно сказать, чтобъ штиль Теренпія, Федра, Саллюстія, Кесаря, Цицерона, Тита Ливія, Виргилія и Горація былъ одинъ. Однакожъ они всѣ имѣютъ, естьли позволено такъ сказать, нѣкоторую участь смыслу, которая имъ общая, и которая въ семъ различіи природы и штиля сводитъ ихъ и соединяетъ, и полагаетъ чувствительное различіе между ими и другими писателями, которые не отзываются превосходною древностію.

Я сказалъ, что сія разборчивость есть плодъ и произшествіе природнаго разума ученіемъ совершеннаго. Въ самомъ дѣлѣ всѣ люди приносятъ съ собою при рожденіи первыя начала вкусу

такъ,

такъ, какъ Риторики и Логики. Сїе доказывается тѣмъ, что превосходной Ораторъ всегда почти похваляется отъ народа, и что въ разсужденіи сего, какъ примѣчаетъ Цицеронъ, не бываетъ никакова несогласія во мнѣніяхъ и вкусѣ между незнающими и учеными.

Подобное случается въ разсужденіи музыки и живописи. Такой концертъ, котораго всѣ части хорошо сочинены и отправлены въ разсужденіи какъ инструментовъ такъ и голосовъ, нравится всѣмъ слушающимъ. А какъ скоро заразнятъ, и здѣлается несогласіе, то оно возмущаетъ и тѣхъ самыхъ, которые не вѣдаютъ совсемъ, что такое есть музыка. Они не знаютъ того, что имъ противно, но они чувствуютъ, что ихъ уши уязвляются. Сїе бываетъ отъ того, что натура имъ дала вкусъ, и чувствїе согласія. Равнымъ образомъ хорошая картина приводитъ въ возхищеніе зрителя, которой не имѣетъ никакого понятія о живописи. Спроси у него, что ему нравится, и для чего ему сїе нравится, онъ не возможетъ скоро дать въ томъ отвѣту, и объявить истинныхъ на то причинъ; но чувствіе въ немъ дѣлаетъ почти то, что

наука и употребленіе дѣлаютъ въ знающихъ людяхъ.

Тожъ самое сказать должно о вкусѣ, о которомъ мы здѣсь говоримъ. Всѣ почти люди имѣютъ въ себѣ первыя его начала, хотя въ большей ихъ части они не очень видны бываютъ за недостаткомъ наставленія или разсужденія, а иногда помрачены или развращены отъ неисправнаго воспитанія, отъ худыхъ привычекъ, отъ усилившихся предразсужденій вѣку и страны.

Но какъ бы вкусъ ни испорченъ былъ, однакожъ онъ не совсемъ пропадаетъ. Всегда въ людяхъ остаются нѣкоторые его знаки начертанные во внутренности ихъ смыслу, въ которыхъ они сходствуютъ и соединяются. Когда сіи тайныя сѣмена очищаются съ нѣсколькимъ стараніемъ, то они могутъ приведены быть въ яснѣйшее и открытнѣйшее совершенство. И естьли случится симъ первымъ понятіямъ возбужденнымъ быть отъ какого нибудь свѣту, котораго блескъ заставляетъ разумы вникать въ непремѣняемыя правила истинны и изрядства, которой показываетъ имъ естественныя ихъ послѣдствія, и необходимыя заклю-

заключенія, и которой имъ служитъ въ тожъ самое время образцомъ, чтобъ здѣлать употребленіе сихъ правилъ удобнѣйшимъ: то обыкновенно усматривается, что разсудительнѣйшія особы выходятъ съ радостію изъ своихъ старыхъ погрѣшностей, исправляютъ ложность ихъ прежнихъ разсужденій, возвращаются къ тому, что просвѣщенной и надежной вкусъ имѣетъ самаго исправнаго, тонкаго и субтильнаго, и помалу привлекаютъ къ оному всѣхъ другихъ.

Можно въ семъ увѣриться чрезъ успѣхъ великихъ нѣкоторыхъ ораторовъ, или другихъ славныхъ писателей, которые природными своими дарованіями умѣютъ возвращать сіи первыя понятія, и оживлять сіи скрытыя сѣмена въ разумѣ всѣхъ людей. Въ краткое время они привлекаютъ на свою сторону согласія тѣхъ, которые наиболѣе дѣйствуютъ своимъ разумомъ; и немедлѣнно осыпаются похвалами отъ особъ всякаго возраста и сосостоянія, отъ незнающихъ не меньше, какъ и отъ ученыхъ. Не трудно примѣтить время, въ которое показался у насъ доброй вкусъ, которой теперь царствуетъ во всѣхъ художествахъ,

ствахъ, такъ какъ въ словесныхъ наукахъ и знаніяхъ; и восходя во всякомъ родѣ къ самому источнику мы усмотримъ, что малое число щастливыхъ разумовъ принесло сію славу и преимущество нашему народу.

И тѣ самые, которые въ просвѣщеннѣйшіе вѣки не обучались словесныхъ наукъ, принимаютъ участіе въ добромъ вкусѣ, которой господствуетъ, и которой входитъ непримѣтнымъ для ихъ образомъ во всѣ ихъ письма и поступки. Не много нынѣ изъ нашихъ военныхъ людей находится, которые бы не писали исправнѣе и красивѣе, нежели Виль-Гардуинъ, и другіе офицеры, которые жили въ грубомъ еще и варварскомъ вѣкѣ.

Изъ всего того, что я теперь сказалъ, надлежитъ заключить, что можно сообщить нѣкоторыя правила и предписанія о сей разборчивости; и я не знаю, для чего Квинтиліанъ, (Quintil. lib. 6. cap. 3.) которой не безъ причины почитаетъ ее столь много, утверждаетъ, что сіе качество не болѣе можетъ пріобрѣтено быть чрезъ науку, какъ вкусъ и обоняніе; развѣ только онъ разумѣетъ то, что есть разумы столь грубые, и столь отдаленные отъ сей разборчивости,

чивости, что можно подумать, что одна только натура подаетъ оную.

Я не думаю также, чтобъ сіе Квинтиліаново мнѣніе было справедливо въ разсужденіи и того самаго примѣру, которой онъ предлагаетъ, по крайней мѣрѣ, что касается до вкусу. Надлежитъ только разсмотрѣть то, что случается съ нѣкоторыми народами, которыхъ долговременная привычка пристращаетъ сильно къ страннымъ и необычайнымъ приправамъ. Они согласуются безъ трудности похвалять изрядные напитки, нѣжныя и изготовленныя искусною рукою кушанья. Они скоро научаются различать тонкости приправы, когда учитель въ семъ родѣ знающій привлекаетъ къ нимъ ихъ вниманіе, и предпочитать ихъ варварской грубости прежней ихъ пищи. Говоря такимъ образомъ, я не щитаю сихъ народовъ сожалѣнія достойными, что они лишены такова знанія и искуства, которое намъ столь пагубно учинилось. Но по сему только можно судить о сходствіи, которое находится между вкусомъ въ разсужденіи чувствъ и тѣла, и вкусомъ въ разсужденіи разума; и

сколько первой способенъ къ описанію свойствъ послѣдняго.

Доброй вкусъ, о которомъ мы здѣсь говоримъ, вкусъ, то есть, въ учености, не ограничивается тѣмъ, что называютъ знаніями: онъ входитъ нечувствительно въ другія художества, каковы суть домостроительство, живопись, рѣзьба, музыка. Одинакая разборчивость вводитъ по всюду тожъ самое изрядство, ту же соразмѣрность, тотъ же порядокъ въ расположеніи частей; и привлекаетъ вниманіе въ благородную простоту, въ природные красоты, въ разсудительной выборъ украшеній Напротивъ того развратной вкусъ въ художествахъ былъ всегда знакомъ и послѣдствіемъ таковажъ вкусу въ учености. Тягостныя, смятныя, и грубыя украшенія древнихъ Готскихъ зданій, которыя по большой части расположены безъ разбору, противъ хорошихъ правилъ, и безъ красивыхъ размѣровъ, ясно изображали сочиненія писателей того вѣку.

Доброй вкусъ въ учености переходитъ во всенародные нравы и повѣденіе. Привычка наблюдать первоначальныя правила въ какой нибудь матеріи приводитъ насъ непремѣнно къ тому,

чтобъ

чтобъ мы наблюдали оныя и въ другихъ дѣлахъ. Павлъ Емилій, человѣкъ столь искусной, и столь смысленной во всякомъ дѣлѣ, представивъ послѣ завоеванія Македоніи великой пиръ для всей Греціи, и примѣтивъ, что расспоряженіе онаго найдено было красивѣе и великолѣпнѣе, нежели могли сего надѣяться отъ военнаго человѣка, сказалъ; что напрасно тому удивлялись; за тѣмъ что тотъ же самой разумъ, которой научаетъ хорошо располагать войско къ сраженію, научаетъ и пиръ хорошо устроивать.

Плутархъ въ житіи Павла Емилія.

Но по странному нѣкоему, однакожъ часто случающемуся превращенію, которое великимъ есть доказательствомъ слабости, или лучше сказать, развратности человѣческаго разума, сія самая тонкость, сіе изрядство, которое доброй вкусъ въ учености и краснорѣчіи вводитъ въ поведеніе жизни, въ разсужденіи, напримѣръ, зданій и пировъ, обратясь въ чрезмѣрность и роскошъ, вводитъ по своей чредѣ худой вкусъ въ ученость и краснорѣчіе. Сіе самое показываетъ намъ Сенека весьма остроумнымъ образомъ въ одномъ изъ его писемъ, въ кото-

Epist. 114.

ромъ онъ описалъ себя самого нимало того не примѣтивъ.

Одинъ изъ его друзей спросилъ его, отъ чего бы могла приключиться перемѣна, которая иногда видна была въ краснорѣчіи, и которая привлекала почти всѣхъ ученыхъ въ нѣкоторыя погрѣшности, каковы суть, гоняться за чрезъ чуръ вольными и изъ границъ вышедшими фигурами, за отважными безъ мѣры и воздержности Метафорами, за краткими и прерывистыми изрѣченіями, которыя болѣе оставляютъ угадывать то, что они значатъ, нежели сами изъясняютъ.

Сенека отвѣчаетъ на сей вопросъ пословицею у Грековъ употребительною: *какова бываетъ жизнь, такова и рѣчь.* Какъ особой человѣкъ описываетъ себя въ своей рѣчи, такъ господствующій штиль бываетъ иногда изображеніемъ общенародныхъ нравовъ. Сердце влечетъ разумъ, и ему сообщаетъ свои пороки такъ какъ и свои добродѣтели. Когда въ домашнихъ уборахъ, зданіяхъ, пирахъ щитается за честь отмѣнять себя отъ другихъ чрезъ новыя хитрости, и чрезъ прилѣжное исканіе всего того, что внѣ общаго употребленія находится, то

сей

сей же самой вкусъ переходитъ въ краснорѣчіе, и сообщаетъ ему новость и безпорядокъ. Разумъ пріобыкшій не слѣдовать правиламъ во нравахъ, не слѣдуетъ имъ болѣе и въ штилѣ. Люди не хотятъ болѣе ничего кромѣ новаго, блестящаго, необычайнаго, отважнаго. Они прилѣпляются къ легкимъ и маловажнымъ, или вольнымъ и черезъ чуръ надменнымъ мыслямъ. Они гоняются за кудреватымъ и цвѣтнымъ штилемъ, и за громкимъ выраженіемъ, которое имѣетъ одинъ только звонъ, а болѣе ничего.

То, что разплождаетъ сего роду пороки, бываетъ обыкновенно примѣръ одного только человѣка, которой пришелъ въ славу, которой сталъ въ модѣ, которой здѣлался повелителемъ разумовъ, и которой предводительствуетъ прочимъ. Всякъ ставитъ за честь ему послѣдовать; всякъ у него перенимаетъ, ему подражаетъ, и его штиль дѣлается правиломъ и образцомъ общенароднаго вкусу.

По сему какъ въ городѣ какомъ нибудь роскошь въ пирахъ и нарядахъ есть знакъ того, что нравы тамъ неисправны; равнымъ образомъ вольность штиля, когда она бываетъ общена-

родна, показываетъ, что разумы повреждены и испорчены.

Дабы излѣчить сію болѣзнь, и исправить въ штилѣ мысли и выраженія, надлежитъ очистить источникъ, изъ котораго они проистекаютъ. Надлежитъ изцѣлить разумъ. Когда онъ здравъ и силенъ, то и краснорѣчіе таковожъ бываетъ; но оно есть слабо и безсильно, когда разумъ таковъ здѣлался, и когда онъ ослабѣлъ и изнемогъ отъ утѣхи и забавъ. Словомъ сказать, онъ есть начальникъ, которой повелѣваетъ, и которой даетъ движеніе всему; а прочее все послѣдуетъ его начертаніямъ.

Тотъ же самой писатель примѣчаетъ въ другомъ мѣстѣ, что штиль чрезъ чуръ исправной и подборной есть знакъ малаго разума. Онъ хочетъ, чтобъ ораторъ, особливо когда онъ предлагаетъ важныя матеріи, не столько помышлялъ о словахъ и распоряженіи, сколько о вещахъ и мысляхъ. Когда ты видишъ рѣчь сочиненную и вычищенную съ великимъ трудомъ и стараніемъ, то можешъ заключить, говоритъ онъ, что она происходитъ отъ разума посредственнаго, и занятаго бездѣлицами. Такой писатель,

которой имѣетъ духъ великой и возвышенной, не останавливается за сими мѣлочьми. Онъ думаетъ и говоритъ съ бóльшею благородностію и возвышеніемъ; и вовсемъ томъ, что онъ говоритъ, видна бываетъ свободная и безпритворная осанка, которая показываетъ человѣка богатаго своимъ собственнымъ добромъ, и не ищущаго такимъ казаться передъ другими. Потомъ онъ уподобляетъ сей родъ цвѣтнаго и раскрашенаго краснорѣчія молодымъ людямъ весьма убраннымъ и напудреннымъ, которые стоятъ всегда передъ зеркаломъ и уборнымъ столикомъ. Не можно ожидать ничего великаго и важнаго отъ такихъ характеровъ. Подобное бываетъ и съ ораторами. рѣчь есть какъ будто лице разума. Ежели она кудревата, убрана, разкрашена, то сіе значитъ, что есть какая нибудь порча въ разумѣ, и что онъ не въ здравіи находится. Такое убранство, въ которомъ видно много искусства и старанія, не есть украшеніе достойное краснорѣчія.

Слушая такія слова Сенеки, кто бы не подумалъ, что онъ былъ явной непріятель худаго вкусу, и что никто не былъ способнѣе его къ тому,

чтобъ

чтобъ сопротивляться оному, и его предупреждать? Однакожъ онъ былъ тотъ человѣкъ, которой болѣе всѣхъ другихъ поспѣшествовалъ къ развращенію разумовъ, и къ поврежденію краснорѣчія. Я буду имѣть случай упомянуть о семъ въ другомъ мѣстѣ, и ето здѣлаю тѣмъ охотнѣе, что кажется, что сей худой вкусъ въ блестящихъ мысляхъ, и въ нѣкоторыхъ остроумныхъ словахъ, которой есть особливо характеромъ Сенеки, начинаетъ усиливаться въ нашемъ вѣкѣ. И я не знаю, не есть ли ето знакомъ и предвѣщаніемъ погибели, которая угрожаетъ краснорѣчію между нами, и которой безмѣрная роскошъ царствующая болѣе, нежели когда нибудь прежде, и паденіе почти всеобщее нравовъ, суть можетъ статься также зловредные предшественники.

Довольно бываетъ иногда, какъ примѣчаетъ Сенека, и какъ онъ самъ тому находится примѣромъ, довольно, говорю я, бываетъ одного только человѣка, но великоименитаго, и пришедшаго чрезъ рѣдкія качества въ великую силу, чтобъ ввести сей худой вкусъ, и сей развратной штиль. Человѣкъ хочетъ, по тайному нѣкоему

ему честолюбію, отмѣниться отъ прочей толпы ораторовъ, и писателей своего времени, и открыть новое поле, гдѣбъ онъ шелъ лучше одинъ предъ новыми учениками, нежели позади древнихъ учителей. Онъ предпочитаетъ имя остраго здравому разуму, блестящее твердому, удивительное естественному и истинному. Онъ лучше хочетъ дѣло имѣть съ совоображеніемъ, нежели со здравымъ разсудкомъ; ослѣпить разумъ, нежели его увѣрить; восхитить его согласіе, нежели заслужить оное. И въ то время, какъ такой человѣкъ чрезъ нѣкоторое обморачиваніе, и чрезъ пріятное обвороженіе привлекаетъ къ себѣ похвалы вмѣстѣ съ удивленіемъ отъ вѣтренныхъ разумовъ, каковы обыкновенно въ простомъ народѣ бываютъ; другіе писатели соблазнясь прелестною новостію, и надеждою подобнаго успѣха, восхищаются нечувствительно симъ быстрымъ теченіемъ, и укрѣпляютъ его за нимъ послѣдуя. Такимъ образомъ сей новой вкусъ безъ трудности отнимаетъ мѣсто у прежняго вкуса, не смотря на то, что сей лучше, онъ превращается немедлѣнно въ законъ, и обладаетъ цѣлымъ народомъ.

Сіе

Сіе самое долженствуетъ увеличить вниманіе университетскихъ учителей, чтобъ предупредить и остановить всѣми силами паденіе добраго вкусу. Обременены будучи, такъ какъ они суть, публичнымъ наставленіемъ юношества, они должны взирать на сіе попеченіе, какъ на нужную часть ихъ званія. Обыкновенія, нравы, законы древніе народовъ перемѣнились: они во многомъ противны нашему характеру, и нашимъ поведеніямъ, и по сей причинѣ познаніе ихъ можетъ быть для насъ не очень потребно. Дѣла миновались уже безвозвратно; великія приключенія окончили свое теченіе, такъ что мы не имѣемъ болѣе причины ожидать подобныхъ; превращенія государствъ и имперій можетъ быть не великое имѣютъ отношеніе къ нашему настоящему состоянію и къ нашимъ надобностямъ, и чрезъ то становятся меньше нужными. На противъ того доброй вкусъ, которой утвержденъ на неподвижныхъ основаніяхъ, есть одинаковъ для всѣхъ временъ; и ето есть главная польза, которую должно показывать молодымъ людямъ въ чтеніи древнихъ писателей, которыхъ не безъ причины всегда щитали

тали учителями, стражами, и хранителями здраваго краснорѣчїя, и добраго вкусу. Наконецъ можно сказать, что изъ всего того, что служитъ къ просвѣщенїю разума, сїя есть нужнѣйшая часть, которую надлежитъ предпочесть всѣмъ прочимъ.

Сей доброй вкусъ не ограничивается словесными науками; онъ касается, какъ выше упомянуто, до всѣхъ художествъ, наукъ, познанїй. Онъ тогда состоитъ въ нѣкоторой точной и исправной разборчивости, которая дѣлаетъ чувствительнымъ то, что въ каждой наукѣ и познанїи есть самое рѣдкое, красивое, полезное, главное, пристойное, или нужное тѣмъ, которые въ нихъ углубляются, и слѣдовательно показываетъ, сколь далеко простирать надлежитъ упражненїе въ оныхъ, что надобно оставить, и что заслуживаетъ особливой трудъ и предпочтенїе предъ всемъ прочимъ. За недостаткомъ сей разборчивости можно пропустить самое нужное для своего званїя, такъ что сїе непримѣтно покажется; и сей недостатокъ не столь рѣдокъ бываетъ, какъ о томъ думаютъ. Одинъ примѣръ взятой изъ Киропедїи Ксенофонтовой изъяснитъ сїе дѣло.

Младшій Кирь, сынь Камвиза, Царя Персидскаго, имѣль чрезь долгое время учителя безь сумнѣнія искуснѣйшаго и славнѣйшаго вь свое время сь тѣмь, чтобь онь наставляль его вь военной наукѣ. Вь одинь день Камвизь разговаривая сь своимь сыномь, завель рѣчь обь его учителѣ, о которомь сей молодой государь имѣль великое мнѣніе, и оть котораго, онь думаль, что онь научился вообще всему тому, что нужно для исправнаго коммандированія войсками. Вашь учитель, сказаль ему Камвизь, даль ли вамь сколько нибудь наставленій обь економіи, то есть, о способѣ, которымь надлежить промышлять всѣ надобности для арміи, приготовлять сьѣстные припасы, предупреждать болѣзни, помышлять о здравіи салдать, укрѣплять ихь тѣла чрезь частыя екзерциціи, возбуждать между ими ревность, умѣть приводить войска кь тому, чтобь они вамь повиновались, вась любили и почитали? На каждой изь сихь, и другихь многихь вопросовь, которые Царь предложиль, Кирь отвѣчаль, что ему о семь никогда говорено не было ни слова, и что все сіе было для его новое. Такь что же

онь

онъ вамъ показалъ ? Фехтовать , отвѣчалъ опять молодой государь , садиться на лошадь , стрѣлять изъ лука , бросать копье , очертывать лагери , дѣлать планъ фортификаціи , располагать воиновъ къ сраженію , ихъ осматривать и глядѣть , какъ они маршируютъ , пробираются одинъ за другимъ чрезъ узкія проходы , и становятся лагеремъ. Камвизъ началъ хохотать , и далъ знать своему сыну, что онъ не наученъ ни мало тому, что наиболѣе нужно для исправнаго офицера , и искуснаго Генерала ; и въ одномъ разговорѣ , которой безъ сумнѣнія достоинъ вниманія молодыхъ и знатныхъ людей опредѣленныхъ къ военной службѣ, онъ его научилъ несравненно болѣе, нежели сей столь славной учитель чрезъ многія лѣта.

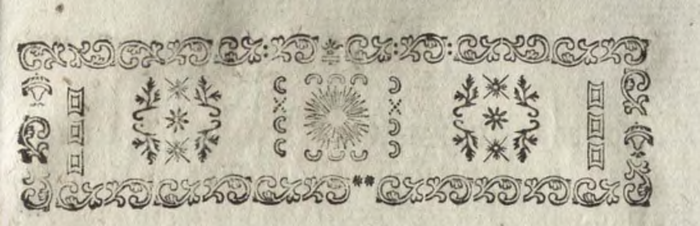
Можно во всякомъ званіи подвержену быть такой же невыгодѣ или для того , что человѣкъ недовольно вникаетъ въ главное намѣреніе , которое онъ долженъ себѣ предложить въ его ученіи , въ которомъ онъ упражняется , или для того , что онъ не имѣетъ другова предводителя , какъ только обыкновеніе , и послѣдуетъ слѣпо тѣмъ , которые ему предше-

ствовали. Нѣтъ ничего полезнѣе, какъ познаніе исторіи. Но ежели кто довольствоваться будетъ тѣмъ, чтобъ отяготить свою память безконечнымъ множествомъ дѣйствій, которыя не очень любопытны и нужны, естьли онъ останавливаться станетъ на числахъ или трудностяхъ хронологическихъ, ежели онъ пренебрежетъ знать природу, нравы, характеръ великихъ людей, о которыхъ въ исторіи упоминается; то онъ много перейметъ, но мало знать будетъ. Риторика можетъ быть весьма пространна, входить въ мѣлкія подробности правилъ, описывать исправно всякой тропъ, и всякую фигуру, показывать обстоятельно между ими различіе, изъяснять пространно другія подобныя матеріи, о которыхъ спорились нѣкогда съ великою запалчивостію древніе риторы, и совсѣмъ тѣмъ походить на ту риторику, о которой говоритъ Цицеронъ, что она могла только научить или нѣмымъ быть, или говорить, да худо. Можно въ Философіи употребить довольно времени на трудные и умозрительные споры, и перенять великое множество изрядныхъ, рѣдкихъ, любопытныхъ вещей, а главное дѣло сего

Cic. de Finib. lib. 4. n. 7.

сего ученія пренебречь, которое состоитъ въ томъ, чтобъ утвердить разсужденіе, и исправить нравы. Словомъ сказать, качество самое нужное не только для краснорѣчія и знаній, но и для поведенія жизни, есть сей вкусъ, сіе благоразсужденіе, сія разборчивость, которая научаетъ во всякой матеріи, и во всякомъ случаѣ, что, и какимъ образомъ надлежитъ дѣлать.

РАЗСУЖДЕНIЕ

объ

УЧЕНIЯХЪ

Молодыхъ дѣтей.

Прежде, нежели я вступлю въ подробность различныхъ екзерцицiй, которыя могутъ полезны быть юношеству въ публичныхъ ученiяхъ, что съ начала было единственнымъ моимъ намѣренiемъ; совѣтовали мнѣ, чтобъ я здѣсь помѣстилъ нѣсколько краткихъ разсужденiй о томъ, чему надлежитъ обучать малыхъ отроковъ въ первыхъ лѣтахъ, и о такихъ ученiяхъ, которыя могутъ приличествовать молодымъ особамъ

другова полу до тѣхъ поръ, какъ онѣ придутъ въ зрѣлѣйшій возрастъ. Всякой довольно чувствуетъ, что я долженъ говорить очень кратко о сей двоякой матеріи, которая несходственна съ моимъ первымъ расположеніемъ, и которая здѣсь, такъ какъ бы придѣлокъ, находится. Искуство учителей, и вниманіе родителей рачительно упражняющихся въ воспитаніи ихъ дѣтей удобно дополнятъ то, чего не будетъ доставать въ семъ маломъ разсужденіи.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Объ екзерциціяхъ, которыя приличествуютъ отрокамъ въ нѣжнѣйшемъ возрастѣ.

Я долженъ съ самаго начала увѣдомить, что часто совѣты, которые я сообщаю здѣсь, и въ послѣдствіи, для одного полу, равнымъ образомъ полезны суть другому;

гому; ихъ безъ труда можно усмотрѣть, и употребить въ дѣло.

§. I. Одинъ благоразсудной писатель, которымъ я весьма пользуюсь въ сочиненіи моихъ книгъ, и которой сообщилъ превосходныя правила о воспитаніи юношества, (етоесть Квинтиліанъ) разсматриваетъ вопросъ, о которомъ много спорились въ его время, и о которомъ мнѣнія были не согласны, а имянно: *въ какомъ возрастѣ начинать должно обученіе отроковъ*? Нѣкоторые думали, что не надлежитъ ихъ заставлять учиться прежде семилѣтнаго возраста, за тѣмъ что до сего времени они не имѣютъ ни разума столь открытаго, чтобъ могли пользоваться задаемыми уроками, ниже тѣла столь сильнаго, чтобъ могли сносить прилѣжной трудъ.

Въ какихъ лѣтахъ можно начать обученіе отроковъ.

Квинтиліанъ думаетъ инакимъ образомъ, и подтверждаетъ свое мнѣніе словами Хризиппа славнаго

Философа Стоическаго, которой написалъ подробно о воспитаніи. Сей Филозовъ определилъ, правда, три года кормилицамъ, но онъ хотелъ, чтобъ съ самаго того времени оне начинали направлять нравы детей, и удерживать въ нихъ первыя стремленія страстей, которыя становятся уже чувствительны въ семъ нежномъ возрасте, и которыя возрастаютъ вместе съ ними неприметнымъ образомъ, ежели не стараются ихъ успокоить при самомъ ихъ начатіи. Но естьли, говоритъ Квинтиліанъ, сей возрастъ способенъ къ принятію наставленій въ разсужденіи нравовъ, то для чего бы не быть ему способнымъ такъ же къ онымъ въ разсужденіи ученія? Что могутъ они лучше делать после того, какъ они въ состояніи бываютъ говорить? Ибо надлежитъ не пременно, чтобъ они делали что нибудь. Я довольно знаю (ето все тотъ же говоритъ

ритЪ писатель), что во все сїе время дѣти не могутЪ столько успѣть, сколько они успѣютЪ послѣ того вЪ одинЪ годЪ. ОднакожЪ начто пренебрегать сей малой выигрышЪ, и не употреблять вЪ пользу сего успѣху, какЪ бы онЪ ни былЪ посредственЪ? Ибо сей годЪ младенчества, которой употребится вЪ дѣло, прирастетЪ кЪ лѣтамЪ послѣдующимЪ, и соединясь сЪ ними, приведетЪ отрока вЪ состоянїе научиться болѣе, нежели бы онЪ безЪ сего здѣлалЪ, и по тому надобно стараться, чтобЪ сїи первыя лѣта вотще не пропадали, тѣмЪ наипаче, что начала ученїя требуютЪ одной почти памяти; а ето извѣстно, что дѣти не имѣютЪ вЪ ней недостатку.

Я нахожу еще другую пользу вЪ семЪ дѣлѣ, а имянно ту, что разумЪ молодыхЪ дѣтей заблаговременно, такЪ сказать, згибается,

что они привыкая къ правилу дѣлаются послушливѣе и покорнѣе, и что наконецъ онымъ способомъ предупреждается разсыпчивость мысли вредная часто не меньше здоровью тѣла, какъ и совершенству разума.

Я могу присовокупить еще третью, которая не меньше важна. Провидѣнїе влїяло въ дѣтей великое любопытство ко всему новому, удивительную способность къ перенятїю премногихъ вещей, о которыхъ они слышатъ; природную охоту подражать большимъ людямъ, и примѣняться къ ихъ примѣрамъ и рѣчамъ. Отлагая изощренїе сихъ юныхъ разумовъ мы теряемъ всѣ сїи щастливыя разположенїя, которыя натура имъ дала при ихъ рожденїи. А какъ натура не можетъ быть праздна, то они принуждены бываютъ обратить къ злу сїи первыя разположенїя, которыя къ добру опредѣлены были.

Квинти-

Квинтиліанъ не незналъ, что можно было ему противоположить крайнюю слабость дѣтей въ такихъ лѣтахъ о которыхъ здѣсь говорится, и опасность изнурять въ преждевременныхъ усиліяхъ нѣжные и слабые члены, которые хоть мало крѣпкое напряженіе можетъ на всегда испортить. Я не столь малое, говоритъ онъ, имѣю понятіе о слабомъ сложеніи дѣтей, чтобъ думалъ, что надлежитъ ихъ съ самаго того времени сильно понуждать, и требовать отъ нихъ пристальнаго упражненія. Онъ хочетъ, чтобъ оно походило болѣе на игру, нежели на ученіе; и на забаву, нежели на важной трудъ. Можно имъ расказать пріятныя, но короткія и почастицамъ исторіи: задавать имъ маленькіе вопросы сходствующіе съ ихъ понятіемъ, на которые можно имъ намѣкать отвѣтъ хитрымъ образомъ, которымъ ихъ спрашиваютъ: оставить

вить имЪ удовольствіе думать; что они отЪ своего ума оной взяли, дабы чрезЪ то вдохнуть вЪ нихЪ желаніе учиться: похвалять ихЪ отЪ времени до времени, только сЪ умѣренностію и разсужденіемЪ, дабы придать имЪ нѣсколько ревнія, не лаская однакожЪ чрезвычайно ихЪ самолюбію: отвѣчать на ихЪ вопросы, всегда исправно, и такЪ какЪ требуетЪ истинна: не давать имЪ иногда учиться, когда они того потребуютЪ, чтобЪ умножить ихЪ жарЪ сею невинною хитростію: не употреблять никогда вЪ семЪ возрастѣ принужденія ниже насилія, а еще меньше того, наказанія, чтобЪ заставить ихЪ трудиться. Ибо великая часть присмотру надзирательницЪ, и учителей, которые вступаютЪ на ихЪ мѣсто, состоитЪ вЪ томЪ, чтобЪ не допускать до того, чтобЪ дѣти, которые не могутЪ еще любить ученія, почувствовали отвращеніе

вращенїе отъ онаго по причинѣ горести, которую они въ немъ находятъ въ сихъ первыхъ лѣтахъ.

Я знаю, что нѣкоторыя достопочтенныя особы думали инакимъ образомъ, нежели Квинтилїанъ, и я не хочу ихъ порочить. Ученой Г. ле Февръ Салмурской не говорилъ своему сыну ни о Греческомъ ни о Латинскомъ языкѣ, пока онъ не дошелъ до десяти лѣтъ: однакожъ подъ конецъ четырнатцатова году, въ которомъ онъ умеръ, онъ читалъ и разумѣлъ совершенно многихъ писателей какъ Греческихъ такъ и Латинскихъ. Да и самъ Г. ле Февръ началъ обучаться симъ языкамъ на двенатцатомъ году. Сїи примѣры суть рѣдки, и не безъ довольныхъ причинъ противное обыкновенїе усилилось.

Теперь надобно разсмотрѣть, чему обучать можно отроковъ отъ трехъ почти до шести или семи лѣтъ, которыя лѣта бываютъ

обы-

обыкновенно временемъ ихъ вступленія, въ коллегію.

О чтеніи и писаніи.

§. 11. Кажется, что первое попеченіе надзирательницы, или учителя при отрокахъ есть то, чтобъ научить ихъ читать. Чрезъ сіе подается имъ великой успѣхъ, понеже чтеніе есть средство занять ихъ дѣломъ, учинить любопытными, вложить въ ихъ разумъ съ пріятностію множество понятій справедливѣйшихъ, полезнѣйшихъ, и способнѣйшихъ къ наставленію ихъ, нежели всѣ тѣ, которыя имъ войдутъ въ голову тогда, какъ ихъ младенчество оставлено бываетъ случаю, или малымъ намѣреніямъ тѣхъ, которые ихъ окружаютъ.

Но я долженъ увѣдомить, что весьмабъ было опасно дѣлать чтеніе для ихъ настоящимъ трудомъ, и показывать имъ наималѣйшее огорченіе, когда они въ томъ не очень успѣваютъ. Можетъ статься,

ся, что ето есть одна изъ причинъ отвращенія, которое многіе отроки начинаютъ чувствовать съ того времени, и которое они сохраняютъ во всю свою жизнь отъ всего того, что называется ученіемъ и знаніемъ. Одинъ взглядъ на книгу наполняетъ ихъ печалію, потому что онъ возобновляетъ въ нихъ смятное воспоминаніе брани и слезъ, которыя соединялись всегда при ихъ первыхъ чтеніяхъ.

Сего ради надлежитъ такимъ образомъ поступать, чтобъ чтеніе было для нихъ игрушкою и забавою; и ето не столь трудно, какъ думаютъ. Вмѣсто того, чтобъ съ самаго начала присадить ихъ къ книгѣ, въ которой все для нихъ не вразумительно, лучше бы, мнѣ кажется, было показывать имъ нѣкоторыя только литеры порознь, которыя они научатся мало по малу называть, и складывать. Можно написать почище

и

и явственнѣе сїи литеры на различныхъ бумажкахъ, чтобъ они могли ихъ перебирать, и прїучить ихъ выкидывать сїи бумажки на столъ, называя литеру, которая глазамъ представляется. Квинтилїанъ похваляетъ весьма одно обыкновенїе, которое отправлялось въ его время для поощренїя отроковъ къ ученїю, и которое походитъ на то, что я сказалъ. Давались имъ костяныя изображенїя литеръ, или другїя какїя нибудь, которыя бы они съ удовольствїемъ перебирали, осматривали, и называли. Святой Іеронимъ въ прекрасномъ своемъ письмѣ къ Лаетѣ, подаетъ ей тотъ же совѣтъ; и ето весьма видно, что во всемъономъ мѣстѣ онъ списалъ только Квинтилїана, хотя онъ его имени не упоминаетъ.

Есть еще такїе учители, которые употребляютъ въ семъ случаѣ два шарика деревянные (ко-

стяные бы еще способнѣе были) изъ которыхъ первой они обрѣзываютъ съ пяти сторонъ , изображая на каждой изъ нихъ одну гласную литеру. Другой обрѣзываютъ съ восмнатцати сторонъ, изъ которыхъ на каждой изображается согласная. Отрокъ бросаетъ тотъ или другой изъ сихъ шариковъ, и прïучается называть литеру , которая видна на верху. Потомъ бросая оба вмѣстѣ, онъ навыкаетъ такъ же складывать согласную съ гласною , которыя показываются , всякая на своемъ боку. Поелику сïя екзерцицïя есть нѣкоторой родъ игры для отрока, то онъ ею любуется, и научается удобно и скоро различать всѣ литеры , и ихъ вмѣстѣ соединять. Можно выдумать и другïя средства не меньше удобныя и забавныя.

Съ недавняго времени предложенъ публикѣ новой способъ обучать дѣтей чтенïю , которой на-

зывается Типографическимъ столомъ: изобрѣтатель онаго есть господинъ дю Масъ. Ето весма обыкновенно и сродно, что бы при словѣ *новости* люди не довѣрялись, и были осторожны. Такое расположенїе мнѣ кажется весма благоразумно и пристойно, когда оно заставляетъ насъ разсматривать чистосердечно и безъ пристрастїя то, что намъ предлагаютъ новое. Но етобъ уже было несправедливо и несходственно со здравымъ разумомъ, естлибъ мы стали отвергать и порочить какое нибудь изобрѣтенїе по той только причинѣ, что оно новое. Должно напротивъ того благодарить изобрѣтателя, хотя бы онъ и не совершенно въ томъ успѣлъ, за то, что онъ сообщилъ публикѣ свои предпрїятїя и мысли: симъ единственно средствомъ художества и науки совершаются. И такъ, дабы судить здраво о новомъ способѣ читать, о которомъ рѣчь идетъ, на-

дле-

длежитъ его разсмотрѣть съ безпристрастнымъ и свободнымъ отъ всякаго предразсужденія духомъ.

Типографической столъ есть столъ продолговатой, на которомъ ставится нѣкотораго роду шкафикъ, имѣющій три или четыре ряда ящичковъ, въ которыхъ находятся различные звуки языка изображенные простыми или сложными характерами на толикомъ же числѣ бумажекъ. Каждой изъ сихъ ящичковъ означаетъ своею надписью литеры, которыя въ немъ заперты. Отрокъ располагаетъ на столѣ звуки словъ, которыхъ у него спрашиваютъ, вынимая ихъ изъ ящичковъ подобно, какъ типографщикъ дѣлаетъ, вынимая изъ своихъ ямокъ различныя литеры, изъ которыхъ онъ слова составляетъ. И по сей то причинѣ сей столъ названъ Типографическимъ.

Сей способъ учиться читать кромѣ многихъ другихъ выгодностей

 имѣетъ

имѣетъ одну, которая мнѣ кажется довольно важна, а имянно, что онъ забавенъ и пріятенъ, и не имѣетъ ни малаго виду ученія. Нѣтъ ничего обременительнѣе и скучнѣе въ отрочествѣ, какъ напряженіе разума, и спокойствіе тѣла. Здѣсь же отрокъ не находитъ обремененія своему разуму: онъ не ищетъ съ трудомъ въ своей памяти, за тѣмъ что различіе и надпись ящичковъ чувствительно его трогаютъ. Онъ не бываетъ принужденъ имѣть покою, которой его несказанно опечаливаетъ, привязывая его къ тому мѣсту, гдѣ его читать посадили. Глаза, руки, ноги, словомъ сказать, все тѣло его бываетъ въ дѣйствіи. Онъ ищетъ своихъ литеръ, онъ ихъ вынимаетъ, распоряжаетъ, перевертываетъ, раздѣляетъ, и опять кладетъ въ свои ящички. Такое движеніе весма по его вкусу, и сходствуетъ крайне съ живымъ и рѣзвымъ характеромъ сего возраста.

Го-

Говорятъ, что надъ премногими трехъ или четырехъ лѣтними отроками учиненъ счасливой опытъ сего способа; да я и самъ былъ тому свидѣтель. То, что я знаю еще отъ самаго себя, есть то, что сей способъ весма былъ успѣшенъ въ разсужденіи одного знатнаго отрока, котораго въ дѣлахъ я беру участіе, отнявъ у него страшное отвращеніе, которое онъ имѣлъ отъ всякаго упражненія, и отъ всякаго ученія, къ которому онъ приступалъ всегда со слезами вмѣсто того, что нынѣ помянутой столъ составляетъ всю его утѣху, и не стоитъ ему слезъ, какъ только тогда, когда онъ его лишается.

Другая выгодность, которую имѣетъ сей способъ, есть та, что одинъ учитель можетъ екзерцитовать вдругъ многихъ дѣтей на томъ же столикѣ, что можетъ произвесть между ими полезную ревность; и что отрокъ можетъ

на немѣ екзерцитоваться, или лучше сказать, играть одинѣ, безѣ вспоможенія учительскаго.

Какой бы кто способѣ ни употребилѣ кѣ наученію читать, вѣ томѣ нужды нѣтѣ; понеже они всѣ имѣютѣ свою пользу, и древній можетѣ быть успѣшенѣ, и успѣваетѣ самымѣ дѣломѣ вѣ великомѣ числѣ дѣтей, когда только ихѣ исправно обучаютѣ; но спрашиваютѣ далѣе; чемѣ надлежитѣ начинать чтеніе? Француским, или Латинскимѣ языкомѣ?

Мнѣ кажется, что нѣтѣ ни какой опасности начать сперва Латинскимѣ языкомѣ, по тому что вѣ немѣ все произносится одинакимѣ образомѣ, и что голосѣ соотвѣтствуетѣ всегда изображенію характеровѣ, которые представляются зрѣнію, что дѣлаетѣ чтеніе весма удобнымѣ: вмѣсто того, что во Французскомѣ есть множество литерѣ, которыя не выражаются го-

ло-

лосомъ, или которыя произносятся то тѣмъ, то другимъ манеромъ. Но какъ чтенїе на Латинскомъ языкѣ не представляетъ ничего отроку, какъ только одни звуки лишенные смыслу, и скука долженствуетъ непремѣнно провожать такую екзерцицїю, въ которой онъ ничего не понимаетъ; того для надлежитъ какъ можно скорѣе дать ему въ руки Француску книгу, дабы смыслъ помогалъ ему читать, и прїучалъ къ размышленїю.

Однакожъ я думаю, что здѣсь надлежитъ дѣлать разборъ. Особы познавшїя чрезъ долговременной опытъ все то, что касается до школъ, которыхъ я спрашивалъ о сей матерїи, увѣрены, что въ школахъ бѣдныхъ людей, и въ деревенскихъ непремѣнно нужно начинать чтенїе Францускимъ языкомъ; и я весма согласенъ на ихъ мнѣнїе; ибо кромѣ того, что дѣти учатся охотнѣе читать, когда разу-

мѣютъ ими читаемое; и что сїе извѣстно изъ опыта, что когда они умѣютъ читать по Французски, то могутъ читать и по Латинѣ; другая сильнѣйшая причина оправдаетъ сїе употребленїе. Обыкновенно усматривается какъ въ городѣ, такъ и въ деревнѣ, что отцы и матери берутъ своихъ дѣтей изъ школъ, какъ скоро они могутъ пользоваться ихъ услугами. Отъ чего часто случается, что, когда начинаютъ Латинскимъ языкомъ, то дѣти выходятъ изъ школъ прежде, нежели умѣютъ читать по Французски, и что они лишаются на всю свою жизнь пользы, которуюбъ могли получить въ разсужденїи ихъ вѣчнаго благополучїя изъ чтенїя книгъ благочестивыхъ.

Когда отрокъ начинаетъ читать по Французски, то надобно ему толковать ясно и кратко всѣ слова, которыя для его новы, (а они

они бывают всѣ почти новы въ столь нѣжномъ возрастѣ,) и избирать для его чтенія тѣ, которыя ему знакомѣе, и которыя входятъ въ повседневное употребленіе. н. п. *День, ночь, солнце, луна, звѣзды, хлѣбъ, вода, источникъ, рѣка, платье, бѣлье и проч.* всѣ сіи слова и другія подобныя ему изъясняются пріятнымъ нѣкоимъ образомъ.

Когда онъ складываетъ слова вмѣстѣ, то даютъ ему читать краткія рѣчи, которыя заключаютъ въ себѣ какую нибудь исторію или другую любопытную вещь, н. п. *Каинъ убилъ своего брата Авеля по зависти къ его добродѣтели.* Здѣсь ему изъясняютъ: кто такой былъ Каинъ и Авель; что такое есть зависть; для чего Каинъ завидовалъ своему брату *Когда всѣ люди учинились злыми, то Богъ погубилъ ихъ потопомъ.* При сей рѣчи примѣчаютъ, что потопъ есть великое наводненіе, которое покрыло водою

всю землю. *Ной, которой одинъ только быль праведенъ, спасся со своею фамилïею въ ковчегѣ.* Тутъ сказываютъ ученику, что ковчегъ былъ великое судно, длинное, четвероугольное, и покрытое на подобïе сундука. Сверхъ сего описанïя показываютъ ему изображенïе онаго такое, какъ находится въ Историческомъ Катихизисѣ г. Аббата Флери; ибо картинки чрезвычайно прïятны бываютъ дѣтямъ. *Богъ для изведанïя вѣры и повиновенïя Авраамова, приказалъ ему на жертву принесть сына своего Исаака: но онъ его удержалъ тогда, какъ онъ уже былъ въ готовности заколоть его.* Ему показываютъ изображенïе сего дѣйствïя, и изъясняютъ всѣ части онаго, котораго изъясненïя онъ и самъ спроситъ не минуетъ. *Цыплята скрываются подъ крыльями своей матери, когда они боятся какой нибудь опасности.* Всѣ слова, которыя суть новы для его, ему изъясняются. *Пастухъ съ* сво-

своими собаками хранитъ свое стадо, и его защищаетъ отъ волковъ. Желательно, чтобъ много было такихъ изображенiй здѣланныхъ нарочно для дѣтей, которыя бы ихъ забавляя научали; и чтобъ были такъ же книги для ихъ сочиненныя, въ которыхъ бы находились крупными характерами напечатанныя слова, рѣчи и исторiйки имъ приличныя.

Искусной и рачительной учитель изъясняя исторiи, которыя я въ началѣ предложилъ, вмѣшиваетъ какое нибудь слово, чтобъ вдохнуть отвращенiе отъ пороку, любовь къ добродѣтели, и повиновенiе, которое должно оказывать повелѣнiямъ Божiимъ.

Наилучшее увѣщанiе, которое можно подать особамъ опредѣленнымъ обучать дѣтей грамотѣ, есть то, чтобъ онѣ совѣтывались съ тѣми, которые знаютъ сiе дѣло совершенно, и которые соединили со своими размышленiями долговремен-

менное искуство. Чтожъ касается до меня; естьлибъ я нашелся въ такомъ состоянiи, то признаюсь, что я бы въ великомъ былъ замѣшательствѣ, и не сыскалъ бы другова средства освободиться отъ онаго, какъ то, чтобъ слѣдовать совѣту знающихъ и искусныхъ въ семъ родѣ особъ.

Отъ давняго уже времени завелся въ Парижѣ въ премногихъ школахъ бѣдныхъ людей нѣкоторой порядокъ, которой весма полезенъ ученикамъ, и которой уменшаетъ много труда у учителей. Школа раздѣляется на многiе классы. Я привожу здѣсь въ примѣръ одинъ только изъ нихъ, а имянно тѣхъ отроковъ, которые уже складываютъ слоги; а о другихъ судить можно по пропорцiи. Я полагаю, что матерiею чтенiя суть слѣдующiя слова: *рече Господь Господеви моему сѣди одесную мене.* Каждой отрокъ произноситъ одинъ слогъ, на примѣръ,

мѣрѣ, *рѣ*: его соперникѣ, которой сидитѣ на противѣ его, продолжаетѣ слѣдующій, *че*; и такѣ далѣе. Весь классѣ слушаетѣ; понеже учитель ни на кого не указывая, переходитѣ вдрухѣ отѣ начала скамейки до средины или конца, а надобно продолжать безѣ остановки. Ежели одинѣ ученикѣ погрѣшитѣ вѣ какомѣ слогѣ, то учитель ударяетѣ по столу тросточкой, не говоря ни слова, и соперникѣ обязанѣ повторить, какѣ должно, слогѣ не исправно выговоренной. Ежелижѣ и сей солжетѣ, то слѣдующій, при второмѣ ударѣ тросточною, начинаетѣ снова тотѣ же слогѣ, до тѣхѣ порѣ, какѣ онѣ исправно выговоренѣ будетѣ. Лѣтѣ сѣлишкомѣ тритцать тому есть, какѣ я видѣлѣ съ отмѣннымѣ удово ьствіемѣ сей порядокѣ употребляемой сѣ успѣхомѣ вѣ Орлеанѣ, гдѣ онѣ принялѣ свое начало стараніемѣ и раченіемѣ Г. Гарота, которой

гла-

главнымъ былъ надзирателемъ въ школахъ сего города. Школа, которую я смотрѣлъ, состояла болѣе нежели изъ двухъ сотъ учениковъ, и въ ней царствовало глубокое молчанїе. Учитель обремененной правленїемъ новой какой нибудь школы не худо бы, кажется, здѣлалъ, еслибъ онъ посѣщалъ тѣ, которыя наиболѣе успѣваютъ, и предлагалъ ихъ себѣ образцами. Я тожъ самое говорю по пропорцїи о тѣхъ, которые приставляются къ дѣтямъ для сообщенїя имъ первыхъ наставленїй.

За чтенїемъ немедлѣнно долженствуетъ слѣдовать писанїе. Г. ле Февръ, о которомъ я уже упомянулъ, не хочетъ, чтобъ въ семъ возрастѣ много старались о красотѣ характера. Лишъ только бы отрокъ имѣлъ свободную руку, онъ тѣмъ доволенъ, и не требуетъ отъ него болѣе. Онъ еще думаетъ, что когда кто съ сего времени пишетъ очень хорошо, чему не можно статься иначе,

иначе, какъ чрезъ тихое и холодное упражненіе, то сіе не очень хорошій, есть знакъ разума. Онъ больше любитъ въ дѣтяхъ огонь и живость, которая имъ не позволяетъ привязываться чрезмѣрно къ точности правилъ. Въ протчемъ, дабы ихъ привесть къ совершенству письма, надлежитъ на то опредѣлить повседневно довольное время, которое можетъ употреблено быть съ большею пользою. И такъ довольно того, чтобъ молодой человѣкъ писалъ свободно и чотко. Когда онъ дойдетъ до пятнатцатова или шестнатцатова году, то онъ болѣе успѣетъ въ чистотѣ писма черезъ четыре мѣсяца, нежелибъ онъ успѣлъ въ четыре года съ ряду въ малолѣтствѣ.

Квинтиліанъ, такъ какъ разсудительной человѣкъ, которой хочетъ, чтобъ все употреблялось въ пользу при воспитаніи молодыхъ людей, весьма совѣтуетъ учителямъ, которые обучаютъ писать, чтобъ они имъ не давали списывать такихъ

кихъ образцовъ, которыхъ слова написаны безъ разбору, и безъ смыслу, но чтобъ они содержали какое нибудь полезное изреченіе, которое привлекаетъ къ добродѣтели. Понеже, присовокупляетъ онъ, то, что перенимается въ сихъ нѣжныхъ лѣтахъ, начертаясь глубоко въ памяти последуетъ за нами до старости, и входитъ въ поведеніе жизни. Съ меня довольно того, чтобъ напомянуть, что это есть язычникъ, которой такъ говоритъ.

Когда я сказалъ, что чтеніе есть первая екзерциція отрочества, то я не думалъ изключить всякое наставленіе до того времени, какъ отроки бываютъ въ состояніи читать. Есть изъ нихъ такіе, которые не спѣшно достигаютъ до сего малаго знанія; а это непристойно, чтобъ напрасно опускать все предшествующее время. Можно употребить его въ пользу ихъ, расказывая имъ живымъ голосомъ, и неоднократ-

кратно повторяя тожъ самое, чему они научатся чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ изъ книхъ, когда будутъ умѣть ихъ читать: напримѣръ, нѣкоторые вопросы изъ катихизиса историческаго, нѣкоторые стихи изъ басенъ де ла Фонтена и другія вещи симъ подобныя. Все сіе должно предлагать имъ подъ видомъ забавы, такъ чтобъ никогда ихъ не бранили за то, что они съ трудностію ето перенимаютъ, и неисправно высказываютъ.

Я теперь приступаю къ тѣмъ ученіямъ, въ которыхъ надобно упражняться дѣтямъ, когда они нѣсколько усилились въ чтеніи.

Изученіе Катихизиса Историческаго.

§ III. Я начинаю историческимъ катихизисомъ г. Аббата Флери; я говорю о первомъ, которой здѣланъ для дѣтей. Сія превосходная книга для чрезвычайной ея пользы чрезвычайнаго почтенія достойна; не можно надивиться отмѣнному вкусу сего благочестиваго и ученаго

И

наго писателя, которой побужденъ будучи закономъ, и любовїю къ отрокамъ, принялъ на себя особливо сїе дѣло, чтобъ познавать ихъ разумъ и понятїе, примѣняться къ ихъ слабости, говорить ихъ языкомъ, и шепелять, такъ сказать, съ ними. И такъ вотъ первая книга, которую надлежитъ дать въ руки дѣтей, и которой надобно ихъ обучить еще прежде, нежели они умѣть будутъ читать, какъ я уже упомянулъ.

Правители дому, естьлибъ только всякой изъ нихъ довольно самъ былъ наученъ, и тщился обучить дѣтей и домашнихъ, долженствовалибъ быть перьвыми учителями и катихизаторами. Я читалъ съ отмѣннымъ удовольствїемъ то, что г. Флери разсказываетъ объ одномъ изъ своихъ друзей въ предисловїи его катихизиса. „Я знаю, говоритъ „онъ, между протчими одного чело„вѣка, которой не худо разумѣетъ „свой законъ, не учивъ никогда наи-

„зусть

„зусть обыкновенныхъ катихизисовъ
„и не имѣвъ во время своего отроче-
„ства другова учителя, кромѣ его
„отца. Сей доброй человѣкъ съ трехъ
„лѣтъ бралъ его на свои колѣни въ ве-
„черу, когда онъ уединялся, онъ ему
„разсказывалъ простыми словами, ино-
„гда жертвоприношенїе Авраамово,
„иногда исторїю Іосифа, или что ни-
„будь подобное: онъ ему показывалъ
„въ тожъ самое время сїи исторїи
„въ книгѣ съ картинками, и повто-
„ренїе оныхъ составляло нѣкоторую
„забаву въ фамилїи. На шестомъ
„или седьмомъ году, когда сей от-
„рокъ началъ знать не много по Ла-
„тинѣ, то отецъ заставилъ его чи-
„тать евангелїе и удобнѣйшїя кни-
„ги ветхаго завѣта, стараясь при
„томъ изъяснять ему затрудненїя.
„Такимъ образомъ въ немъ осталось
„на всю жизнь великое почтенїе, и
„подобострастїе къ священному пи-
„санїю, и ко всему тому, что при-
„надлежитъ до закона. Вотъ польза

 отъ

отъ Христіанскаго воспитанія: вотъ долгъ отцовъ знающихъ, и не весма занятыхъ дѣлами. Таково было обыкновеніе перьвыхъ и святѣйшихъ вѣковъ церькви, въ которыхъ дѣти исправно наставлялись въ Христіанскомъ законѣ попеченіями однихъ родителей, и безъ вспоможенія катихизисовъ; понеже тогда еще не было публичныхъ и особливыхъ катехизаторовъ для юношества.

Матери не могутъ извиниться своими недосужностьми: онѣ довольно имѣютъ времени. Попеченіе о воспитаніи дѣтей до сего возрасту, о которомъ мы говоримъ, въ ихъ рукахъ наипаче состоитъ, и составляетъ часть ихъ маленькаго въ домѣ владѣнія, которое имъ особливо провидѣніе опредѣлило. Природная ихъ ласковость, вкрадчивые манеры, еслибъ только онѣ умѣли соединять съ оными пріятную, однакожъ постоянную важность, приводятъ ихъ въ состояніе

на-

наставлять съ успѣхомъ своихъ дѣтей. Я знаю многихъ матерей, которыя исполнили совершенно сію должность, и между протчими одну, которая никогда не оставляла своего дитяти одного съ домашними, и которая сама научила его совершенно всему тому, что дитя знать долженствуетъ почти до шестилѣтняго возраста, въ которомъ она его предала въ руки одного учителя, которой могъ заступить ея мѣсто, и войти въ ея намѣренія.

Я сказалъ, что воспитаніе дѣтей состоитъ наипаче въ рукахъ родительницъ. Ето еще справедливѣе бываетъ въ разсужденіи деревни нежели города. По тому что въ то время, какъ мущины бываютъ заняты тягостными и нужными трудами, (а они заняты бываютъ почти во весь годъ) однимъ только женщинамъ можетъ оставаться сколько нибудь досужности. Сіе самое показываетъ тѣсное и ненаруши-

 мое

мое обязательство, которое имѣютъ господа деревень основывать въ нихъ школы дѣвичьи, и особливое попеченіе, которое пастыри долженствуютъ прилагать къ сей части ихъ стада, которая одна только составляетъ все прибѣжище и всю надежду деревни. Ибо сіи дѣвушки здѣлаются хозяйками: и естли онѣ имѣли щастіе научиться исправно въ своей юности, то онѣ сообщатъ такую же пользу дѣтямъ своимъ.

Дабы возвратиться къ Историческому Катихизису; всякъ, кто берется обучать ему дѣтей, долженствуетъ съ самаго начала прочитать или расказать имъ историческую повѣсть, которая находится передъ вопросами. Можно будетъ, естьли только ето ихъ не отяготитъ, прочитать имъ онную вторично, дабы ихъ чрезъ то привесть въ состояніе больше понимать ее. По сіе время отъ нихъ ничего еще не требуется, какъ только уши,

и

и нѣсколько вниманія, которое учитель привлечь можетъ читая или расказывая имъ сію повѣсть веселымъ и пріятнымъ нѣкоторымъ образомъ. Послѣ сего онъ приступитъ къ вопросамъ и отвѣтамъ, изъ которыхъ каждой повторится многократно, дабы отрокъ совершенно ихъ выразумѣлъ. Онъ сперва прикажетъ ему выучить одни отвѣты или чрезъ наслышку, ежели онъ читать еще не умѣетъ, или чрезъ чтеніе, которое онъ самъ будетъ имѣть особенно. Симъ образомъ протвердится сряду первая часть Катихизиса, которая вся Историческая, и которая содержитъ дватцать девять членовъ или уроковъ. Ето будетъ первое основаніе положенное въ разумѣ отрока. Присемъ учитель велитъ ему разсматривать всѣ картинки, на что онъ согласится съ радостію, и приметъ стараніе изъяснять ему всѣ ихъ части. Я видѣлъ съ удивленіемъ

одну знатную дѣвушку, которая была не больше, какъ четырехъ лѣтъ, и которая хотя читать еще не умѣла, однакожъ переняла наизусть весь Исторической Катихизисъ такъ, что изъ котораго бы мѣста сей книги ее ни спросили, она безъ остановки отвѣчала.

Изобрѣтенїе картинокъ есть превосходно. Изображенїя весма способны бываютъ къ пораженїю мысли дѣтей, и къ утвержденїю ихъ памяти. Ето есть, собственно говоря писмо незнающихъ людей. Желательно, чтобъ сїи картинки дѣланы были искусною рукою, и превосходными гридоровальщиками. Онѣ бы для сего несравненно болѣе нравились, привлекали бы сильнѣе глаза, и чрезъ то производилибъ больше дѣйствїя въ умахъ. Но по причинѣ высокой цѣны сїи книги были бы неприступны для бѣдныхъ, а для ихъ то и надлежитъ особливо трудиться. Не до-

стой-

стойна ли Государя какова нибудь, или вельможи, или человѣка чрезвычайно достаточнаго сія щедрость, чтобъ употребить на нихъ свои деньги, и услужить публикѣ, не дѣлая разбору между богатыми и скудными, такимъ подаркомъ, которой бы всѣмъ былъ полезенъ, и которой бы дѣлалъ безсмертную честь подарившему?

По окончаніи такимъ образомъ Историческаго Катихизиса, учитель опять его начнетъ, прибавляя къ нему вопросы, и заставляя отрока учить ихъ наизусть; по тому что они обыкновенно имѣютъ связаніе съ отвѣтами, и часто содержатъ въ себѣ ихъ силу.

На послѣдокъ когда отрокъ затвердитъ въ своей памяти вопросы и отвѣты, и когда въ томъ довольно укрѣпится, то учитель его заставитъ выучить наизусть историческую повѣсть, которая имъ предшествуетъ. Но что касается до повѣсти;

не нужно порабощать его тому, чтобЪ онЪ пересказывалЪ ее тѣми же самыми словами, какЪ онЪ ее выучилЪ. Не надлежитЪ за то сердиться, что онЪ ихЪ иногда перемѣняетЪ, лишЪ бы только сіе происходило безЪ перемѣны смыслу: ибо это есть вѣрнымЪ докательствомЪ, что онЪ понялЪ дѣло вмѣсто того, что есть причина сумнѣваться о-томЪ, когда онЪ сказалЪ тѣжЪ самыя слова.

Сіи три различныя повторенія, которыя всегда провожаемы будутЪ какими нибудь отмѣнами, или прибавленіемЪ, покажутЪ симЪ способомЪ пріятной видЪ новости. Они не наскучатЪ дѣтямЪ, и начертаются глубоко вЪ ихЪ памяти и разумѣ.

ПослѢ первой части катихизиса, которая вся историческая, начнутЪ имЪ вторую, содержащую Христіанское ученіе, и слѣдовательно самыя важныя наставленія. Здѣсь тѢже

са-

самыя правила наблюдаться будутъ, которыя и при первой части.

При обѣихъ оныхъ частяхъ искуство надзирательницъ и учителей состоитъ въ томъ, чтобъ они не ограничивали своихъ попеченій изощреніемъ памяти отрока, заставляя его прочитывать наизусть то, что онъ выучилъ: но чтобъ начинали направлять его разсужденіе, сколько его возрастъ къ сему способствуетъ, предлагая ему небольшія задачи сходственные съ его слабостію, перемѣшивая порядокъ вопросовъ, заставляя его самаго изъяснять свои отвѣты, и премногими другими средствами, которыя усердіе и ревность вдыхаютъ учителю, съ удовольствіемъ и утѣхою отправляющему свою должность.

Сія екзерциція въ Историческомъ Катихисисѣ, которая займетъ небольшую частицу дня, отправляема будучи такъ, какъ я показалъ, и возобновляема отъ вре-

времени до времени частыми повтореніями продолжится чрезЪ три или четыре года младенчества, и послѣдуетЪ за онымЪ до шестова или седьмова году, вЪ которомЪ начнутся труднѣйшія ученія.

Басни де ла Фонтена.

§ IV. ВЪ то самое время, какЪ отрокЪ занятЪ будетЪ сею екзерциціею, велятЪ ему выучить наизусть нѣкоторыя басни де ла Фонтена, избирая напередЪ тѣ, которыя поменьше другихЪ и позабавнѣе. Примется трудЪ толковать ему ясно и кратко всѣ слова, которыхЪ онЪ не разумѣетЪ, и послѣ того, какЪ одна басня прочитается ему многократно, и онЪ заставленЪ будетЪ наизусть повторить оную, учитель станетЪ его пріучать кЪ тому, чтобЪ онЪ ее расказывалЪ самЪ собою просто и натурально. Невѣроятно почти, сколь сіе дѣло можетЪ ему полезно быть вЪ послѣдствіи. Дабы ему способствовать вЪ семЪ, учитель сперва самЪ ра-

раскажетъ ему басню, и его научитъ своимъ примѣромъ, какъ онъ долженствуетъ въ томъ поступить. Я не имѣю нужды увѣдомлять, что надлежитъ сперва представить передъ глазами его изображенїе, которое находится въ началѣ басни, и которое заключаетъ въ себѣ ея содержанїе, и ему истолковать оное: нѣтъ ничего, что бы могло быть ему прїятнѣе.

Когда онъ выучитъ наизусть одну басню, и ее будетъ знать совершенно, то его заставятъ произносить ее такъ, чтобъ онъ сотовариществовалъ голосомъ и тѣлодвиженїемъ сходственнымъ съ матерїею. Учитель можетъ посмотрѣть въ семъ случаѣ то, что сказано будетъ въ послѣдствїи о правилахъ произношенїя. Такимъ образомъ отрокъ навыкнетъ заблаговременно выговаривать по надлежащему гласныя и согласныя литеры, дѣлать чувствительною ихъ

си-

силу, протягивать тѣ, которыя требуютъ медлѣнія, не съѣдать слоговъ, а особливо послѣднихъ, дѣлать нѣкоторыя отдохновенія, смотря на различіе раздѣлительныхъ знаковъ; словомъ сказать, произносить пріятно, ясно, и правильно. Надлежитъ весма наблюдать, чтобъ онъ принималъ голосъ природной, и избѣгалъ вижжанія дѣтямъ обыкновеннаго, которое послѣдуетъ за ними въ классы, а часто и въ зрѣлѣйшій еще возрастъ.

География.

§ V По нѣсколько времени употребляться такъ же будетъ повседневно на географію. Она будетъ для дѣтей больше забавою, нежели ученіемъ, естли учитель умѣетъ приправлять ее пріятными исторійками, и любопытными дѣлами при случаѣ земель и городовъ, о которыхъ говорено имъ будетъ. Сіи исторіи и дѣла находятся въ географическихъ книжкахъ: надлежитъ въ нихъ дѣлать разборъ и отдѣлять только то,

то, что может понравиться отроку.

Многіе суть способы к обученію географіи, которых большая часть изрядна, естьли только наблюдается в них вѣрность, и естьли они провожаемы всегда бывают смотрѣніем на ландкарты, понеже ета наука требует особливо употребленія глаз. Между сими различными способами мнѣ кажется, что надлежит предпочесть тѣ, которые вмѣсто того, чтоб требовать много разума у отроков, или получать пособленіе от онаго, сами напротив того пособляют их разуму, и их забавляют пріятною скверциціею.

Сперва представят перед их глазами всеобщую карту свѣта или шар земной, которой гораздо способнѣе к тому, чтоб дать им справедливое понятіе о фигурѣ земли. Потом учитель изъяснит им слова собственныя сей наукѣ,

ко-

которыя нужны будутъ, приближая оныя къ ихъ понятїю. *Твердая земля*, *море*, *островъ*, *полуостровъ*, *заливъ*, *проливъ* и протчая.

Можно учить географїи помощїю исправныхъ раздѣленїй и ученыхъ подробностей; но сей способъ отягощаетъ память, и не вознаграждаетъ почти никакою утѣхою скуки соединенной съ продолжительною связью именъ собственныхъ.

Полезнѣе бы, мнѣ кажется, было заставить отрока странствовать по ландкартѣ, не замѣчая на ней ничего инаго, какъ только какую нибудь забавную особливость, которая соединена будучи съ фигурою страны пособляетъ памяти сохранять ея имя и положенїе.

Положимъ, на примѣръ, что хотятъ показать Азїю малолѣтному отроку, которой уже знаетъ употребительныя Географическїя слова. Я бы только велѣлъ ему пробѣжать всѣ ея стороны, увѣдомляя его о

томъ,

томъ, что каждая земля имѣетъ достопамятнаго.

Азїя, сказалъ бы я ему, начинается тамъ, гдѣ оканчивается Африка, которая съ нею соединяется истмомъ, Суецкимъ, которой ты видишъ между Средиземнымъ и Чермнымъ моремъ. Сїе море называется Чермнымъ по тому, что подлѣ его жили, Идумейцы происходящїе отъ Исава, или Едома, котораго имя значитъ *красной* или *рыжей*.

Аравїя, которую сїе море обмываетъ, раздѣляется на три: *Петрейскую*, или *Каменистую*, *Пустынную* и *Щастливую*.

Петрейская, или *Каменистая* здѣсь находится при самомъ концѣ Чермнаго моря. Въ семъ то мѣстѣ Израильтяне пробыли сорокъ лѣтъ послѣ того, какъ они перешли сухими ногами ложе Чермнаго моря, которое само разступилось. Примѣчай тутъ гору Синайскую, на ко-

 торой

торой Богъ далъ Евреямъ законъ, содержащійся въ десятословіи, и множество другихъ установленій. Аравія Петрейская называется такъ по древнему городу Петреи, котораго ужъ болѣе нѣту.

Пустынная беретъ свое имя отъ пространныхъ пустынь. Въ ней находятся города: Мекка, Медина, и Елкативъ. Мекка славится рожденіемъ Лжепророка Магомета, и имѣетъ знатной мечеть, въ которой ежегодно со всѣхъ сторонъ пріѣзжаютъ караванами премногіе странственники. Медина есть мѣсто его похоронъ. Кативъ или Елкативъ стоитъ на берегу залива Персидскаго. Въ семъ то мѣстѣ отправляется жемчужная коммерція, и достаются жемчужныя раковины, которыя водолазы ходятъ собирать около каменистыхъ горъ противустоящаго острова Багарена. Сверхъ сего изъясняется отроку, что значатъ *жемчужины и ихъ раковины*, и ка-

какимъ способомъ ихъ достаютъ изъ воды; что такъ же значитъ сіе слово, *водолазы*.

Щастливая Аравія имѣетъ сіе имя за тѣмъ, что она производитъ знатнѣйшія растенія. Въ ней находится кофе, которой есть зерно маленькаго и краснаго плода, которой походитъ на вишню. Тутъ такъ же есть Бальсамъ и Ладанъ, которые суть не иное что, какъ благовонныя смолы, вытекающія изъ коры двухъ кустовъ.

Въ сей то заливъ впадаютъ Тигръ и Ефратъ.

Послѣ сего встрѣчается Имперія Персидская, которой главные города суть: Испаганъ, Таврисъ, Ширасъ, и Бандеръ Абаси. Испаганъ и Таврисъ имѣютъ рынки или площади столь пространныя, что на нихъ становится въ строй десять тысячь человѣкъ. Въ Ширасѣ усматриваются великолѣпныя остатки древняго Персеполя. Бандеръ

Абаси есть наилучшій портЪ вЪ Персіи. ТутЪ отправляется нынѣ коммерція, которую имѣли нѣкогда Португальцы на островкѣ Ормусѣ при входѣ вЪ заливЪ, изЪ котораго ихЪ выгнали.

Не подалеку оттуда есть гора Шіампа, гдѣ находятся земли разныхЪ цвѣтовЪ. БлескЪ ихЪ столь живЪ, что не можно было никогда подражать изрядству ихЪ испещренныхЪ полотенЪ, которыя могутЪ неоднократно быть вЪ мытьѣ не теряя ихЪ живости.

Между тѣмЪ, какЪ продолжаютЪ такимЪ образомЪ осматривать всѣ стороны, и возвращаются по тѣмЪ же мѣстамЪ, не перемѣняя того, чему хотятЪ научить отрока; онЪ почитаетЪ игрушкою сіи познанія, которыя его забавляютЪ, и распоряжаются вЪ его памяти безЪ всякаго напряженія.

Можно бываетЪ такЪ же, когда онЪ показалЪ уже нѣсколько успѣ-

ху въ Географіи, заставить его встранствовать по Ландкартѣ; велѣть, напримѣръ, ему ѣхать изъ Парижа въ Римъ по морю; а возвращаться изъ Рима въ Парижъ по сухой землѣ другою дорогою. Сіи малыя отмѣны его увеселяютъ, и въ то время, какъ онъ проходитъ мѣста, предводитель научаетъ его премногимъ любопытностямъ находящимся въ оныхъ.

§ VI. Остается мнѣ сказать еще о Француской Грамматикѣ, которой надлежитъ обучать дѣтей, какъ скоро они будутъ къ тому способны, а они таковы обыкновенно бываютъ довольно рано. Намъ весма стыдно не знать своего собственнаго языка: но естли мы хочемъ сказать правду, то мы всѣ почти признаемся, что мы никогда ему не учились. Я не стану дѣлать здѣсь разсужденій, которыя учинить можно о сей матеріи: я говорить буду въ переди о томъ Француская Грамматика.

пространно, что касается до сего ученія. Одно благоразуміе учителя можетъ опредѣлить время и способъ для онаго въ такомъ возрастѣ, о которомъ рѣчь идетъ. Онъ возметъ изъ Францускои Грамматики то, что онъ сочтетъ за нужнѣйшее для отроковъ, и сходственнѣйшее съ ихъ понятіемъ, отлагая до другова времени то, что ему покажется очень умозрительно и трудно; ибо должно желать, чтобъ сія екзерциція продолжалась во весь курсъ ученія.

Вотъ почти все то, что по моему мнѣнію долженствуетъ составлять упражненіе дѣтей даже до семи лѣтъ, въ которое время можно будетъ начать учить ихъ Латинскому языку, которой они будутъ разумѣть скорѣе и удобнѣе, когда обучились Грамматикѣ Францускои; потому что основанія сихъ двухъ языковъ суть во многомъ общія.

Не

Не надобно думать, чтобъ то, что я здѣсь предлагаю, превышало силы отроковъ. Я недавно слушалъ, какъ одинъ изъ нихъ, которой имѣетъ только шесть лѣтъ отъ роду, отвѣчалъ въ собранїи довольно многолюдномъ на весь Катихизисъ Исторической, изъ котораго онъ при открытїи книги читалъ наизусть всѣ мѣста, которыя попадались, какъ повѣствуемое, такъ вопросы и отвѣты. Онъ далъ такъ же отчетъ въ большей части словъ Географическихъ, въ четырехъ частяхъ свѣта вообще, и во Францїи съ довольною подробностїю. Онъ высказалъ очень исправно многїя правила Грамматики Француской, и что болѣе всего меня удивило. Онъ читалъ нѣкоторыя басни де ла Фонтена съ великою прїятностїю, и готовъ былъ отвѣчать объ основанїяхъ Геральдики, но время учинить сего не позволило.

Я ето весма знаю, что не должно сего ожидать отъ всѣхъ отроковъ, и я упомянулъ сей примѣръ для того только, чтобъ показать, сколько они могутъ понимать въ то время, какъ хорошаго имѣютъ предводителя. Да когда и сыщутся изъ нихъ такіе, какъ тотъ, о которомъ я говорю, которые доброволно стремятся къ трудамъ, ими увеселяются (что бываетъ весма рѣдко, и значитъ великое щастіе); то надлежитъ съ крайнимъ тщаніемъ умѣрять такой ихъ жаръ, и заключать его въ надлежащія границы. Нѣтъ ничего любяе и для родителей, и для учителей, какъ видѣть отрока отмѣнно успѣвающаго въ столь незрѣломъ еще возрастѣ: но нѣтъ въ тожъ самое время (могу сказать) ничего столь опаснаго. Ибо, естьли предаются съ той и съ другой стороны сему удовольствію, и естьли не щадятъ рачително здравія дитяти, то

под-

подвергаются опасности повредить оное на всегда чрезъ безперерывное мысли напряженіе, которое истощаетъ духи непримѣтнымъ образомъ, и дѣлаетъ нечувствительно жилки и суставы, кои тогда бываютъ тонки, дебелыми.

Сія опасность велика, но она не очень бываетъ обыкновенна. Чаще имѣютъ нужду вдыхать горячность въ дѣтей, нежели умѣрять ее; и въ семъ то я поставляю главное искуство учителя. Но дабы вкоренить въ нихъ любовь къ ученію, надлежитъ, чтобъ онъ старался сперва самъ притти въ любовь къ нимъ, что ему дѣйствительно удастся, ежели онъ поступать будетъ всегда по разуму, а никогда по своенравію. Я разсмотрю это пространно, когда говорить буду о должностяхъ родителей и учителей при воспитаніи дѣтей. Здѣсь довольно для меня

увѣдомить ихъ, что они паче всего обязаны стараться влагать ревность въ ихъ сердце. Екзерцицїи въ такихъ лѣтахъ, о которыхъ я говорю, долженствуютъ быть болѣе забавою, нежели ученїемъ. Надлежитъ ихъ перемѣнять, сокращать, а иногда и со всемъ откладывать, дабы предупредить скуку и отвращенїе; предлагать отроку маленькїя награжденїя, и избирать тѣ, которыя дѣлаютъ наиболѣе утѣхи сему возрасту: ежели онъ съ природы тупъ къ ученїю, не дѣлать ему жаркихъ выговоровъ, и не поступать съ нимъ грубо и строго, дабы онъ не соскучился, и не удержалъ въ зрѣлѣйшихъ лѣтахъ ненависти ко всякому ученїю, въ которомъ онъ ничего не чувствовалъ кромѣ одного огорченїя въ своей юности, не въ силахъ еще будучи понимать онаго пользу. Напротивъ того надлежитъ его возбуждать, и ободрять похвалами, хотя онъ немнож-

множко успѣетъ; представить ему напротивъ какова нибудь товарища, котораго бы успѣхъ и похвалы трогали его самолюбіе, о побѣжденіи котораго могъ бы онъ радоваться, и отъ котораго бы побѣжденнымъ быть стыдился. Ето суть невинныя хитрости, которыя Святой Іеронимъ, списывая Квинтиліана, совѣтовалъ употреблять одной Христіанской госпожѣ въ разсужденіи ея дочери, которая тогда имѣла не болѣе пяти или шести лѣтъ, и о которой воспитаніи онъ ей подаетъ удивительныя наставленія. Христіанскія матери требуютъ отъ меня, чтобъ я такъ же сообщилъ нѣкоторыя изъ нихъ о той же самой матеріи, и я не могу отказать столь справедливому и столь благоразумному желанію. Я долженъ симъ знакомъ благодарности свидѣтельствованіямъ почтенія, которое и самыя госпожи оказываютъ мнѣ за мое *разсужденіе объ ученіяхъ*,

ко-

котораго чтенїе, я весма не думалъ, чтобъ могло имъ принесть какое удовольствїе.

ГЛАВА ВТОРАЯ
о
воспитанїи дѣвицъ.

Господинъ Фенелонъ, Архїепископъ Камбракїйской, начинаетъ превосходную книгу, которую онъ сочинилъ о сей матерїи, жалобою о томъ, что воспитанїе дѣвицъ отъ всѣхъ почти пренебрегается; и сїя жалоба весьма основательна. Хотя довольно погрѣшаютъ въ воспитанїи отроковъ, однакожъ всѣ почти согласуются въ томъ, что оно весьма нужно къ общему добру. Долгое время определяемое на ихъ ученїя, учители имъ даемые, иждивенїе употребляемое въ семъ намѣренїи, суть ясныя доказательства, что люди имѣютъ справедливыя понятїя о сей матерїи. Но подъ тѣмъ видомъ, что

что дѣвицы не должны быть учеными, и что любопытство дѣлаетъ ихъ тщеславными и принужденными въ поступкахъ и рѣчахъ, родители не очень бозпокоятся о ихъ наученіи, какъ будто бы невѣжество было украшеніемъ ихъ полу. Ето есть явная и вредная государству погрѣшность, чтобъ пренебрегать такимъ образомъ воспитаніе дѣвицъ.

Надлежитъ въ немъ предлагать двоякой конецъ, такъ какъ и въ воспитаніи отроковъ, а имянно, чтобъ исправить сердце, и просвѣтить разумъ. Я начну перьвою частію, которая есть самая нужная, и о которой однакожъ я предложу очень кратко, потому что совѣты, которые я сообщу въ послѣдствіи о семъ дѣлѣ для отроковъ, приличествуютъ равно и дѣвицамъ.

Надобность и способъ исправлять

§ I. Святой Іеронимъ, въ писмѣ своемъ къ Лаетѣ знатной Госпожѣ о воспитаніи ея дочери, и къ другимъ

нравы дѣвицъ отъ самой нѣжной юности.

гимъ матерямъ Христiанскимъ, предлагаетъ множество изрядныхъ вещей о сей матерiи. Я употреблю ихъ въ пользу такъ какъ и книжку г. Фенелона.

Я увѣдомляю съ самаго начала матерей и надзирательницъ, что я беру здѣсь въ разсужденiе, (какъ и онѣ должны брать со мною) дѣтей такъ какъ вышедшихъ недавно изъ крестинныхъ водъ, учинившихъ тамъ въ присутствiи I. Христа торжественныя обѣщанiя, которыхъ родители, наставники и надзирательницы здѣлались хранителями, отказавшихся тамъ отъ всѣхъ пышностей и суетъ вѣка сего, и слѣдовательно долженствующихъ познавать основанiя сходственныя съ обязательствами, которыя они на себя приняли, не на нѣсколько лѣтъ, но на всю свою жизнь. Я не думаю, чтобъ сiе увѣдомленiе почтено было безразсуднымъ, которое одно можетъ прои-

произвесть всѣ правила добраго воспитанія.

Поелику перьвые плоды всѣхъ вещей принадлежатъ особливо Богу, што и перьвыя мысли и слова дитяти долженствуютъ посвящены быть ему чрезъ благочестіе. Радость Христіанской матери такой, какъ была Св. Павла, долженствуетъ быть сія, чтобъ слышать, какъ ея дочка произноситъ слабымъ голосомъ, и шепеляющимъ языкомъ сладкое имя І. Христа, которому она предалась въ служеніе при своемъ крещеніи.

Сіе посвященіе требуетъ, чтобъ дѣвица здѣлавшаяся храмомъ Господа, никогда не слыхала и не говорила ничего, что бы не отзывалось страхомъ Божіимъ: чтобъ слова противныя честности были для ея странными и неизвѣстнымъ языкомъ, въ которомъ бы она ничего не постигала; и чтобъ она не знала во все безстыдныхъ пѣсенъ, а вмѣ-

вмѣсто ихъ воспѣвала бы нѣжными своими устами Божественныя псальмы Давыда.

Какъ скоро возрастъ позволитъ изощрять ея память, то заставятъ ее выучить наизусть какія нибудь выбранные стишки изъ ветхаго или новаго завѣта, которые она прочитывать будетъ всегда въ опредѣленные часы своей матери, и которые будутъ такъ какъ бы повседневнымъ ея урокомъ, и какъ бы пучкомъ цвѣтовъ собранныхъ въ священномъ писанїи, которой она ей приносить будетъ во всякое утро.

Запрещается ей имѣть знакомство съ дѣтьми другова полу, и приставлять къ ней для услугъ другова ково нибудь кромѣ дѣвицъ благоразумныхъ и умѣреннаго духа. Знанїе свѣта можетъ имъ полезно быть по нѣкоторой мѣрѣ; но надлежитъ, чтобъ онѣ остерегались сообщать заразительной его видъ и пагубныя наставленїя своей воспитанницѣ.

ницѣ. Ибо въ семъ возрастѣ и самая бездѣлка удобно повреждаетъ чистоту и невинность дитяти: ето есть нѣжной и тонкой цвѣтъ, которой отъ малѣйшаго дыханія заразительнаго можетъ испортиться и погибнуть въ одну минуту.

Святой Іеронимъ весьма совѣтуетъ, чтобъ не пріучали сихъ невинныхъ тварей къ свѣтскимъ манерамъ, чтобъ не давали имъ пить изъ заразительной чаши Вавилонской; чтобъ не вдыхали имъ охоты къ пустымъ украшеніямъ вѣка; и чтобъ не марали и не срамили ихъ лица бѣлилами и румянами.

Онъ не требуетъ того, чтобъ содержали дѣвицу въ состояніи совершенно противномъ свѣтскому въ разсужденіи платья и поступокъ, ниже того, чтобъ лишали ее украшеній приличныхъ ея возрасту и состоянію. Сіе лишеніе послужило бы только къ возбужденію ея желаній, и къ учиненію ихъ сильнѣйшими. Она уви-

дитъ другихъ лучше ее убранныхъ и будетъ имъ завидовать. Женской полъ любитъ съ природы убираться. Благоразумная мать позволитъ сей природной склонности все то, что непротивно будетъ правиламъ Христіанской воздержности. Намѣреніе ея въ позволеніи ей употреблять уборы, будетъ то, чтобъ вдохнуть въ нее помалу презрѣніе и отвращеніе отъ оныхъ; и ето она постарается здѣлать такъ, чтобъ почтенныя въ свѣтѣ особы похваляли въ присутствіи ея дочери тѣхъ, которыя одѣты будутъ благопристойнѣе и умѣреннѣе.

Подобно и въ протчемъ поступлено будетъ. Такая дѣвица, говоритъ г. Фенелонъ, которая удалена была отъ свѣту за тѣмъ только, что она его не знала, и въ которой добродѣтель еще не очень глубоко вкоренилась, покушается тотчасъ думать, что отъ нее скрыли то, что есть самое удивительное въ ономъ.

Ето

Ето весма лучше, чтобъ она привыкала по немногу къ свѣту живучи при матери благочестивой и разсудительной, которая ей показываетъ въ немъ то единственно, что ей прилично видѣть, которая открываетъ ей при случаѣ заблужденія онаго, и которая подаетъ ей примѣръ предаваться въ него съ умѣренностію для одной только надобности.

Выборъ надзирательницы есть важнѣйшее дѣло, какое только мать чья нибудь имѣть можетъ. Она долженствуетъ просить ее чрезъ долгое время у Бога смиренными и горячими молитвами, и заслуживать ее чистыми намѣреніями, и искреннимъ желаніемъ сыскать своей дочери воспитаніе точно Христіанское. Я не распространю здѣсь рѣчи о сей матеріи: можно посмотрѣть то, что сказано будетъ въ послѣдствіи о выборѣ, качествахъ, и должностяхъ учителя.

То, чего по крайней мѣрѣ должно требовать отъ надзирательницы, есть то, чтобъ она имѣла правой смыслъ, послушной разумъ, удобосклонной нравъ, и истинной страхъ Божїй. Просвѣщенная и благоразумная мать дополнитъ сама протчее. Она начнетъ въ непринужденныхъ и простыхъ разговорахъ наставлять ее своими совѣтами, съ коими она соединять будетъ всегда ласковость и прїятность, которыя вселятъ ихъ въ самое сердце: ибо безъ сего самые мудрѣйшїе совѣты возбудятъ только самолюбїе, и не найдутъ себѣ нигдѣ проходу.

Одно изъ главныхъ попеченїй матери есть то, чтобъ она сперва сама познала совершенно все то, что нужно для исправнаго воспитанїя дѣтей. Она можетъ найти сїе вспоможенїе въ книгѣ сочиненной Г. Фенелономъ о воспитанїи дѣвицъ, которая очень кратка и вразумительна.

тельна. Она долженствуетъ особливо упражняться въ изученіи ея такъ, чтобъ она могла ее совершенно знать, и при томъ приказать, чтобъ надзирательница такъ же повторяла многократно чтеніе оной. Етого еще не довольно. Примите, говорилъ самъ господинъ Фенелонъ одной матери, которая его спросила о семъ дѣлѣ, примите трудъ читать сію книжку съ нею. Дайте ей вольность останавливать васъ при всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, которыхъ она не разумѣетъ, и о которыхъ сумнится. По томъ велите ей вступить въ самое дѣло; и когда только вы примѣтите, что она говоря дитяти оставляетъ правила сей книжки, которымъ она обѣщалась слѣдовать, то вы напомните ей о томъ тайно и ласково.

Сіе упражненіе, продолжаетъ тотъ же Писатель, вамъ покажется съ начала отяготительно: но вы подумайте, что вы будучи мать не-

непремѣнно сею должностїю обязаны. Въ протчемъ вы не будете имѣть чрезъ долгое время великихъ въ томъ затрудненїй. Ибо сїя надзирательница, естьли она разумна и усердна, научится болѣе въ одинъ мѣсяцъ чрезъ самое дѣло и ваши совѣты, нежели чрезъ продолжительныя умствованїя. Тотчасъ она пойдетъ сама собою по прямой дорогѣ. Вы еще получите сїе облегченїе, что она сыщетъ въ семъ маленькомъ сочиненїи главныя рѣчи, которыя говорить должно дѣтямъ о важнѣйшихъ правилахъ, во всей готовности, такъ что она не будетъ почти имѣть больше дѣла, какъ только имъ послѣдовать. И такъ она имѣть будетъ передъ своими глазами нѣкоторое собранїе разговоровъ, которые она должна имѣть съ дитятею о вещахъ, кои труднѣе всего ему вразумить. Это есть нѣкотораго роду практическое воспитанїе, которое бу-

будетЪ провожать ее какЪ бы за руку.

КЪ сей книгѣ г. Фенелона надлежитЪ присовокупить прекрасное предисловіе Историческаго Катихизиса г. Аббата Флери, которое заключаетЪ вЪ себѣ то, что можно желать твердѣйшаго и основательнѣйшаго о способѣ обучать дѣтей, и наставлять ихЪ вЪ законѣ.

Сіе то долженствуетЪ составлять ученіе матерей, надзирательницЪ, монахинь обязавшихся наставленіемЪ дѣвицЪ, и я могу еще прибавить, учителей, которымЪ ввѣряется попеченіе о малолѣтныхЪ дѣтяхЪ. ЕжелибЪ старались искренно и чистосердечно употреблять вЪ дѣло преизрядные совѣты, содержащіися вЪ сихЪ двухЪ сочиненіяхЪ, то бы не было причины жаловаться какЪ сіе часто случается, о маломЪ успѣхѣ воспитанія молодыхЪ людей обоего полу.

Естьлибъ мнѣ дозволено было присовокупить себя къ симъ двумъ великимъ мужамъ, не сравнивая себя съ ними ни въ достоинствѣ, ни въ славѣ; то бы я прибавилъ, что можетъ быть въ шестой книгѣ сего сочиненія, въ которой я предлагаю о внутреннемъ правленіи классовъ и коллегій, найдутся нѣкоторыя разсужденія небезполезныя для особъ обременившихся воспитаніемъ хотя дѣвицъ, хотя мальчиковъ.

Я не могу лучше заключить сего перваго члена касающагося до нравовъ, какъ важнымъ разсужденіемъ, которое мнѣ подаетъ г. Фенелонъ: я здѣсь его только спишу.

Наибольшимъ препятствіемъ доброму воспитанію дѣвицъ бываетъ нестройность поведенія родителей. Все прочее безполезно, естьли они сами не хотятъ имъ содѣйствовать въ семъ трудѣ. Главнымъ основаніемъ всему есть то, чтобъ они по-

давали своимъ дѣтямъ правыя мнѣнія, и созидательные примѣры. А сего не можно надѣятся, какъ только отъ малѣйшаго числа фамилій. Часто мать, которая проводитъ свою жизнь въ игрѣ, въ комедіи, и въ разговорахъ непристойныхъ, жалуется важнымъ голосомъ, что она не можетъ сыскать надзирательницы способной къ воспитанію ея дочерей. Но какую силу можетъ имѣть лучшее воспитаніе надъ дочерьми, которыя взираютъ на такую мать? Часто еще усматриваются такіе родители, которые, какъ говоритъ Св. Августинъ, водятъ сами своихъ дѣтей въ общенародныя зрѣлища, и въ другія увеселительныя мѣста, которыя не могутъ не отвратить ихъ отъ дѣльной и занятой жизни, къ которой сіи самые родители хотятъ ихъ принудить. Такимъ образомъ они мѣшаютъ ядъ со здравою пищею. Они говорятъ всю о благоразуміи, а сами пріучаютъ

ютъ непостоянную мысль дѣтей къ сильнымъ колебаніямъ страстныхъ представленій и музыки; послѣ чего они не могутъ болѣе приставать къ дѣлу. Они дѣлаютъ имъ страсти вкусными, а невинныя утѣхи скучными и противными. И послѣ сего они хотятъ еще, чтобъ воспитаніе успѣхъ имѣло, щитая между тѣмъ, что оно грубо и скучно, ежели не будетъ провожаемо симъ смѣшеніемъ добра и зла.

Объ ученїяхъ приличествующихъ дѣвушкамъ.

§ II. То, что я сказалъ о обученіи отроковъ до шести или семилѣтнаго возраста, выключая мало что, есть общее дѣтямъ обоего полу. Теперь требуется разсмотрѣть, какія ученія могутъ приличествовать дѣвицамъ въ слѣдующихъ лѣтахъ.

Изученїе Латинскаго языка прилично ли дѣвицамъ.

Первой вопросъ, которой предстаетъ въ разумѣ, есть сей: *позволительно ли дѣвицамъ обучаться Латинскаго языка*? Не льзя сумнится, чтобъ между ими не было многихъ

столь-

столькожъ способныхъ къ сему ученiю, какъ и мальчики: полъ самъ собою не полагаетъ различiя въ разумахъ. Видны были женщины не меньше успѣвшiя въ наукахъ, нежели мущины. Не говоря о премногихъ другихъ, госпожа Дассiерша, которая прославила нашъ вѣкъ, ни мало своему не уступала мужу въ пространствѣ учености; и по общему всѣхъ согласiю она превышала его тонкостiю вкуса, и слога красотою.

Но ето не есть правило, по которому должно рѣшить предложенной вопросъ. Свѣтъ не случаемъ управляется. Различныя состоянiя, на которыя онъ раздѣляется, не своенравiю нашему оставлены. Есть нѣкое провидѣнiе, которое располагаетъ состоянiемъ, и которое назначаетъ каждому свои должности. Изъ мущинъ многiе определяются къ такимъ дѣламъ, которыя требуютъ нѣкотораго пространства познанiй,

знанїй, дабы они могли отправлять оныя по надлежащему. А какъ Греческой и Латинской языки открываютъ входъ ко всѣмъ наукамъ, и суть такъ какъ бы ключи оныхъ, то по сей причинѣ обучаютъ онымъ тѣхъ юношей, которые по видимому долженствуютъ со временемъ призваны быть къ такимъ дѣламъ, при которыхъ сїи познанїя бываютъ нужны.

Чтожъ касается до женщинъ, то совсемъ дѣло инаково бываетъ. Онѣ не опредѣлены учить народъ, управлять государствами, воевать, судить, хлопотать въ приказахъ, упражняться въ медицинѣ. Имъ досталось сидѣть во внутренности своего дому; имъ поручаются должности не меньше полезныя, но не столько трудныя, и сходственнѣйшїя съ тихостїю ихъ характера, съ нѣжностїю ихъ сложенїя, и съ природною ихъ склонностью. Надлежитъ думать, что сей раздѣлъ

званій между мущинами и женщинами основывается на самой натурѣ, по тому что онъ таковъ находится во всѣ времена, и во всѣхъ странахъ свѣта. Ето правда, что исторія показываетъ намъ женщинъ, которыя превосходны были въ военномъ дѣлѣ, въ правленіи государствѣ, въ знаніи наукъ; но сіи примѣры суть рѣдки, и не долженствуютъ щитаться иначе, какъ выключеніями, которыя не только не нарушаютъ общаго правила, но еще служатъ къ его подтвержденію.

Изъ всего мною теперь сказаннаго надлежитъ заключить, что изученіе Латинскаго языка, говоря вообще, не приличествуетъ особамъ женскаго полу.

однакожъ оно позволяется такимъ дѣвицамъ, которыя, „какъ говоритъ „г. фенелонъ, твердой имѣютъ раз„судокъ и скромное поведеніе, и кото„рыя могутъ справедливо цѣнить сіе „ученіе, отказаться отъ пустова лю-

„бо-

„бопытства, скрывать то, что
„спознали, и не искать въ семъ ни-
„чего болѣе какъ ихъ созиданіе.

Я знаю нѣкоторыхъ дѣвицъ та-
кого характера, воспитанныхъ съ не-
сказаннымъ раченіемъ въ точно Хри-
стіанскихъ фамиліяхъ, гдѣ все от-
зывается благочестіемъ, которыя
определяются быть въ свѣтѣ, но
не имѣютъ его вкусу и мнѣній,
и которыя соединяютъ съ просвѣ-
щенною набожностію разумъ весьма
твердой и способной ко всякой нау-
кѣ. Ихъ заставили учиться по Ла-
тинѣ, и онѣ показали въ семъ та-
кой успѣхъ, что стали разумѣть
совершенно и безъ затрудненія пись-
ма Св. Іеронима, Павлина, Кипріа-
на и ихъ переводить съ такою точ-
ностію и красою, которыя бы мог-
ли дѣлать честь и самымъ прево-
сходнѣйшимъ знатокамъ. Онѣ не бы-
ли заключены въ одномъ изученіи
Латинскаго языка: ихъ еще обучи-
ли всему тому, что прилично знать
дѣ-

дѣвицамъ, которыя долженствуютъ быть въ свѣтѣ, и зделаться хозяйками. Когда качества и расположенія, о коихъ я упомянулъ, случаются въ молодыхъ дѣвицахъ, то родители не должны, какъ мнѣ кажется, сопротивляться желанію, которое онѣ имѣть будутъ учиться по Латинѣ.

Для такихъ особъ, кои захотятъ учиться Латинскому языку, можно сыскать особливой способъ, которой надлежитъ сократить сколько возможно. Сочиненіе ѳемъ должно оставить и все ограничить однимъ разумѣніемъ и истолкованіемъ Латыни. Для сего правила суть непремѣнно нужны. Они суть такъ какъ бы основанія сего познанія; а ето уже извѣстно, каково строить безъ основанія. Признаюсь, что сей трудъ не очень пріятенъ, и что онъ малое дѣлаетъ удовольствіе разуму. Вѣтреность возраста, и живость характера едва могутъ подвер-

вергаться оному. Но безъ того не будетъ успѣху въ разумѣніи Латинскаго языка; надлежитъ всегда быть въ неизвѣстности и сумнѣніи, вмѣсто того, что трудъ подьятой чрезъ нѣсколько мѣсяцовъ, и снесенной великодушно и безъ ослабѣванія въ изученіи склоненій и спряженій избавитъ впредь отъ всей почти скуки и отвращенія; и сіи первые терны съ начала представляющіися однажды будучи исторгнуты, ничего болѣе не оставятъ, какъ попеченіе, или паче сказать, удовольствіе собирать цвѣты, и питаться пріятнѣйшими плодами. Я покажу въ послѣдствіи сего Сочиненія, какимъ образомъ надлежитъ поступать, дабы обученіе симъ правиламъ происходило съ пользою.

И такъ полагая, что изученіе Латинскаго языка не приличествуетъ вообще дѣвицамъ; къ какимъ дѣламъ мы должны ихъ опредѣлять въ то время, какъ онѣ подра-

драстутъ? Я хочу сіе предложить краткими словами.

§ III. Я предполагаю, что въ предшествующія лѣта онѣ научились уже довольно читать и писать; сія часть воспитанія дѣвицъ весма пренебрегается. Ето стыдно, говоритъ г. Фенелонъ, однакожъ обыкновенно, что мы видимъ женщинъ, которыя разумны и просвѣщенны, но не умѣютъ исправно произносить того, что читаютъ. Онѣ или запинаются или поютъ читая; вмѣсто того, что надлежитъ произносить простымъ и природнымъ, но постояннымъ и одинакимъ голосомъ. Онѣ болѣе еще погрѣшаютъ въ правописаніи. Не должно ставить имъ въ великой порокъ сего незнанія, которое почти общее ихъ полу, и которое, по сей причинѣ, кажется ему не безчестно. Но для чего бы не предупреждать заранѣе сего укоренія, научая ихъ исправно писать. Сіе дѣло не требуетъ великаго

Чтеніе. Писаніе. Ариѳметика.

труда. Легкое познанїе Грамматики Французской, чтобъ можно было раздѣлять различныя части рѣчи, чтобъ умѣть склонять и спрягать, и чтобъ знать разныя манеры разстановительныхъ знаковъ, сїе, говорю я, познанїе составляетъ всю науку, которая нужна дѣвицамъ въ разсужденїи сего пункта. Сїи правила находятся во всѣхъ Французскихъ Грамматикахъ. Искусной учитель здѣлавъ изъ нихъ выборъ, чрезъ краткое время, и чрезъ немногїе уроки приведетъ дѣвушку въ состоянїе писать исправно.

Не худо будетъ малолѣтнымъ дѣвицамъ выучить четыре дѣйствїя Ариѳметики, которыя имъ полезны, или еще нужны будутъ къ отправленїю должностей, о которыхъ я упомяну въ послѣдствїи.

Чтенїе Стихотворцовъ. Музыка. Танцованїе.

§ IV. Чтенїе комедїй и трагедїй, и тѣхъ самыхъ, которыя по видимому не имѣютъ ничего противнаго скромности и добронравїю, мо-

можетъ быть весма опасно сему возрасту. Ибо кромѣ того, что сіе чтеніе провожаетъ почти непремѣнно къ желанію видѣть ихъ представленными отъ Актеровъ, которые ихъ одушевляютъ; живое воображеніе молодыхъ особъ хватается съ жадностію за все то, что льститъ чувствамъ, а что благопріятствуетъ вожделѣнію; а въ Поэзіяхъ сего роду все почти возбуждаетъ оное. Все то, что можетъ здѣлать любовь чувствительною, говоритъ г Фенелонъ, чемъ смягченнѣе и скрытнѣе бываетъ тѣмъ кажется опаснѣе. Двѣ священныя трагедіи Расиновы, Есѳирь и Аѳалія, не имѣютъ сей опасности для дѣвицъ, и потому можно выбранныя изъ нихъ мѣста предложить имъ для чтенія.

Музыка, не иначе какъ и Поэзія, требуетъ великихъ предосторожностей. Мудрѣйшіе законодавцы въ язычничествѣ почитали, что ничего не было пагубнѣе для республи-

ки хорошо управляемой, какъ введеніе въ нее страстной музыки. Христіанскія матери, естьли онѣ хоть не много наставлены, должны понимать, сколь далеко онѣ обязаны простирать свою осторожность въ разсужденіи сего пункта.

Во первыхъ, хотя въ отцовскомъ домѣ, хотя въ монастыряхъ, не должно заставлять тотчасъ дѣвушекъ учиться пѣть и играть на инструментахъ. Опытъ почти всеобщій показываетъ, что обученіе музыки чрезвычайно мысли ихъ развлекаетъ, и вдыхаетъ въ нихъ скуку и отвращеніе отъ всѣхъ другихъ упражненій, которыя однакожъ несказанно нужнѣе и пристойнѣе бываютъ сему возрасту.

Во вторыхъ мать благочестивая не долженствуетъ никогда попускать, чтобъ давали въ руки ея дочери такія піесы музыки, которыя отзываются только зловредными свѣта манерами, и содержатъ

въ

въ себѣ одни Антихристіанскія изрѣченія, въ которыхъ, кажется, что нарочно старались возстановить язычничество со всѣми его богами и богинями; и въ которыхъ, любовь, тщеславіе, мщеніе, словомъ сказать, всѣ страсти царствуютъ, и въ честь поставляются. Не значитъ ли ето явно отзываться отъ обѣщаній данныхъ при крещеніи, чтобъ подтверждать и позволять обыкновеніе, которое столь противно онымъ? Сходноли ето съ разумомъ, чтобъ слова учителя Музыки, которой часто случается не очень набоженъ, имѣли верхъ надъ словами св. отцовъ, которые суть наши учители закону? Не довольнолибъ было * Мотетовъ, изъ которыхъ иные очень изрядны, хоровъ Есѳири и Аѳаліи, и нѣсколькихъ пѣсенъ, которыя можно вы-

 брать

* *Такъ называются духовныя на Латинскомъ языкѣ пѣсни съ Музыкою.*

брать изъ другихъ мѣстъ? А хотя бы и недоставало чего нибудь сему тонкому и субтильному вкусу въ дѣлѣ музыки, однакожъ не надлежитъ ли считать довольнымъ тому вознагражденіемъ сохранность честныхъ нравовъ?

Я не знаю, какимъ образомъ обыкновеніе обучать за великія денги малолѣтныхъ дѣвицъ пѣть и играть на инструментахъ здѣлалось столь общимъ, и почитается нужною частію ихъ воспитанія. Я слышу, что какъ скоро онѣ выходятъ въ свѣтъ, такъ скоро перестаютъ употреблять сіе искуство въ дѣло. Такъ за чемъ же было и полагать на оное въ своей юности столь много времени, которое могло употребиться на полезнѣйшія и не меньше пріятныя искуства, каково на примѣръ есть чертежное, могущее весма служить къ дѣламъ, въ которыхъ женщины по большой части упражняются.

Одну

Одну такъ же изъ надобныхъ частей воспитанія дѣвушекъ составляетъ танцованіе, на которое безъ труда соглашаются истощать много времени и денегъ. Пусть не ожидаютъ того, чтобъ я предпріялъ здѣсь выхвалять или защищать оное. Я только разсмотрю просто и безъ предупрежденія, какою должностію, въ разсужденіи сего пункта обязана мать Христіанская и благоразсудная. Какъ есть ученія опредѣленныя къ просвѣщенію и украшенію разума, такъ есть екзерциціи способствующія къ порядочному сложенію тѣла, которыхъ не должно пренебрегать. Онѣ управляютъ походкою, даютъ вольной и непритворной видъ вдыхаютъ нѣкоторой родъ чесности и пріятности наружной, которой не излишенъ въ общей жизни, и отдаляютъ пороки грубости и невѣжества, которые бываютъ противны, и показываютъ недостатокъ воспитанія.

Но къ сему довольно того, чтобъ научить дѣтей не предаваться непристойному нерадѣнію, которое портитъ и развращаетъ все положеніе тѣла, стоять прямо, ступать одинакимъ и мужественнымъ шагомъ, входить пристойно въ комнату или въ компанію, представать пріятнымъ образомъ, кланяться такъ какъ надлежитъ; словомъ сказать, наблюдать всѣ благопристойности, составляющія часть свѣтской науки, противъ которыхъ не можно безъ того погрѣшить, чтобъ не подвергнуться презрѣнію. Вотъ, мнѣ кажется, все то, къ чему должен, ствуетъ стремиться та екзерциція, о которой я говорю, и я видѣлъ съ радостію славнѣйшихъ танцмейстеровъ, которые заключали себя въ сихъ границахъ, чтобъ удовольствовать желанія набожныхъ матерей, которыя со знатнымъ происхожденіемъ соединяютъ еще большее благочестіе.

Не нужно мнѣ останавливаться здѣсь для показанія, сколь все то, что выходитъ изъ предѣлъ мною теперь означенныхъ, можетъ учиниться опасно для малолѣтныхъ дѣвицъ, и сколь послѣдствія сего пагубны бываютъ. Такая дама, которая хоть мало старается о чести, не была бы довольна, естьлибъ стали много выхвалять ея отмѣнное искуство въ пѣніи или танцованіи. Это есть примѣчаніе, которое учинилъ Саллюстъ, говоря о Семпроніи, госпожѣ знатнаго происхожденія, но развратныхъ нравовъ; *что она пѣла и танцовала съ большимъ искуствомъ и пріятностію, нежели пристойно было честной женщинѣ.* In Bello Catilin.

§ V. Ученіе способнѣйшее къ украшенію разума молодыхъ дѣвицъ, и къ направленію сердца, есть ученіе исторіи. Оно открываетъ имъ пространную матерію, которою онѣ могутъ заняты быть съ пользою Изученіе исторіи

и пріятностію чрезъ многія лѣта. Въ послѣдствіи сего Сочиненія найдутся нѣкоторыя пространнѣйшія разсужденія о томъ, какимъ образомъ надлежитъ вступать въ сіе ученіе.

История священная.

Порядокъ временъ требуетъ, чтобъ начинали священною исторією. Понеже она есть основаніемъ закона, то надлежитъ на ней останавливаться болѣе, нежели на всѣхъ другихъ, и поступать такъ, чтобъ дѣвушка познала ее совершенно. Она весма ей послужитъ во всю ея протчую жизнь, какъ къ разумѣнію публичныхъ наставленій, такъ къ приватному чтенію книгъ благочестивыхъ съ пользою. Ибо въ тѣхъ и въ другихъ предполагается, что слушатель и читатель знаютъ уже дѣла священной исторіи, и по сей причинѣ писатели и проповѣдники довольствуются краткимъ ихъ упоминаніемъ, которое странно

то бываетъ незнающимъ сей исторіи, каковыхъ довольно находится.

Кромѣ сей пользы, которая безъ сумнѣнія непосредственна, но которая касается только до послѣдующихъ лѣтъ, есть еще другая дѣйствительная и настоящая, которая важностію своею первую превосходитъ. Г. Флери, и г. Фенелонъ, оба примѣтили, что св. исторія, не упоминая уже о томъ, что она пріятна бываетъ для красоты и величества приключеній, и что по сей причинѣ сильнѣе привлекаетъ вниманіе юношества, есть надежной и необманчивой способъ къ совершенному выученію закона. Кажется, что сія исторія дѣлаетъ наставленіе продолжительнымъ, но въ самомъ дѣлѣ она его сокращаетъ, и отнимаетъ у него сухость катихизисовъ, въ которыхъ таинства предлагаются безъ дѣйствій. По сему мы видимъ, что св. Августинъ въ превосходномъ сочиненіи, которое называется

вается *способъ обучать простыхъ людей*, предписываетъ тотъ же самой, о которомъ мы говоримъ. Сей способъ не былъ ему одному собственной ниже новаго изобрѣтенія; это былъ общій способъ церкви, которой употреблялся во всѣ времена. Онъ состоялъ въ томъ, чтобъ доказать чрезъ послѣдствіе исторіи, что законъ столько же древенъ, какъ и міръ сей; и чтобъ показать Іисуса Христа ожиданнаго въ ветхомъ завѣтѣ, и І. Христа царствующаго въ новомъ. Это есть самая сила и основаніе Христіанскаго наставленія.

Сіе требуетъ, правда, болѣе времени и раченія, нежели наставленіе, которымъ многіе ограничиваются; но съ другой стороны знаютъ истинно законъ, когда знаютъ сію подробность, вмѣсто того, что когда ее не знаютъ, то объ немъ имѣютъ темныя понятія. И потому время, которое дѣвушки положатъ на изученіе сей исторіи, бу-

будетъ для ихъ время въ пользу употребленное.

Я полагаю, что онѣ имѣютъ уже объ ней краткое понятіе, выучивъ исторической катихизисъ, которой служилъ пріуготовленіемъ къ пространнѣйшему и подробнѣйшему познанію. Онѣ найдутъ оное въ книгѣ надписанной, *сокращеніе исторіи и нравоученія ветхаго завѣта*, и недавно напечатанной, которой были уже четыре изданія. Сія книга весьма угодна для молодыхъ особъ, по тому что она сочинена съ великою ясностію, а часто и тѣмижъ самыми словами, которыя находятся въ писаніи, котораго божественная простота превосходитъ все то, что наука имѣетъ великолѣпнѣйшаго, и наиболѣе блестящаго. Молодѣтная дѣвица будетъ удобно выучивать на всякой день по одной главѣ. А съ начала можно довольствоваться половиною главы; ибо лучше для нее то, чтобъ она хоть мало выучила,

чила, да хорошо знала. Можно притомъ въ опредѣленной какой нибудь день, на примѣръ въ субботу, заставить ее повторить то, что она выучитъ въ недѣлю, и тожъ самое дѣлать въ одинъ день ежемѣсячно. Такимъ образомъ новые уроки не приведутъ въ забвенiе старыхъ Дабы изострить болѣе, и утвердить ея память, не худо, чтобъ она прiучалась вѣрно высказывать исторiю, и такъ какъ она стоитъ въ книгѣ, не требуя однакожъ излишней точности, которая не велитъ ни одного слова перемѣнять; лишъ бы только она поставила на его мѣсто другое, которое бы имѣло тотъ же смыслъ; то симъ надлежитъ довольствоваться. Ибо паче всего должно наблюдать, чтобъ дѣлать ей сiе ученiе прiятнымъ, и отдалять отъ онаго, сколько возможно, всѣ скучныя затрудненiя.

После того, какъ она выскажетъ наизусть свою исторію, надзирательница, или учитель могутъ ей предложить небольшіе вопросы, чтобъ утвердить ея умъ и разсужденіе, чтобъ ее научить говорить и изъясняться, и чтобъ пріучить ее размышлять о томъ, что она читаетъ. И такъ когда увидятъ Іосифа проданнаго его братьями, оклеветаннаго женою, Пентефрія, посаженнаго въ темницу, то обучающіе покажутся въ удивленіе пришедшими, и спросятъ у дѣвушки, такимъ ли образомъ награждаетъ Богъ своихъ вѣрныхъ рабовъ? Она удобно найдетъ, что ей отвѣчать на сей вопросъ. Когда опять они увидятъ тогожъ Іосифа пришедшаго въ славу, то ее попросятъ, чтобъ она разсмотрѣла, какими путями Богъ его довелъ къ оной; и чрезъ сіи самые вопросы ей задаемые помогутъ ей въ примѣчаніи того, что и самыя препятствія, которыя люди хотѣли

ли противуположить его возвышенію, учинились дѣйствительными для его средствами къ достиженію онаго, и что такимъ образомъ обыкновенно поступаетъ Провидѣніе въ разсужденіи людей.

Когда Богъ даетъ законъ свой Израильтянамъ на горѣ Синайской въ среди грома и молніи, и когда минуту спустя сей самой народъ нарушаетъ его въ первой и важнѣйшей изъ десяти заповѣдей, покланяясь златому тельцу; то вопрошаютъ дѣвицу: отъ чего могла родиться столь скорая, столь необычайная, столь общая измѣна; и не недоставало ли чего нибудь у сего народа въ принятіи закона, которое однакожъ кажется довольно почтительно и унизительно, по елику онъ содрогаетъ передъ величествомъ Бога ему говорящаго, и обѣщается безъ всякаго ограничиванія и изключенія хранить ненарушимо все то, что Господь ему прикажетъ.

По малу доведутъ ее къ отвѣту, что погрѣшность народа при его обѣщанiи исполнять совершенно приказанiя Божiя, состояла въ томъ, что онъ полагался единственно на свои собственныя силы въ исполненiи сихъ приказанiй; что онъ не зналъ своей слабости, и своей неспособности ко всякому благу, и что не прибѣгнулъ съ молитвами къ тому, которой одинъ только могъ привесть его въ состоянiе себѣ повиноваться.

Когда дитя не находитъ само собою отвѣтовъ, то ему подаютъ оные, и стараются здѣлать ихъ для его вразумительными чрезъ ясное, и удобопонятное ихъ изтолкованiе. Я всегда желалъ для облегченiя особъ обремененныхъ воспитанiемъ дѣвицъ, да и самыхъ мальчиковъ, что бы можно было найти въ какой нибудь книгѣ такiя разсужденiя во всемъ порядкѣ и готовности. Провидѣнiе подаетъ и сiе нынѣ вспоможенiе юношеству. Сочинитель со-

кращенія исторіи священной, о которомъ я упомянулъ, присовокупилъ къ повѣствованію исторіи, имъ же самимъ дополненному, разсужденія, которыя мнѣ показались весма тверды и способны къ наставленію въ законѣ, не только молодыхъ людей, но и премногихъ другихъ особъ. Учители, или учительницы постараются сперва перенять оныя сами; послѣ чего они будутъ въ состояніи обучать тому же и другихъ, соображая себя съ ихъ силами, и выбирая изъ сихъ разсужденій такія, которыя сходны съ ихъ возрастомъ.

Когда малолѣтныя особы при окончаніи одного, или множайшихъ лѣтъ, знаютъ уже исправно священную исторію, то есть еще одинъ способъ полагать ее опять передъ ихъ глазами, и возвращать въ ихъ память главныя оной приключенія, которой не можетъ не быть имъ весма полезенъ и весма пріятенъ: я его употреблялъ въ дѣло съ ве-

великимъ успѣхомъ, когда я обремененъ былъ правленіемъ одной коллегіи. Я предполагаю, что дѣвушка имѣетъ многихъ подругъ, которыя одному съ нею обучаются; а естьли она ихъ не имѣетъ, томать или надзирательница ихъ мѣсто займетъ. Предлагается какая нибудь матерія, къ которой заставляютъ собирать всѣ примѣры находящіися въ священной исторіи. Всякая особа предлагаетъ примѣръ по своей чередѣ, или попремѣнно, когда онѣ двѣ только случаются; и ето бываетъ немногими и простыми словами, чтобъ показать только дѣло. Я сообщаю здѣсь на то нѣсколько примѣровъ.

§ I. *Упованіе на Бога въ крайнихъ опасностяхъ.*

Авраамъ, готовый потерять своего сына принося его на жертву.

Іаковъ избавившійся отъ гнѣва Лаванова, а потомъ и Исавова.

Моисей заключенной между войскомъ Фараоновымъ и Чермнымъ моремъ.

Гаваониты долженствовавшіе немедлѣнно истребиться, такъ какъ и прочіе народы Ханаанскіе, находятъ средство избѣжать отъ общаго проклятія.

Гедеонъ съ тремя стами человѣкъ выходитъ противъ Мадіанитъ.

Сраженіе Давыда съ Голіафомъ.

Давыдъ чуть непоиманной Сауломъ, которой гнался за нимъ по холму.

Аза осажденной Зарою Царемъ Еѳіопскимъ, которой имѣлъ милліонъ людей.

Елисей заключенный въ городѣ Доѳаимѣ, и гонимый Ахавомъ.

Самарія пришедшая въ крайность, и избавленная отъ погибели.

Упованіе Езекіи осажденнаго въ Іерусалимѣ Сеннахиримомъ.

Сусанна приговоренная на смерть, и веденная на казнь.

Три

Три отрока въ пещи.

Даніилъ во львиной пещерѣ.

Іона брошенный въ море.

Ветилуя приведенная въ крайность и избавленная Юдиѳою.

Жиды осужденные на погибель, и спасенные Есѳирью.

РАЗСУЖДЕНІЯ

о тойже самой матеріи.

Можно иногда заставить малолѣтную особу изъяснять какое нибудь дѣло пространнѣйшимъ расказываніемъ; чрезъ сіе она обучается и навыкаетъ повѣствовать. Но то, что больше еще стоитъ, есть то, чтобъ мѣшать съ повѣствованіемъ дѣлъ нѣкоторыя краткія разсужденія, и естьли можно, велѣть ей самой изыскивать оныя, вопрошая ее такимъ манеромъ, которой бы ей способшествовалъ въ семъ дѣлѣ. Я предложу здѣсь три или четыре

такія разсужденія о помянутой материи.

1. Чемъ большая бываетъ опасность, и чемъ меньше видно помощи отъ стороны людей, тѣмъ крѣпче должно полагаться на покровительство Божіе. Что ясно доказываютъ, избавленіе Давида, когда Саулъ прибывшій почти къ самому краю холма, откуда онъ не могъ уйти, готовъ былъ его схватить; избавленіе городовъ, Самаріи, Іерусалима, Ветилуи, которые всѣ приведены были къ послѣдней крайности, и лишены человѣческаго вспоможенія.

2. Богъ соизволяетъ прославлять свое могущество, и показывать себя въ то время, какъ люди скрываются, дабы избавленіе не могло никому приписано быть, какъ только одному Богу. И ето онъ самъ сказалъ тогда, какъ онъ повелѣлъ Гедеону армію свою составить толь-
Суд VII. 2. ко изъ трехъ сотъ человѣкъ; *да не по-*

похвалится Израиль на мя, глаголя: рука моя спасе мя.

3. То, что привлекаетъ Божїе покровительство, есть совершенное упованїе на его безпредѣльную силу, и на его благость, которая такъ же ничемъ не ограничивается. *Нѣсть Господу неудобно,* говоритъ Іоанаѳанъ, *спасти во многихъ или малыхъ.* Въ томъ же смыслѣ Давидъ говоритъ Голїаѳу: *ты идеши на мя съ мечемъ, копїемъ, и щитомъ, но азъ иду на тя во имя Господа Саваоѳа.* Священное писанїе считаетъ, что оно дѣлаетъ совершенную похвалу благочестивому Царю Іосафату сею одною рѣчью: *на Господа Бога упова.*

1. Цар. XIV. 6.

1. Цар. XVII. 45.

4. Цар. XVIII. 5.

4. Покровительство Божїе, хотя оно не видно, однакожъ не меньше тѣмъ дѣйствительно. Елисей въ то время, какъ Сирская армїя хотѣла осадить его въ Доѳимѣ, видя своего раба пришедшаго въ трепетъ, попросилъ Бога, чтобъ онъ открылъ

4. Цар. VI. 17.

глаза. Онъ увидѣлъ гору покрытую лошадьми и колесницами огненными, которыя были въ кругъ Елисея. Вѣра долженствовала бы производить въ насъ такоежъ дѣйствіе.

§. 2. *Выгоды отъ добрыхъ дружествъ и компаній; опасности отъ злыхъ.*

Лотъ сперва не много вызналъ, сколь драгоцѣнно было сотоварищество Авраама, по тому что онъ отъ него отсталъ.

Онъ подвергнулся большимъ опасностямъ послѣ того, какъ онъ его оставилъ, и поселился въ Содомѣ.

Авраамъ беретъ его изъ рукъ четырехъ побѣдоносныхъ Царей.

Тотъ же самой Лотъ спасся отъ пожару Содомскаго чрезъ покровительство Авраама.

Малое число праведниковъ могло бы спасти Содомъ.

Присутствіе Іосифа совлекаетъ благословеніе Божіе на домъ Пентефрія.

Израиль-

Израильтяне вверженные въ беззаконіе и идолослуженіе компаніею дѣвицъ Моавитскихъ и Мадіанитскихъ.

Благополучіе Руѳы, приставшей къ Ноемію; несчастіе Орфы, ея свояченицы, отлучившейся отъ него.

Сосѣдство Версавіи пагубное для Давида.

Союзъ Давыда и Іонаѳана, образецъ совершеннаго дружества.

Паденіе Соломона, произшедшее отъ злой компаніи съ его женами.

Ровоамъ, погибшій отъ злой компаніи и злыхъ совѣтовъ молодыхъ придворныхъ господъ.

Іезавель ввергаетъ своего мужа Ахава въ крайнія беззаконія.

Знакомство Иліи источникъ благополучій для вдовы въ Сарептѣ такъ, какъ знакомство Елисея для Соманитяныни.

Раба, которая была въ домѣ Неемана, есть причиною тому, что ея господинъ идетъ видѣться съ Пророкомъ Елисеемъ.

Одинъ изъ домашнихъ сего великова господина заставляетъ его своими разумными увѣщаніями исполнить приказаніе пророка.

Мертвецъ воскресшій отъ присутствія тѣла Елисеева.

Кости пророка Веѳильскаго сохраненныя за тѣмъ, что онѣ соединены были съ костьми другова пророка Іудейскаго.

Іоасъ царь Іудейской предохраненной сперва мудрыми совѣтами великаго Архіерея Іоада, а послѣ развращенной ласкательствами придворныхъ.

Сколь полезны были совѣты Исаіи благочестивому царю Езекіи.

Счастливое воспитаніе молодаго Товіи въ честномъ домѣ его родителей. Премногія вспоможенія, которыя онъ получаетъ отъ своего предводителя.

Сей родъ спору можетъ быть весма полезенъ молодымъ особамъ. Онъ ихъ возбуждаетъ, и ободряетъ,

етъ, онъ влагаетъ въ нихъ ревность, дѣлаетъ ихъ внимательнѣе въ ихъ чтеніяхъ, и научаетъ ихъ пользоваться оными. Я знаю одну фамилїю, въ которой часто забавы вечернія проходили въ подобныхъ спорахъ между молодою госпожею дому, и гофмейстеромъ ея брата, которые другъ передъ другомъ столько старались говорить съ своей стороны какое нибудь слово къ стати и не быть безмолвну, что въ то время, какъ вся компанія была въ движеніи, и брала сторону то того, то другой, никто не могъ задремать. Не можнолибъ было установить въ воспитательныхъ домахъ сей замысловатой и пріятной забавы между малолѣтными воспитанницами, и не послужилалибъ она средствомъ обязать ихъ учиться какъ священной, такъ и свѣтской исторіи? ибо онѣ обѣ могутъ войти равнымъ образомъ въ екзерцицію, о которой я говорю.

Сіе

Сїе ученїе священной исторїи долженствуетъ всегда провожаемо быть ученїемъ географїи и хронологїи, которыя надлежитъ сокращать для молодыхъ особъ, дабы не отяготить ихъ памяти.

Какъ скоро попадется имя провинцїи, города, рѣки, горы въ исторїи, которая читается, надлежитъ тотъ часъ показать ихъ на картѣ. Авраамъ, на примѣръ, ѣдетъ изъ Ура города Халдейскаго, останавливается на нѣсколько времени въ Харанѣ, что въ Месопотамїи, прибываетъ въ землю Ханаанскую названную землею обѣтованною; оттуда переходитъ въ Египетъ и проч. Вотъ довольное число различныхъ мѣстъ, которыхъ надлежитъ расказать положенїе. Не надобно скучать о томъ, что Карты святой земли состоятъ на Латинскомъ языкѣ. Имена столькожъ удобно различать на немъ, какъ и на французскомъ. *Samaria*, *Samarie*, *Hierosolyma*,

lyma, Jérusalem. Но дабы помочь молодымъ особамъ находишь безъ трудности города на картѣ, можно здѣлать реестръ по алфавиту всѣхъ упоминаемыхъ въ *сокращеніи исторіи ветхаго завѣта*, которой показывать будетъ колѣно, въ коемъ каждой изъ сихъ городовъ мѣсто имѣетъ.

Я тожъ говорю о хронологіи состоящей въ познаніи времени, въ которое дѣла упоминаемыя въ исторіи приключились. Можетъ также составленъ быть малой реестръ, въ которомъ означатся шесть вѣковъ на которые дѣлится, и въ которыхъ заключается вся священная исторія; при томъ всякой вѣкъ раздѣлится на малое число Епохъ, которыя удобно будетъ содержать въ памяти чрезъ ихъ повтореніе по мѣрѣ углубленія въ исторію. Въ протчемъ довольно для малолѣтныхъ дѣвицъ и того, чтобъ знать, около котораго времени жили извѣстнѣй-

нѣйшія особы, и приключились дѣла достопамятнѣйшія. Надлежитъ остерегаться, чтобъ не обременять ихъ памяти множествомъ чиселъ, которые бы не къ другому чему послужили, какъ къ возмущенію и смятенію оной. Шесть вѣковъ суть неподвижные предѣлы, къ которымъ всѣ другіе относятся; и по сей причинѣ надлежитъ ихъ исправно вытвердить. Когда кто знаетъ, что исходъ изъ Египта приключился по сотвореніи міра въ 2513 мъ году, и что храмъ построенъ былъ Соломономъ въ 2992 мъ году (ето суть числа третьяго и четвертаго вѣку); то удобно расположить произшествія, которыя находятся между двумя. Естли спросятъ, въ которое время жилъ Іисусъ Навинъ, то поелику уже извѣстно, что онъ вступилъ на мѣсто Моисея, и что сей пробылъ сорокъ лѣтъ въ пустынѣ, отвѣчать будутъ, что Іисусъ жилъ около 2550 го-

ду

ду по сотворенiи мiра. Хотя бы сказанное число не доходило до подлиннаго дватцатью или тритцатью лѣтами, однакожъ сего довольно для такого возраста; за тѣмъ, что все то, чего можно тогда требовать, состоитъ въ томъ, чтобъ не впасть въ явныя погрѣшности противувременности, каковабъ была, естлибъ кто поставилъ Авраама прежде потопа, Давыда передъ Моисеемъ, и другiя подобныя ошибки.

Когда малолѣтная дѣвица знаетъ совершенно священную исторiю, то надлежитъ ей дать въ руки свѣтскую, и начать Греческую. Я заключаю подъ симъ именемъ всю исторiю древнюю, которая отдѣляется отъ Римской. Исторiя Греческая.

Однакожъ я ей совѣтую не оставлять со всемъ священной исторiи, которая должна составлять ея ученiе во всю жизнь, но ежедневно читать по частицѣ ея въ сокращенiи до тѣхъ поръ, пока она не будетъ

детъ въ состоянiи приступить къ чтенiю самаго ветхаго завѣта. Читать по одной главѣ исторической въ день не значитъ великаго труда, и не много занимаетъ времени. Это есть, какъ мнѣ кажется, почтенiе, которымъ мы обязаны исторiи мiра, которая одна только находится, и которую сообщилъ намъ духъ Божiй.

Я принялъ старанiе здѣлать удобнѣйшимъ ученiе Греческой исторiи чрезъ сочиненiе, которое я издалъ о сей матерiи. Молодыя особы, которыя не имѣютъ посторонняго вспоможенiя, могутъ удобно безъ него обойтись, примѣчая только все то, что дѣлаютъ другiя, которыя имѣютъ учителя. Не надлежитъ имъ довольствоваться скорымъ чтенiемъ, которое не оставляетъ почти никакихъ слѣдовъ послѣ себя, и которое дѣлаетъ только нѣкоторое удовольствiе любопытству; сей порокъ особливо сроденъ

жен-

женскому полу, которому должно супротивляться заранѣе, а не питать его и укрѣплять въ него предаваясь. Надлежитъ возвращаться и увидѣвъ дѣйствіе съ ряду повторять его съ нова, перечитывать его многократно, останавливаясь на самыхъ лучшихъ мѣстахъ, давать отчетъ самой себѣ съ нѣкоторою строгостію, и естли возможно дѣлать выписку и сокращеніе; я покажу вскорѣ, какимъ образомъ въ семъ дѣлѣ поступать надобно. Премногія дамы жалуются, что онѣ не помнятъ ничего того, что читали. Это происходитъ отъ того, что онѣ не стараются читать такъ какъ надлежало, и что въ своей юности не принимали попеченія о изощреніи ихъ памяти, которая съ природы бываетъ лѣнива и избѣгаетъ труда. Желательно, чтобъ матери, которыя суть первыя учительницы своихъ дочерей, служили имъ вмѣсто ихъ въ семъ ученіи,

упражняясь въ немъ сами, и чтобъ пришли въ состоянїе заставлять ихъ давать себѣ отчетъ въ ономъ.

Многїе съ недавняго времени приняли учителей, которые бъ предводительствовали въ чтенїи исторїи, и получили отъ нихъ довольное вспоможенїе. Малолѣтныя дѣвицы начинаютъ учить ее особенно, и какъ учитель придетъ, то онѣ ему пересказываютъ то, что читали, и что нашли примѣчанїя достойнаго. Сїе принужденїе давать отчетъ другому, а часто и въ присутствїи матери, трогаетъ сильно самолюбїе, и обязываетъ напрягать всѣ свои силы. Трудно человѣку быть собственнымъ своимъ надзирателемъ, а хотя бы кто со многимъ трудомъ и здѣлался такимъ, однакожъ онъ довольно имѣетъ къ себѣ снисхожденїя; мы охотнѣе соглашаемся удовольствовать тѣхъ, которые отправляютъ въ разсужденїи насъ сїе званїе. Учитель здѣсь примѣчаетъ, вѣр-

вѣрноли учинена повѣсть, не опущены ли нужныя обстоятельства, изъяснены ли во всемъ своемъ пространствѣ тѣ, которыя важнѣе всѣхъ другихъ, а особливо, употребленоли вниманіе въ тѣ размышленія, которыя разсыпаны въ сочиненіи, и которыя суть, собственно говоря, главною пользою исторіи, наипаче, что касается до молодыхъ особъ, которыхъ надобно укрѣплять разсужденіе, и которымъ хотятъ вдохнуть вкусъ въ истиннѣ и твердости. Въ семъ намѣреніи учитель предлагаетъ имъ вопросы, испытываетъ ихъ мнѣнія о нѣкоторыхъ дѣйствіяхъ, спрашиваетъ, нѣтъ ли подобныхъ въ другой исторіи, и какъ онѣ думаютъ о великихъ мужахъ, и о ихъ характерѣ. Вотъ, что укрѣпляетъ разумъ.

Одна дѣвушка не болѣе какъ девяти или десяти лѣтъ расказывала мнѣ исторію о Кирѣ, которой не хотѣлъ видѣть молодую Принцессу въ плѣнъ попавшуюся, которой

рой отмѣнную красоту ему выхваляли: а приказалъ только офицеру имѣть объ ней возможное попеченіе, и оказывать ей все почтеніе, какова только требовали ея возрастъ и происхожденіе. Я спросилъ у сей дѣвушки, не видалали она чего ни будь подобнаго въ исторіи. Она непреминула мнѣ упомянуть примѣръ Сципіона Африканскаго, перваго сего имени, которой видѣлъ одну Принцессу въ такомъ же случаѣ, и поступилъ съ нею такъ какъ со своею сестрою. Я пожелалъ знать, что такое она думала о Кирѣ и Сципіонѣ, и кому изъ нихъ давала предпочтеніе въ дѣйствіи почти одинакомъ. *Съ одной стороны*, сказала она мнѣ, *усматривается болѣе силы, а съ другой болѣе благоразумія.*

Когда ученіе окончилось, то молодая особа просматриваетъ то, что ей изъяснено было, и дѣлаетъ изъ сего выписку, которую она показываетъ послѣ учителю своему. Онъ по-

поправляетъ то, что въ ней не исправно, въ разсужденіи какъ мыслей, такъ и выраженій: присовокупляетъ то, чего недостаетъ въ повѣсти, выкидываетъ, что въ ней излишно: показываетъ погрѣшности касающіяся до языка и правописанія. Я ничего не нахожу, что бы могло быть полезнѣе молодымъ особамъ, какъ сей родъ екзерциціи. Я видѣлъ, что многія изъ нихъ составляли свои выписки съ великою исправностію и точностію. Никто вдругъ не достигаетъ до сего совершенства, но по малу до его доходятъ. Упражненіе и трудъ провожаемы всегда бываютъ въ семъ случаѣ счастливымъ успѣхомъ.

Одинъ учитель, которой обучалъ дѣвицъ исторіи, дабы ихъ научить дѣлать сіи выписки такъ какъ надлежало, давалъ имъ образецъ, которой я считаю себя обязаннымъ здѣсь помѣстить. Три находится способа дѣлать сіи выписки; одинъ

 про-

пространнѣйшій, которой онъ называетъ *сокращеніемъ*; другой кратчайшій, которой онъ именуетъ *расположеніемъ*, наконецъ третій, которой не иное что есть какъ *оглавленіе*, или *содержаніе*, и которой заключаетъ въ себѣ кратко главныя приключенія исторіи.

СОКРАЩЕНІЕ

одной частицы исторіи Кировой, которая находится въ началѣ четвертой книги древней исторіи.

Киръ, сынъ Камвиза, Царя Персидскаго, и Манданы, дочери Астіага, Царя Мидійскаго, воспитанъ былъ по законамъ своего народа, которые тогда были превосходны. Общенародное добро было основаніемъ и мѣтою всѣхъ сихъ законовъ. Воспитаніе юношества почиталось нужнѣйшимъ пунктомъ правленія. Государство на себя оное принимало, и отроки посылались въ школы, для обученія не столько наукамъ, сколь-

ко справедливости. Беззаконіе, которое въ нихъ наказывалось строжайшимъ образомъ было неблагодарность; но большее стараніе принималось о томъ, чтобъ предупреждать погрѣшенія добрымъ воспитаніемъ, нежели чтобъ ихъ пресѣкать наказаніемъ. Для всего были тамъ особливыя установленія въ разсужденіи молодыхъ людей; для екзерцицій, кушаньевъ, наказаній. Жизнь безпрестанно занятая, соединясь съ умѣренною пищею, подавала имъ такое здравіе, которое могло сносить въ послѣдствіи жесточайшія отягощенія. Дѣти были въ отроческомъ классѣ до шестнатцати или семнатцати лѣтъ. Оттуда переходили въ классъ юношей, въ которомъ они строжае содержались, и жили десять лѣтъ. Третій былъ для взрослыхъ людей. Пробывъ здѣсь дватцать пять лѣтъ, они вступали въ послѣдній, откуда брали мудрѣйшихъ людей въ со-

вѣтъ государственной, и въ судейскія общества, такъ какъ изъ третьяго брали въ офицеры армейскіе.

Киръ будучи двенатцати лѣтъ поѣхалъ съ Манданою къ Астіагу своему дѣду, которой желалъ страстно его видѣть. Нравы Мидянъ были со всемъ отмѣнны отъ Персидскихъ. Киръ ни мало не ослѣпясь пустымъ блескомъ двора Астіагова, и ничего не охуждая, умѣлъ сохранить правила, и наставленія, которыя онъ принялъ въ самой его юности, и привлечь къ себѣ сердца всѣхъ людей.

Въ одномъ богатомъ пиру, которой дѣдъ его приготовилъ нарочно для него, и въ которомъ ничего не было опущено, онъ смотрѣлъ на сіе великолѣпіе очень холоднымъ окомъ. Когда Царь показался симъ въ удивленіе приведенъ, то молодой Принцъ ему сказалъ, что въ его землѣ для укрощенія голоду употребляли удобнѣйшее и кратчай-

чайшее средство; и что не много хлѣба, воды, и кресъ салату для сего довольно было. Онъ раздѣлилъ, съ позволенїемъ Астїага, всѣ кушанья различнымъ двора оффицїантамъ; но миновалъ нарочно Сака, обермуншенка, за тѣмъ что сей имѣя кромѣ того должность вводить въ покои Царя тѣхъ, коимъ давалась аудїенцїя, не допускалъ Кира вступать туда столь часто, какъ ему хотѣлось. Астїагъ былъ не доволенъ тѣмъ, что его внукъ учинилъ сїю обиду такому его оффицїанту, котораго онъ особливо жаловалъ за его искуство, съ которымъ онъ наливалъ ему пить. Какъ, любезной дѣдушка, сказалъ Киръ, не ужели, сего только довольно къ снисканїю вашей милости? такъ она ко мнѣ принадлежитъ. Я похвалюсь, что я вамъ лучше его въ семъ услужу. Его тотчасъ убрали такъ какъ муншенка. Онъ подходитъ важно, и держа чашу, подаетъ ее съ удиви-

вительною пріятностію и искуствомъ. По томъ бросившись на шею къ своему дѣду, о *Сакъ*, вскричалъ онъ, *бѣдной Сакъ*, *пропалъ ты теперь*; *я возму на себя твою должность.* Вы позабыли здѣлать опытъ, и надпить вино, сказалъ ему Царь. Любезной дѣдушка, отвѣчалъ онъ, я того не позабылъ; но боялся быть зараженнымъ. Ибо въ другомъ пиру, я примѣтилъ, что послѣ питія сей влажности голова закружилась у всѣхъ гостей. Какъ, сказалъ Астіагъ, не случается ли тожъ самое у вашего отца? Никогда, отвѣчалъ Киръ. Все что случается, есть то, что послѣ питія не бываетъ болѣе жажды.

Не можно надивиться искуству Ксенофонта историка, которой употребляетъ сію разумную околичность, чтобъ дать государямъ превосходное наставленіе въ трезвенности.

Когда Мандана возвратилась въ Персію, то Киръ остался еще въ Ми-

Мидіи по принужденію своего дѣда, и употребилъ въ пользу сію отсрочку, научась садиться на лошадь и ею править, которая екзерциція не извѣстна была до того времени въ Персіи. Онъ къ себѣ привлекъ отъ всѣхъ любовь и почтеніе. Будучи пріятенъ, ласковъ, услужливъ, щедръ, онъ исходатайствовалъ другимъ милости у государя, и дѣлался охотно для ихъ посредственникомъ. Онъ былъ на шестнатцатомъ году тогда, какъ онъ вступилъ въ изученіе науки военной подъ управленіемъ Астіага, при случаѣ малаго набѣгу Вавилонскаго царевича въ земли Мидійскія. Годъ одинъ спустя Камвизъ его возвратилъ, дабы онъ окончилъ свое время въ Персидскихъ школахъ. Онъ немедлѣнно поѣхалъ къ сожалѣнію всего двора. Какъ скоро онъ прибылъ въ Персію, то привелъ въ изумленіе своихъ прежнихъ товарищей, которые по его долговременномъ жительствѣ въ роскошномъ

номъ дворѣ, увидѣли его трезвеннѣе и воздержнѣе, нежели они были. Изъ классу отроковъ онъ перешолъ въ классъ юношей , въ которомъ не имѣлъ никого себѣ равнаго въ проворствѣ, терпѣніи, послушности ; а десять лѣтъ спустя онъ вступилъ въ классъ мужей.

По смерти Астіага, сынъ его Ціаксаръ, братъ Манданы, и слѣдовательно дядя Кировъ, вступилъ на его мѣсто. Опасная война, которую онъ долженствовалъ имѣть съ Вавилонянами, принудила его призвать своего племянника со вспомогательными войсками. Камвизъ послалъ его съ арміею состоявшею изъ тритцати тысячь человѣкъ пѣхоты, которые были подъ командою тысячи офицеровъ выбранныхъ изъ всего шляхетства. Молодой Киръ сказалъ симъ офицерамъ рѣчь, которая могла совершенно ихъ обнадежить счастливымъ

успѣ-

успѣхомъ. Онъ не позабылъ имъ представить справедливость дѣла, которое они шли защищать, и ихъ увѣрилъ, что онъ вопросилъ и призвалъ въ помощъ боговъ прежде, нежели онъ предпрiялъ оное; что онъ учинилъ еще при вступленiи въ походъ. Онъ имѣлъ сiю набожную мысль отъ своего отца, которой ему внушалъ ее часто, и которой провожая своего сына до предѣлъ своихъ областей, далъ ему въ пути изрядныя наставленiя о должностяхъ армейскаго Генерала. Онъ ему показалъ, что его учители, отъ которыхъ онъ думалъ, что онъ всего научился, опустили нужнѣйшiе пункты науки военной, и между прочими искуство привлекать къ себѣ сердца тѣхъ, которые въ командѣ находятся, и заслуживать ихъ самоизвольное повиновенiе. Секретъ сего искуства, по мнѣнiю сего разумнаго политика, состоитъ въ увѣренiи своихъ подчиненныхъ,

что

что командиръ знаетъ больше, нежели они сами, то, что имъ полезно, а они въ томъ удобно увѣряются, когда онъ дѣйствительно искуснѣе ихъ бываетъ. Но онъ такимъ дѣлается чрезъ приложенiе раченiя къ своей должности, чрезъ примѣчанiе, совѣтыванiе, чрезъ употребленiе всего нужнаго въ дѣло, а особливо чрезъ прошенiе помощи у боговъ.

Киръ прибывъ къ Цiаксару навѣдался о числѣ и качествѣ войскъ обѣихъ сторонъ. Мидяне и Персы соединясь въ мѣстѣ, понеже не составляли и половины того, что имѣли Вавилоняне, то Киръ помогъ сему скучному неравенству, перемѣнивъ оружiе Персовъ, которымъ они сражались только издалека, въ которомъ сраженiи великое число имѣетъ выгоду, и давъ имъ вмѣсто того такое, которое способно было къ сраженiю вблизи. Онъ установилъ удивительной порядокъ въ вой-

войскахЪ, и вселилЪ вЪ нихЪ ревность наградженіями, которыя онЪ имЪ предложилЪ. ОнЪ почиталЪ деньги для того единственно, что онЪ могЪ ихЪ раздавать. Его щедрости, честныя поступки и милость, которую онЪ всякому показывалЪ, привлекали кЪ нему солдатЪ не иначе какЪ и офицеровЪ.

ВЪ одинЪ день, какЪ онЪ пересматривалЪ свою армію, ЦіаксарЪ послалЪ его увѣдомить, что послы Царя Индѣйскаго пріѣхали, и просилЪ его, чтобЪ онЪ прибылЪ кЪ нему немедлѣнно, надѣвЪ великолѣпное платье, которое онЪ кЪ нему послалЪ. ОнЪ тотчасЪ отправился и предсталЪ передЪ ЦаремЪ весь вЪ пыли и вЪ поту, считая, что онЪ больше ему чести дѣлалЪ симЪ поспѣшнымЪ исполненіемЪ его приказаній, нежели драгоцѣннымЪ одѣяніемЪ. Сіи послы пришли сЪ тѣмЪ, чтобЪ увѣдомиться о причинахЪ войны, и имѣли повелѣніе предложить

та-

такой же вопросъ Вавилонянамъ, дабы послѣ сего ихъ Государь взять могъ ту сторону, на которой онъ усмотритъ болѣе причинъ и справедливости. Сколь благородно, сколь славно такое употребленіе великомочія! Ціаксаръ и Киръ отвѣчали, не подали никакой причины жаловаться ихъ нападчикамъ, и готовы были принять съ радостію Царя Индѣйскаго ихъ судьею и посрествеником ъ.

Арменской Царь, Кліентъ Миданъ, не пропустилъ сего случая отказаться отъ повиновенія, которымъ онъ имъ былъ обязанъ. Киръ принялъ на себя сіе дѣло, чтобъ привесть его опять къ должности. Для сего онъ поѣхалъ на охоту въ его земли со многолюдною свитою, что ему было обыкновенно, и приказалъ за нимъ слѣдовать издалека отборной части войска. Будучи въ нѣкоторомъ разстояніи отъ замка, въ которомъ былъ дворъ Армен-

Арменской, онъ занялъ прерывистой и неудобовсходимой бугоръ, велѣлъ приближиться своимъ воинамъ, и послалъ принуждать Царя заплатить обыкновенную дань. Сей приведенъ будучи въ смущенїе такимъ нападенїемъ, ушолъ съ небольшою свитою на одинъ холмъ, гдѣ онъ былъ окруженъ непрїятелемъ, и взятъ въ плѣнъ. Принцессы бѣгучи къ горамъ попались въ засаду, и приведены были въ лагерь. Между тѣмъ прибылъ Тигранъ, старшїй царя сынъ, которой возвратился изъ поѣзду, и недавно женился. Киръ въ его присутствїи, вопросилъ его отца о членахъ союза, которой онъ учинилъ съ Астїагомъ, и о нарушенїи сихъ членовъ, изъ которыхъ въ каждомъ онъ принудилъ его признать свою невѣрность. Потомъ онъ у него спрашивалъ, со многократнымъ прїемомъ, какъ бы онъ поступилъ съ такимъ человѣкомъ, которой бы передъ нимъ подобно провинился.

Когда Царь отвѣчалъ такимъ образомъ, что онъ осудилъ самъ себя на смерть, то сынъ его Тигранъ разодралъ свое платье съ досады, и дамы, которыя тутъ же присутствовали, подняли крикъ и стонъ ужасной. Послѣ того, какъ Киръ приказалъ имъ молчать, Тигранъ разумно ему представилъ, что его собственная польза повелѣвала ему простить его отца, что етотъ день учинитъ его Кліента тѣмъ вѣрнѣе въ храненіи союзовъ, что онъ узналъ своимъ опытомъ, чего иму стоило нарушеніе оныхъ; и тѣмъ охотнѣе къ его услугамъ, что зрѣніе на бѣдствія къ нему приближающіяся учинитъ его благоразумнымъ: кромѣ того что благодарность, которую онъ будетъ имѣть за возвращеніе свободы и жизни какъ ему, такъ и его фамиліи, ежели онъ дастъ имъ оныя, здѣлаетъ его совершенно, и на всегда ему преданнымъ: Киръ обращая рѣчь къ Царю самому, ежели

ежели я склонюсь, сказалъ ему, на прошенія вашего сына, что вы мнѣ дадите? мои войска и сокровища не въ моей уже находятся власти, отвѣчалъ Армянинъ; вы можете ими располагать, какъ вамъ угодно. Тогда зговоренось было о томъ, что онъ долженствовалъ съ своей стороны дать на войну противъ Вавилонянъ. По томъ когда Киръ продолжалъ вопрошать его о томъ, что онъ дастъ за возвращеніе его жены и дѣтей, то царь признался, что онъ ему долженъ былъ въ двое больше того, что онъ имѣлъ. Тигранъ съ своей стороны изъяснился, что онъ бы далъ тысячу жизней, естлибъ только имѣлъ, на искупленіе молодой его супруги. Киръ представилъ всѣмъ имъ ужину, и обнявъ послѣ того отпустилъ ихъ исполненныхъ какъ благодарности, такъ и удивленія. Во время ихъ возвращенія когда всякой выхвалять старался милость, величественность,

высокой ростъ, и красоту Кира, Тигранъ спросилъ у своей супруги, что такое она объ немъ думала! Она отвѣчала, что на него не смотрѣла. Такъ на ковожъ вы смотрѣли? *На тово*, сказала она, *которой говорилъ, что онъ далъ бы тысячу жизней для искупленія моей* На другой день Царь Арменской послалъ подарки, припасы, и сумму денегъ въ двое больше, нежели онъ дать долженствовалъ? Киръ взялъ только то, чего онъ просилъ, и спустя три дни Тигранъ привелъ корпусъ войскъ, которымъ онъ пожелалъ самъ командовать. Онъ имѣлъ превосходнова Гофмейстера, которому Киръ отмѣнное оказывалъ почтеніе; и какъ сей спросилъ его объ немъ, то онъ ему расказалъ плачевной его конецъ.

РАСПОЛОЖЕНІЕ
той же частицы исторіи.

Сочинитель сей исторіи, послѣ описанія Кира, объявляетъ подробно

но о превосходномъ воспитанїи, которое было у Персовъ въ сїе время. Онъ описываетъ четыре класса, чрезъ которые дѣти по порядку проходили, и время пребыванїя ихъ въ каждомъ. Онъ раскazываетъ путешествїе, которое Киръ учинилъ въ Мидїю будучи двенатцати лѣтъ; его поступки во дворѣ Астїага своего дѣда; средство, которое тщетно употребилъ сей государь, чтобъ вывесть у него изъ памяти Персїю; наставленїе въ трезвенности, которое онъ получилъ отъ своего внука; пребыванїе Кира въ Мидїи продолжившееся по отъѣздѣ Манданы его матери: пользу которую онъ отъ того получилъ, его изученїе науки военной въ малой сшибкѣ съ Вавилонянами: возвращенїе его въ Персїю на семнатцатомъ году возраста: преимущество, которое онъ имѣлъ передъ его сверстниками, и товарищами во всѣхъ екзерцицїяхъ.

По томъ сочинитель приступаетъ къ первому походу Кира, которой дѣлалъ вспоможенїе Цїаксару своему дядѣ, сыну и преемнику Астїага, на войнѣ, которой слѣдствїя были опасны. Онъ предлагаетъ сокращенно разумныя наставленїя, которыя Камвизъ далъ своему сыну, провожая его до самыхъ предѣлъ своего Царства, и рѣчь, которую молодой государь говорилъ главнымъ своей армїи офицерамъ. Киръ прибывъ въ Мидїю доказываетъ свое искуство тѣмъ, что онъ находитъ средство пособить неравенству силъ Цїаксара съ силами Вавилонянъ. Онъ установляетъ порядокъ и вселяетъ ревность въ своихъ войскахъ: привлекаетъ къ себѣ сердца всѣхъ подчиненныхъ. Въ семъ мѣстѣ упоминается о послахъ Индѣйскихъ, которыхъ дѣло означало благоразумїе царя ихъ обладателя, и при коихъ прибытїи Киръ показалъ силу своего разсужденїя. Послѣ сего слѣдуетъ произшествїе

бунту

бунту Царя Арменскаго, Клїента Мидянъ, при случаѣ котораго тотъ же Киръ вывелъ наружу всѣ свои изрядныя качества: 1) Нападая нечаянно на Армянъ, которыхъ онъ обращаетъ въ бѣгъ, 2) принуждая отдаться въ свою власть Царя, и весь его дворъ, 3) извлекая изъ устъ сево государя его собственное осужденїе, 4) склоняя его обѣщаться безъ всякаго насилїя учинить вспоможенїе золотомъ и серебромъ, 5.) на конецъ отпуская его со всею его фамилїею на волю, что исполнило всѣхъ ихъ радостїю, и произвело въ нихъ благодарность и удивленїе.

СОДЕРЖАНІЕ

той же частицы исторїи.

Рожденїе и описанїе Кира. Воспитанїе Персовъ: перемѣнные классы, екзерцицїи, и продолженїе ихъ. Путешествїе Кира въ Мидїю: его по-

поведенїе во дворѢ Астїага: богатой пирЪ тщетно представленной для его прельщенїя: ребячье остроумїе со стороны Кира. ОнЪ живетЪ болѢе году вЪ Мидїи поотЪѢздѢ Манданы; учится Ѣздить на лошади; приходитЪ вЪ любовь ко всѢмЪ людямЪ; идетЪ воевать противЪ ВавилонянЪ. ОнЪ призывается вЪ Персїю, гдѢ оканчиваетЪ свои екзерцицїи. Новое путешествїе вЪ Мидїю, по смерти Астїага, для учиненїя помощи Цїаксару его дядѢ; наставленїя, которыя онЪ принимаетЪ отЪ отца своего Камвиза: рѢчь, которую говоритЪ офицерамЪ; средство, которымЪ пособилЪ неравенству силЪ двухЪ армїй; порядокЪ имЪ уставленной; ревность, которую онЪ вЪ воинахЪ производитЪ; посольство ИндѢйцовЪ; бунтЪ АрмянЪ: плѢненїе ихЪ Царя со всею его фамилїею: похвальная поступка Кира вЪ семЪ случаѢ: вы-

год-

годности отъ того ему произшедшія.

Сокращеніе представляетъ не больше какъ четвертую часть того, что содержитъ сія частица исторіи въ своей полности, *расположеніе* восмую часть; *содержаніе* шеснатцатую.

Изъ сихъ трoякаго роду выписокъ первая дѣйствительно весма служитъ къ изощренію и твердости разума; но поелику ето многаго бы стоило времени, естлибъ кто пожелалъ выписывать такимъ образомъ всю исторію, то можно сію выписку оставить для нѣкоторыхъ отборныхъ мѣстъ, и довольствоваться которою нибудь изъ двухъ послѣднихъ въ разсужденіи повседневнаго труда.

Такая екзерцицїя можетъ быть полезна, болѣе еще для мальчиковъ, нежели для дѣвушекъ, къ какому бы званію они назначены ни были; она ихъ научитъ выписывать изъ

книги, или изъ какова нибудь разсужденія то, что въ нихъ находится нужнаго, и существенно принадлежащаго до матеріи, о которой разсуждаютъ, и приводить сіе въ настоящую мѣру, которая можетъ представить предъ глаза всѣ оной части и доказательства. Ето есть то, что дѣлаютъ ежедневно секретари, чтобъ дать судьямъ понятіе о дѣлѣ, съ которымъ соединены безчисленныя послучайности и произшествія, которыхъ смѣсь они должны разбирать, не упуская ничего нужнаго полезнаго. Комендантъ, или Генералъ армейской, обязанной давать отчетъ Министру, или самому государю въ осадѣ или въ дѣйствіи военномъ, составлять меморіалъ, сообщать проектъ, не обязанъ ли все сіе сокращать иногда больше, иногда меньше смотря по различнымъ обстоятельствамъ? Выписки, о которыхъ мы говоримъ, естли только онъ въ нихъ екзерцитовался заба-

благовременно, будутъ ему тогда служить немалымъ вспоможенiемъ. Чтожъ касается до дѣвицъ, то сiи выписки подадутъ имъ правильность, совершенство, и удобность въ писанiи, что не должно щитать для ихъ излишнимъ, хотя ето и не есть изъ числа неотмѣнно нужныхъ вещей. Онѣ чрезъ то придутъ въ состоянiе давать отчетъ въ проповѣди, пересказывать ея расположенiе и послѣдствiе, и вычислять различныя, на которыхъ она основывается, доказательства: онѣ навыкнутъ располагать все то, что читаютъ, подъ нѣкоторыми главами, которыя утвердятъ ихъ память, и здѣлаютъ ихъ чтенiя не столь забвенiю подверженными. Не худо такъ же будетъ въ послѣдствiи заставить ихъ иногда трудиться надъ подобными выписками умственныхъ матерiй, которыя требуютъ продолжительнѣйшаго вниканiя, подаютъ нѣкоторую исправ-

исправность разуму, и прїучаютъ молодыхъ особъ не довольствоваться словами, но искать причинъ, и чуствовать ихъ какъ силу такъ и слабость.

Римская исторїя.

За Греческою исторїею послѣдуетъ Римская, которая всѣхъ изобильнѣе важными приключенїями и примѣрами. Исторїя Лаврента Ехарда Агличанина, переведенная на нашъ языкъ, которая распространяется отъ основанїя Рима даже до перенесенїя Имперїи Константиномъ, будетъ великимъ вспоможенїемъ, для молодыхъ особъ. Желательно, чтобъ она была попространнѣе; но въ томъ, что содержитъ, она весма прїятна, и не имѣетъ пороку обыкновеннаго *сокращенїямъ*, скучной, то есть, сухости, которая не трогаетъ читателя, и его отягощаетъ смятнымъ собранїемъ дѣлъ соплетенныхъ безъ всякаго объяснения и открытїя. *Перемѣны Римской республики* г. Вертота, и исто-

исторію Тріумвирскаго правленія надлежитъ читать со тщаніемъ. Дѣвушки, которыя почувствуютъ болѣе вкусу и отважности, могутъ предпринять чтеніе Тита Ливія и Саллюста въ переводахъ, которые мы имѣемъ *.

Но то, что заслуживаетъ особливо всякое вниманіе, какое только онѣ имѣть могутъ, суть превосходныя разсужденія г. Боссюета, Епископа Мелденскаго, въ его всеобщей Исторіи, котораго сочиненія не можно начитаться, и которому не льзя достойной положить цѣны.

Исторія Французская.

Послѣ того какъ онѣ переймутъ всю сію связь древней исторіи, то натуральной порядокъ приведетъ ихъ

*) *Г. Ролленъ, упоминая о всѣхъ сихъ сочиненіяхъ, не думалъ того, что онъ самъ издастъ исторію Римскую, которая заключитъ въ себѣ все то, что есть самаго лучшаго въ достовѣрнѣйшихъ писателяхъ*

ихъ къ исторіи ихъ отечества, которая до ихъ касается болѣе, нежели исторіи Грековъ и Римлянъ, и которой стыдно не знать всякому честному Французу.

Сіе изученіе исторіи не столько требуетъ времени и труда, какъ о томъ думать могутъ. Я вижу, что молодыя дѣвицы показываютъ въ томъ чрезъ одинъ или два года такіе успѣхи, которые меня удивляютъ, и причиняютъ мнѣ истинную радость. Какой помощи не могутъ имъ подать сіи познанія тогда, какъ онѣ покажутся въ свѣтѣ? Сколько послужатъ къ тому, чтобъ твердое имѣть упражненіе, и чтобъ не быть обязанными дѣлать скучныя часто посѣщенія, вдаваться въ холодные или маловажные разговоры, въ пустыя забавы, которыя становятся нужными за недостаткомъ лучшихъ упражненій! Я предполагаю здѣсь двухъ сортовъ компаніи. Въ одной

обы-

собираются обыкновенно, чтобъ играть два или три часа, и болѣе; гдѣ все вниманіе къ игрѣ употребляется такъ, что разговоръ мало тутъ мѣста имѣетъ. Въ другой собираются дамы на столькожъ времени; но онѣ упражняются въ рукодѣліи, между тѣмъ какъ одна изъ нихъ, каждая по своей чередѣ, отправляетъ увеселительное и пріятное чтеніе, которое даетъ случай разсужденіямъ о читаемомъ сочиненіи, о которомъ сообщаются мнѣнія съ воздержностію и умѣренностію пристойною ихъ полу. Я знаю, что есть такія содружества. Но я вопрошаю, съ которой стороны стоитъ здравой разумъ, твердой разсудокъ, исправной вкусъ, надлежащее употребленіе времени, истинное и безпритворное веселіе, безъ примѣсу скуки, досады и раскаянія?

§. VI. Не нужно мнѣ здѣсь пространно изъясняться о выгодностяхъ рукодѣлія, въ разсужденіи женскаго полу. Рукодѣліе.

полу. Сїе упражненїе стало очень обыкновенно у нашихъ женщинъ, и оно не можетъ не приносить имъ чести. Въ сїи отдаленные вѣки, которые отзывались счастливою простотою мїра бывшаго еще въ своей юности, почтеннѣйшїя дамы упражнялись въ тягостныхъ трудахъ, которые бы намъ теперь показались подлы и презрительны. Сарра, которая жила въ богатомъ и изобильномъ домѣ, и окружаема была множествомъ домашнихъ, изготовляла своими руками кушанье для гостей. Часто видали, что Ревекка и Рахиль, въ нѣжномъ еще возрастѣ, возвращались отъ источниковъ обременивъ свои плечи тяжкими сосудами водою наполненными. У Алцинοя, Царя Феакскаго, которой страннопрїимствовалъ съ великолѣпїемъ Царя поистиннѣ достойнымъ, молодая Принцесса Навзика, его дочь, не стыдилась сама ходить на рѣку бѣлье мыть. Женской полъ сохранилъ

нилъ сїе похвальное обыкновенїе трудиться своими руками во всѣ времена и во всѣхъ странахъ. Исторїя показываетъ, что Александръ, славнѣйшїй изъ всѣхъ завоевателей, и Императоръ Августъ, обладатель свѣта, носили одежды здѣланныя ихъ матерьми, супругами или сестрами. Христїанство можетъ намъ представить образцы не меньше знатные. Важность вся въ томъ состоитъ, чтобъ сей трудъ употреблялся не на бездѣлицу, но на дѣла полезныя. Многїя видны дамы, которыя дѣлаютъ для себя уборы домашнїе, всѣ или нѣкоторую ихъ часть; что имѣетъ свою похвалу и достоинство. Другїя ставятъ въ славу изготовлять украшенїя для бѣдныхъ сельскихъ церквей. Иныя еще превышаютъ благочестїе сихъ послѣднихъ, и вмѣняютъ себѣ въ честь одѣвать и украшать живые храмы Господа, скраивая и сшивая рубашки для

 нищихъ.

нищихЪ. Какое награжденіе и какая радость для ихЪ будетЪ тогда, какЪ онѣ услышатЪ со временемЪ Іисуса Христа самаго вѣщающаго имЪ сіи утѣшительныя слова: *пріидите благословенніи отца моего, наслѣдуйте уготованное вамЪ царство, отЪ сложенія міра. НагЪ бѣ и одѣясте мя?* Сколь счастливы дѣвицы, которымЪ матери вдыхаютЪ заблаговременно, своимЪ примѣромЪ больше еще, нежели своими рѣчьми, желаніе освящать ихЪ руки столь благочестивыми трудами!

Изученіе того, что касается до попеченій домашнихЪ, и до внутренняго правленія дому.

§ VII. Я разумѣю чрезЪ домашнія попеченія все то, что принадлежитЪ до внутренняго правленія дому, и что касается до росходовЪ на платье, на екипажи, на приборы, на столЪ, на воспитаніе и содержаніе дѣтей, на мзду и пищу домашнихЪ. ВотЪ, собственно говоря, знаніе женщинЪ: вотЪ упражненіе, которое Провидѣніе имЪ назначило, такЪ какЪ главное ихЪ дѣло,

и

и къ которому оно имъ сообщило больше дарованія нежели мущинамъ; вотъ что ихъ дѣлаетъ истинно достойными почтенія и похвалы, когда только онѣ бываютъ столь счастливы, что исполняютъ всѣ сіи должности. Между тѣмъ, какъ ихъ мужья заняты бываютъ на сторонѣ различными дѣлами, которыя имъ ввѣрены, самая справедливость и разсудокъ требуютъ, чтобъ онѣ облегчали ихъ отъ сихъ маловажныхъ попеченій, и отъ сей мѣлкой суеты, кои бы отняли у нихъ время, которое они могутъ употребить съ большею пользою на общее добро, и на услуги государству. Сей домашній трудъ составляетъ часть помощи, которую Богъ хотѣлъ здѣлать человѣку, давъ ему подругу: *не добро быти человѣку единому, сотворимъ помощницу ему подобную.* Быт. II. 18.

И такъ ежели я оставилъ сей членъ наконецъ, то сіе здѣлалъ

же для того, чтобЪ я его почиталЪ маловажнѣе протчихЪ. На противЪ того я объявляю, что по законѣ онЪ мнѣ кажется самой важнѣйшій. Женщина можетЪ не очень искусна быть во всемЪ протчемЪ, и не смотря на то считаться превосходною хозяйкою; но она не можетЪ не знать или пренебрегать должностей, о коихЪ я говорю, безЪ нарушенія одного изЪ нужнѣйшихЪ обязательствЪ. Остроуміе и знаніе не прикрываютЪ такова недостатка, и не только не служатЪ кЪ похвалѣ женскаго полу, но и еще приносятЪ ему безчестіе.

Матери должны понимать изЪ сказаннаго мною, сколько онѣ обязаны пріучать заранѣе своихЪ дочерей кЪ симЪ домашнимЪ попеченіямЪ. Онѣ однѣ только могутЪ здѣсь занять мѣсто учительницЪ; онѣ однѣ могутЪ дать имЪ о семЪ пунктѣ надобныя наставленія.

Послѣ того, какЪ ихЪ научатЪ изЪ Ариѳметики тому, что ходству-

ствуетъ съ ихъ возрастомъ и ихъ поломъ, и что немногимъ ограничивается, а имянно, тѣмъ, чтобъ показать имъ два перьвыя правила, и дать легкое понятіе о двухъ послѣднихъ; послѣ, говорю я, сего надлежитъ ихъ привесть немедлѣнно къ самому дѣлу, заставить ихъ самихъ составлять записки, и дѣлать счеты. Умная мать приводитъ ихъ по степенямъ къ симъ различнымъ ексерцицїямъ, и для сего входитъ съ ними въ крайнюю подробность. Она показываетъ имъ цѣну и качество полотенъ, бѣлья, шолковыхъ матерїй, посуды, и всѣхъ протчихъ домашнихъ приборовъ. Когда она что нибудь покупаетъ, то возитъ ихъ съ собою къ купцамъ. Она объявляетъ имъ времена, въ которыя надлежитъ дѣлать запасы, и научаетъ ихъ какимъ образомъ должно изготовлять пиръ; что употребляется обыкновенно во всякую пору; и по чему покупается все

 то,

то, что принадлежитъ къ убору замка, дому, покоевъ. Она входитъ съ ними въ познаніе того, что надлежитъ дѣлать въ разсужденіи вотчинъ, которыя составляютъ важнѣйшее добро великихъ домовъ, и имъ показываетъ, что требуется къ тому, чтобъ земли содержать въ добромъ состояніи, чтобъ недопускать до ихъ поврежденія, и, естли можно, чтобъ удобрять оныя.

Она особливое имѣетъ попеченіе вдохнуть въ молодую дѣвицу опредѣленную жить въ свѣтѣ, основанія благоразсудной и умѣренной економіи, которая удаляется отъ гнусной скупости, такъ какъ и отъ пагубнаго расточенія. Сіе то есть похвальное качество, которое сохраняетъ добро великихъ домовъ, и ихъ подкрѣпляетъ и содержитъ съ честію въ свѣтѣ. Порокъ сему качеству противной приноситъ имъ

стыдъ и раззоренїе, какъ видно изъ повседневнаго опыту, которой однакожъ не научаетъ знатныхъ людей.

Наставленїе, которое мать долженствуетъ подавать о томъ своей дочери, можно заключить въ пяти или шести правилахъ, въ которыхъ содержатся всѣ протчїя.

1. Держать росходъ смотря по своимъ доходамъ и состоянїю, такъ чтобъ никогда не выходили изъ границъ честной благопристойности, смотря на обыкновенїе и примѣръ, которыя роскошъ не минуетъ употреблять въ свою пользу.

2. Не забирать ничего въ долгъ у купцовъ, но платить деньги за все то, что покупается. Сто есть средство имѣть все то, что есть лучшее, и за меньшую притомъ цѣну.

3. Считать сїе за великую несправедливость, чтобъ принуждать наемниковъ и домашнихъ дожидаться мзды,

которая имЪ принадлежитЪ. Товій не преминулЪ дать сіе наставленіе своему сыну. *Когда человѣкъ*, говоритЪ онЪ ему, *для тебя поработаетъ, плати ему скорѣй то, что къ нему принадлежитъ за его трудъ, и наблюдай, чтобъ мзда наемника не осталась никогда на тебѣ.* Писаніе во многихЪ мѣстахЪ говоритЪ о сихЪ задержаніяхЪ такЪ какЪ самыхЪ несправедливѣйшихЪ, и виновнѣйшихЪ, которыхЪ крикЪ восходитЪ кЪ ушамЪ Божіимъ, и совлекаетЪ сЪ небесЪ мщеніе и проклятіе.

Тов. IV. 15.

4. Дѣлать счеты обыкновенно вЪ каждой мѣсяцЪ, совершать ихЪ безЪ опущенія при концѣ всякаго года, и остерегаться, чтобЪ не оставлять правленіе имѣнія и дому вЪ чужихЪ рукахЪ, которыя не всегда бываютЪ вѣрны и усердны. Сей трудЪ ни мало не обременителенЪ и ничего почти не стоитЪ, когда онЪ продолжается со тщаніемЪ: вмѣсто того, что естли его пренебрегаютЪ,

гаютЪ, то онЪ становится настоящею работою, которая бываетЪ скучна, и принуждаетЪ оставлять безЪ счету множество лѣтЪ, что причиняетЪ безпорядокЪ и ужасное замѣшательство вЪ дѣлахЪ, которыхЪ не можно болѣе разобрать, и разоряетЪ напослѣдокЪ изобильнѣйшіе домы.

5. ВЪ расположеніи росходовЪ, которое долженствуетЪ быть всегда доходамЪ соразмѣрно, поставлять вЪ заглавіи всего часть опредѣленную и достодолжную бѣднымЪ людямЪ. Ето не есть милость имЪ оказываемая, но долгЪ, которой платится имЪ, или лучше сказать самому Іисусу Христу, которой имЪ уступилЪ свои права. Надежнѣйшее и удобнѣйшее средство исполнять точно сію должность, есть то, чтобЪ дѣлать сіе удѣленіе вЪ ту самую минуту, какЪ принимается нѣкоторая часть доходовЪ, и отлагать оное вЪ сторону, такЪ какЪ залогЪ.

Щедрость меньше стоитъ, когда деньги находятся передъ глазами, и чрезъ сїе наблюденїе остается всегда нѣкоторая сумма для различныхъ подаянїй, которыя мы обязаны дѣлать. Я знаю одинъ домъ почтенной по многимъ причинамъ, въ которомъ хозяинъ совокупно съ своею супругою платилъ обыкновенно Iисусу Христу въ особѣ скудныхъ людей первые плоды и десятину всѣхъ своихъ доходовъ, и кромѣ сего поставлялъ ихъ на мѣсто одного изъ своихъ дѣтей по совѣту св. Августина. Это есть такая щедрота Христїанская, которой не надлежитъ требовать отъ всякаго, но которой естьли какая нибудь хозяйка хотя изъ далека можетъ слѣдовать, должна себя счастливою почесть, будучи увѣрена, что она имѣетъ участїе въ сей мудрости, о которой Соломонъ упоминаетъ въ своихъ притчахъ: *жена мудрая созидаетъ свой*
Притч. XIV. 1. *домъ, а безумная разоряетъ своими собствен-*

ственными руками и тотъ, которой уже былъ созданъ.

Заключенïе.

Предлагая такъ, какъ я учинилъ, безпрерывную связь чтенiй и екзерцицiй для молодыхъ особъ женскаго полу, я имѣлъ въ намѣренiи тѣхъ единственно, которымъ ихъ состоянïе подаетъ время и средства въ оныхъ упражняться. Такïя чтенïя и екзерцицïи могутъ занимать съ пользою и прïятностïю первыя лѣта ихъ жизни. Да и для чегобъ не хотѣть украшать ихъ разумъ сими познанïями, которыя не превышаютъ ихъ понятïя и кои сходственны съ ихъ состоянïемъ? Хвастливое показанïе науки и остроумïя не приличествуетъ ни кому, а наипаче дамамъ: но слѣдуетъ ли изъ того, чтобъ онѣ долженствовали осуждены быть на грубое незнанïе? Ученïе, которое я здѣсь совѣтую имѣть молодымъ дѣвицамъ, не воспрепятствуетъ имъ, какъ я уже показалъ выше, исполнять совер-

вершенно всѢ ихЪ должности: упражняться сЪ пользою вЪ рукодѢлїи, вступать во всѢ распоряженія, перенимать все то, что принадлежитЪ до благоразумной економїи, и что касается до правленія домашняго: которыя познанія суть неотмѢнно надобны ихЪ состоянїю по тому, что недостатокЪ оныхЪ причиняетЪ обыкновенно раззоренїе наибольшихЪ домовЪ. Ученїе, о которомЪ я говорю, не только не препятствуетЪ симЪ должностямЪ, но и еще приведетЪ кЪ нимЪ по необходимости и здѢлаетЪ исполненїе ихЪ удобнѢйшимЪ, подавая дѢвицамЪ разумЪ важнѢйшїй, исправнѢйшїй, твердѢйшїй и способнѢйшїй кЪ порядку, вникавїю, трудамЪ, заставляя ихЪ любить болѢе свои домы, и ихЪ научая пробывать иногда безЪ компанїи. ОнѢ никогда не будутЪ для показанія себя высказывать другимЪ то, чему они научатся, и не станутЪ отмѢнять себя отЪ протчихЪ ничемЪ какЪ

поль-

только великою умѣренностію. Польза, которую онѣ получатъ отъ ихъ познаній, будетъ та, что онѣ не будутъ принуждены для избѣжанія скуки и отвращенія отъ бездѣйственной жизни занимать ея праздныя часы игрою, зрѣлищами, безполезными посѣщеніями, пустыми разговорами, и что найдутся въ состояніи, удовольствовавъ благопристойности ихъ званія, сохранять для себя драгоцѣнныя минуты, въ которыя будучи свободны и уединенны, могутъ упражняться въ чтеніи, которое питать будетъ разумъ ихъ съ пріятностію и наполнять ихъ сердце твердою и постоянною радостію, показывая ему одно только благо, могущее учинить его счастливымъ.

СПОСОБЪ, которымъ можно учить и обучаться словесныхъ наукъ.

КНИГА ПЕРВАЯ
О ЗНАНІИ ЯЗЫКОВЪ.

Знанїе языковъ служитъ вмѣсто руководства ко всѣмъ наукамъ. Чрезъ него мы безъ труда почти прїобрѣтаемъ понятїе о премногихъ и преизрядныхъ вещахъ, которыя стоили долговременныхъ трудовъ своимъ изобрѣтателямъ. Чрезъ него всѣ вѣки и всѣ страны намъ открываются. Оно нѣкоторымъ образомъ дѣлаетъ насъ современными всѣмъ вѣкамъ, и гражданами всѣхъ государствъ; и приводитъ насъ въ состоянїе

разгова-

разговаривать еще и нынѣ со всѣми ученѣйшими въ древности мужами, которые, кажется, какъ будто бы для насъ жили и трудились. Мы находимъ въ нихъ учителей, которыхъ намъ позволено спрашивать во всякое время; и друзей готовыхъ къ нашимъ услугамъ ежечасно, и могущихъ вездѣ намъ сотоварищесствовать, коихъ обращенїе съ нами всегда полезное и всегда прїятное обогащаетъ нашъ разумъ множествомъ любопытныхъ познанїй, и научаетъ насъ пользоваться какъ добродѣтельми, такъ и пороками человѣческаго рода. Безъ помощи языковъ всѣ сїи оракулы бываютъ для насъ нѣмы, всѣ сїи сокровища заперты; и за неимѣнїемъ ключа, которой одинъ только можетъ открыть намъ оныя, мы остаемся скудны въ среди толикаго богатства, и несмысленны въ среди всѣхъ наукъ.

Языки, которымъ надлежитъ обучать въ Французскихъ коллегїяхъ, ограничиваются тремя: Греческимъ, Латинскимъ, Французскимъ. Я начну послѣднимъ, понеже я думаю, что имъ должны начинаться такїя ученїя.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

о изученїи французскаго языка.

Римляне намъ показали чрезъ упражненїе, которое они имѣли въ изученїи

ихъ

ихъ собственнаго языка то, что мы долженствуемъ дѣлать для изученія нашего. Дѣти у нихъ отъ самой колыбели пріучаемы были къ чистотѣ рѣчи. Сіе попеченіе щиталось первымъ и нужнѣйшимъ послѣ того, которое принималось о нравахъ. Оно особливо поручаемо было матерямъ, кормилицамъ, и домашнимъ. Имъ говорили, чтобъ онѣ, сколько можно, остерегались, чтобъ не вышло у нихъ изо рту неисправнаго выраженія или произношенія въ присутствіи дѣтей, дабы сіи первыя впечатлѣнія не здѣлались въ нихъ второю природою, которой почти не возможно будетъ перемѣнить въ послѣдствіи.

Quintil. Lib. 1. cap. 1.

Ето правда, что съ самаго начала обыкновенно дѣтей обучали Греческому языку, но изученіе Латинскаго вблизи послѣдовало; и вскорѣ потомъ сіи два ученія вмѣстѣ происходили. Для каждаго изъ нихъ были особливые учители въ разсужденіи какъ Грамматики, такъ Риторики и Философіи: и ежели было предпочтеніе одному изъ двухъ языковъ, то оно давалось природному, которой одинъ только употреблялся въ отправленіи дѣлъ государственныхъ. И въ самой вещи Римляне, особливо во времена республики, почли бы за безчестіе и униженіе народу, естли бы для отправленія дѣла съ иностранными, хотя въ

Val. Max. lib. 2. cap. 2.

Римѣ,

Римѣ, хотя въ провинцїяхъ, они употребили другой языкъ, кромѣ Латинскаго. Плутархъ намъ показываетъ въ житїи Катона ценсора, что сей Римлянинъ посланъ будучи депутатомъ отъ республики къ Аѳинянамъ почелъ, что онъ не долженствовалъ имѣть къ нимъ рѣчи какъ только на Латинскомъ языкѣ, не смотря на то, что онъ былъ весьма способенъ къ учиненїю сего (*a*) на Греческомъ. Цицерона тѣмъ укоряли, что онъ осмѣлился говорить по Гречески въ публичномъ собранїи у самыхъ Грековъ. Однакожъ Павлъ Емилїй говорилъ онымъ языкомъ Царю Персею, котораго онъ тогда побѣдилъ: что, можетъ статься, онъ здѣлалъ, снисходя его достоинству, или несчастному состоянїю, въ которомъ онъ его видѣлъ. Verrin. 6. n. 147. Liv. lib. 45. n. 8.

Мы далеко отстоимъ отъ подобнаго раченїя о совершеннѣйшемъ познанїи Французскаго языка. Не много есть такихъ людей, которые научились ему по правиламъ. Большая часть думаетъ, что довольно одного употребленїя къ тому, чтобъ здѣлаться въ немъ искуснымъ. Ето рѣдко

Р слу-

(*a*) *Въ Цицероновой книжкѣ о старости Катонъ говоритъ, что онъ былъ уже старъ въ то время, какъ онъ сталъ знать по Гречески: Literas Græcas Senex didici. Однакожъ онъ не имѣлъ еще пятидесяти лѣтъ когда онъ учинилъ путешествие, о которомъ здѣсь говорится.*

случается, чтобъ кто захотѣлъ углубиться въ изслѣдованїе его свойства, и спознать всѣ его тонкости и красоты. Часто не знаютъ и самыхъ общихъ его правилъ: что видно бываетъ иногда изъ писемъ искуснѣйшихъ людей.

Столь обыкновенной порокъ происходитъ, безъ сумнѣнїя, отъ воспитанїя. Дабы предупредить оной, надобно употреблять ежедневно во всю бытность въ классахъ по нѣскольку времени на изученїе нашего языка.

Четыре вещи, какъ мнѣ кажется, могутъ служить особливо къ успѣху, котораго надлежитъ въ томъ ожидать: познанїе правилъ, чтенїе книгъ Французскихъ, переводъ, сочиненїе.

О познанїи правилъ

§ I. Понеже первыя основанїя рѣчи суть общїя по нѣкоторой мѣрѣ всѣмъ языкамъ, то самая пристойность требуетъ, чтобъ наставленїе дѣтей начинали предложенїемъ правилъ Французской Грамматики, которой основанїя послужатъ имъ къ удобнѣйшему разумѣнїю Латинскаго и Греческаго языка, и покажутся меньше трудны и скучны, поелику дѣло почти до того только касаться будетъ, чтобъ они располагали нѣкоторымъ особливымъ порядкомъ вещи, которыя уже они знаютъ, хотя смятно.

Съ самаго начала надлежитъ ихъ обучать различнымъ частямъ, которыя составляютъ рѣчь, напримѣръ, имя, глаголъ и проч: потомъ склоненіямъ и спряженіямъ, послѣ сего общимъ правиламъ сочиненія. Когда они усилятся чрезъ привычку въ сихъ перьвыхъ основаніяхъ, то надобно будетъ показывать имъ оныхъ употребленіе въ какой нибудь Французской книгѣ, и требовать всегда у нихъ отчету во всѣхъ словахъ, которыя въ ней попадаются.

Должно ихъ заранѣе пріучать къ исправному различенію точекъ, запятыхъ, ударений, и другихъ знаковъ Грамматическихъ, которые дѣлаютъ письмо исправнымъ; и начать изъясненіемъ свойства и употребленія оныхъ. Надлежитъ такъ же приказать, чтобъ они выговаривали ясно всѣ слоги, а особливо послѣдніе. Учитель при томъ имѣетъ нужду познавать рачительно различныя погрѣшности въ рѣчи или въ произношеніи, которыя суть собственны каждой провинціи, а иногда и городамъ похваляющимся наиболѣе просвѣщеніемъ, дабы предостеречь дѣтей отъ сихъ погрѣшностей или исправить въ нихъ оныя. Не можно изобразить, сколько сіи перьвыя раченія убавятъ ихъ трудовъ въ совершеннѣйшемъ возрастѣ.

По мѣрѣ умноженія лѣтъ и разсудка отроковъ, размышленія о языкѣ предла-

гаться будутъ повыше и поважнѣе. Разсудительной учитель употребитъ въ пользу ученыя примѣчанія, которыя столь многіе искусные люди намъ оставили о сей матеріи. Но надобно будетъ дѣлать въ нихъ выборъ, и отложить все то, что или не очень употребительно покажется, или сверхъ понятія молодыхъ людей. Безпрерывныя и продолжительныя наставленія о столь сухой матеріи могутъ имъ показаться весьма скучны. Краткіе вопросы предлагаемые правильно на всякой день подъ видомъ разговора, въ которомъ у ихъ самихъ требовать будутъ мнѣнія и въ которомъ искуснымъ образомъ приведутъ ихъ въ состояніе сказывать то, чему ихъ хотятъ обучить, такіе, говорю я, вопросы научатъ ихъ между забавою, и при нечувствительномъ успѣхѣ продолжающемся чрезъ нѣсколько лѣтъ, подадутъ имъ глубокое языка познаніе.

Правописанія обыкновенно простые, а иногда и самые ученые люди не знаютъ или его пренебрегаютъ. Сей порокъ по всѣмъ примѣтамъ происходитъ отъ того, что они заблаговременно въ ономъ дѣлѣ не были екзерцитованы, и увѣдомляетъ учителей, чтобъ они прилагали къ тому особливое раченіе.

Употребленіе, которое владычествуетъ надъ всемъ тѣмъ, что принадлежитъ до языка, и противъ котораго самой разумъ

зумъ теряетъ свои права, есть первое правило, которому надлежитъ слѣдовать въ правописанїи; потому что оно не меньше имѣетъ власти надъ писанїемъ и произношенїемъ словъ, какъ и надъ самыми словами. И для сего усмотрѣно, что при самомъ началѣ безуспѣшно было предпрїятїе тѣхъ, которые не взирая на употребленїе хотѣли переправить наше правописанїе; и сей новой манерѣ писать всѣ до одного слова такъ какъ они произносятся, не меньше несносенъ былъ глазамъ публики, какъ новомодныя и странныя одѣянїя, которыя бы кто нибудь захотѣлъ вдругъ ввесть въ обыкновенїе.

Есть другїя перемѣны не столь примѣтныя, въ которыхъ употребленїе непостоянно, и которыя могутъ оставить нѣкое сумнѣнїе. Должно ли, напримѣръ, сохранять всегда въ словахъ нашего языка нѣкоторыя литеры, кои или съ весьма древняго употребляются времени, или показываютъ, что оныя слова берутъ свое начало съ Греческаго или Латинскаго языка, каковы суть: *thréſor*, *throſne*, *baptême*, *temps*, *ſainctеté*, *clef*, *genouil*, *debte*, *roy*, *loy*, *moyen*, *eſtre*, *eſcrire*, *rapport*? Всѣ опять имена и причастїя, которыя имѣютъ *é* мужеское на концѣ въ единственномъ числѣ, должны ли принимать *z* въ ихъ множественномъ?

Я думаю, что въ такихъ словахъ всякой можетъ употреблять вольность, которую самое обыкновенiе намъ оставляетъ, и слѣдовать своему вкусу, а особливо, когда онъ основывается на разумѣ и пользѣ. Но мнѣ кажется, что обѣ сiи вещи требуютъ, чтобъ мы въ то время, какъ пишемъ, сообразжались, сколько возможно, съ произношенiемъ. Ибо характеры литеръ введены въ употребленiе съ тѣмъ, чтобъ они сохраняли различные голоса, которые мы говоря издаемъ, и ихъ должность есть та, чтобъ отдавали оные вѣрнымъ образомъ читателю, такъ какъ залогъ, которой имъ ввѣренъ. И такъ надлежитъ, чтобъ слово написанное было изображенiемъ слова произнесеннаго, и чтобъ литеры выражали то, что мы сказать долженствуемъ.

Когда, напримѣръ, первой слогъ въ сихъ двухъ словахъ *écrire*, и *escrime*, и третiй отъ конца въ сихъ *répondans*, и *correspondans*, должны произноситься совсемъ различно, то для чего бы ихъ и не писать такъ же различно? *écrire, escrime*; *répondans*, *correspondans*?

Великая есть разность въ выговорѣ перваго слога въ различныхъ временахъ, и различныхъ лицахъ глагола *Faire*: почему пристойнобъ было полагать ее и въ

въ писанїи, да и употребленїе не весьма тому противно. *Je fais, tu fais, nous fesons, je fesois, je ferois, je ferai, tu feras.*

Общее правило для произведенїя именъ множественнаго числа есть то, чтобъ пристановлять *s* къ единственному: *pomme, pommes; fleur, fleurs.* Для чегожъ выключать изъ него имена и причастїя кончащїяся на *é*? Чрезъ сїе смѣшивается *aimez* второе лице множественнаго числа съ причастїемъ; вмѣсто того, что когда пишемъ причастїе съ литерою *s*, *aimés*, мы различаемъ сїи два слова, и слѣдуемъ общему правилу.

Чтожъ касается до словъ произшедшихъ изъ Латинскаго языка, то кажется, что нашъ Французской, которой сперва считалъ за честь сохранять ненарушимо всѣ его слѣды, старается помалу скрывать отъ глазъ читателя знаки сего похищенїя. Можно всякому примѣтить безмѣрное число примѣровъ: *debvoir, debte, tiltre, poulmon, nostre*, и проч.

Напослѣдокъ, хотя и нельзя точно опредѣлить, которому изъ сихъ двухъ маneровъ надобно слѣдовать, однакожъ ето кажется нужно, чтобъ Профессоры одной коллегїи согласились между собою на тотъ или другой, дабы ученики не были принуждены перемѣнять правопи-

 са-

санія при перемѣнѣ классовъ. Не можно ихъ довольно рано пріучить къ тому, чтобъ они писали чисто и исправно, становили въ надлежащихъ мѣстахъ большія и малыя литеры, отличали *v* и *j* согласныя отъ *u* и *i* гласныхъ, и знали, гдѣ надлежитъ употреблять точки, запятыя, ударенія, и другіе знаки благоразумно изобрѣтенные для наблюденія ясности и порядка въ писаніи.

Между тѣмъ, какъ я здѣсь говорю о письмѣ, да будетъ мнѣ позволено подать молодымъ людямъ совѣтъ, которой можетъ правда показаться маловаженъ, однакъ неизлишенъ. Онъ въ томъ состоитъ, чтобъ они по крайней мѣрѣ подъ конецъ ихъ ученій научились перья свои очинивать, и чтобъ сіе дѣлали искусно и правильно. Многіе пишутъ худо, за тѣмъ что въ нихъ сего маленькаго искуства недостаетъ. Для чего намъ зависѣть отъ чужой руки въ такой вещи, которая столь не трудна и столь часто для насъ бываетъ надобна?

О чтеніи книгъ Французскихъ.

§. II. Учители найдутъ множество книгъ, которыя ихъ приведутъ въ состояніе исправно обучать своихъ учениковъ правиламъ Французскаго языка.

Грамматика, которую г. Аббатъ Ренїеръ, членъ Французской Академіи, намъ со-

сообщилъ, не оставляетъ ничего желать въ семъ родѣ. Можно прочитать и другїя подобныя сей книжки, которыя имѣютъ свое достоинство. Но не должно оставить въ забвенїи всеобщей и умственной Грамматики Г. Арнолда, въ которой усматривается глубокое разсужденїе, и высокой разумъ сего великаго человѣка. Искусной учитель не преминетъ пользоваться сими сочиненїями, и возметъ изъ нихъ то, что онъ полезнымъ сочтетъ для молодыхъ людей. Я тожъ самое говорю о примѣчанїяхъ на Французской языкъ, изданныхъ господиномъ Вожласомъ, (a) Томасомъ Корнелемъ, О. Бугурсїемъ, Г. Менажемъ, и другими искусными писателями, которыя учитель особливо читать будетъ, и изъ которыхъ онъ выберетъ важнѣйшїя и употребительнѣйшїя правила, дабы изъяснить оныя въ случаѣ молодымъ людямъ. Желательно, чтобъ сочинилъ кто нибудь нарочно для ихъ Грамматику сокращенную, которая бы заключала съ себѣ самыя нужныя правила и размышленїя.

Когда они будутъ имѣть нѣкоторое понятїе о Греческомъ и Латинскомъ языкахъ, тогда будетъ время показывать

 имъ

(a) *Надлежитъ прибавить къ примѣчанїямъ Вожласовымъ другїя, которыя г. Корнель къ нимъ присовокупилъ.*

имъ чрезъ чтенїе писателей свойство и особливость Французскаго, заставляя ихъ сравнивать его съ сими первыми. Онъ лишенъ многаго вспоможенїя и многихъ выгодностей, которыя составляютъ главную ихъ красоту. Не говоря о семъ великомъ изобилїи словъ и рѣчей собственныхъ симъ двумъ языкамъ, а особливо Греческому, нашъ Французской не знаетъ почти совсемъ, что такое есть составлять слова изъ многихъ. Онъ не умѣетъ перемѣнять безконечнымъ образомъ силу и означенїе, какъ именъ, такъ и глаголовъ, чрезъ различїе предлоговъ, которые къ нимъ присовокупляются. Онъ чрезвычайно принужденъ и привязанъ къ одному нѣкоему порядку, которой ему рѣдко оставляетъ вольность перекладывать слова. Онъ порабощенъ одинакимъ окончанїямъ во всѣхъ падежахъ своихъ именъ, и во многихъ временахъ своихъ глаголовъ, особливожъ въ разсужденїи единственнаго числа. Въ немъ недостаетъ одною роду въ сравненїи съ двумя другими языками, а имянно средняго. Выключая очень малое словъ * число взятыхъ изъ Латинскаго языка, онъ не знаетъ ни уравнительной, ни превосходительной степени. Онъ не употребляетъ такъ же уменьшительныхъ, которыя придаютъ столь много красы и тонкости двумъ помянутымъ языкамъ. Количество, которое столько служитъ

* Meilleur, pire, moindre.

къ

къ числу и паденїю рѣчи, не могло вънемъ сыскать мѣста: я разумѣю такъ, какъ оно употребляется въ Греческомъ и Латинскомъ языкахъ, а особливо въ разсужденїи стопъ въ стихахъ. Однакожъ, невзирая на сїе множество кажущихся препятствїй, примѣчаетъ ли кто въ сочиненїяхъ хорошихъ писателей, чтобъ недоставало чего нибудь въ нашемъ языкѣ, что касается или до изобилїя, или до различїя, или достройности или наконецъ до другихъ какихъ изрядствъ и прїятностей? И не имѣетъ ли онъ надъ первыми двумя сего неоцѣненнаго преимущества, что онъ столь великой непрїятель всякому затрудненїю, и что представляетъ разуму толикую ясность, что не льзя никакъ его не разумѣть, когда онъ распоряжается искусною рукою? Такимъ образомъ онъ счастливо вознаграждаетъ то, чего въ немъ недостаетъ, и приходитъ въ состоянїе равняться съ изобильнѣйшими языками въ древности.

Показывая молодымъ людямъ основанїя и красоты ихъ языка начнутъ направлять ихъ вкусъ и разборчивость. Размышленїя, которыя можно учинить о семъ дѣлѣ, поелику не принадлежатъ до Грамматики, и притомъ суть общи всѣмъ языкамъ, то я отлагаю разсуждать о сей матерїи съ приличнымъ ей пространствомъ до того времени, какъ я говорить стану о Риторикѣ.

Здѣсь

Здѣсь довольно для меня и того, чтобъ увѣдомить, что въ чтенiи Французскихъ книгъ не будутъ довольствоваться разсмотрѣнiемъ правилъ касающихся до языка, которыя однакожъ не будутъ никогда изъ глазъ выпущены. Примутъ старанiе замѣчать собственность, исправность, силу, и тонкость словъ и выраженiй. Большее еще употреблено будетъ вниманiе къ твердости и истиннѣ мыслей и вещей. Не преминутъ такъ же показывать послѣдствiе и распоряженiе различныхъ доказательствъ и частей рѣчи. Но всему протчему предпочтется то, что можетъ исправить сердце, вдохнуть великодушiе, безкорыстiе, презрѣнiе богатства, любовь къ общенародному добру, отвращенiе отъ несправедливости и коварства; словомъ сказать все то, что составляетъ человѣка честнаго, и что болѣе еще, истиннаго Христiанина.

Я въ другомъ мѣстѣ упомяну о томъ, что касается до выбору писателей въ разсужденiи нравовъ. Чтожъ принадлежитъ до штиля, то надобно держаться правила Квинтилiанова, которое велитъ читать молодымъ людямъ съ самаго начала, и всегда наилучшихъ писателей. Когда они станутъ имѣть исправное разсужденiе, то не худо будетъ имъ предложить такихъ, въ которыхъ находятся поро-

Lib. 2. cap. 6.

Lib. 2. cap. 5.

пороки могущіе прельстить молодыхъ людей, каковы суть нѣкоторыя блестящія мысли, которыя поражаютъ сперва своимъ сіяніемъ, но когда ихъ вблизи разсматриваютъ, то немедлѣнно познаютъ ихъ притворность и пустоту. Надлежитъ ихъ пріучать заранѣе къ тому, чтобъ они вездѣ любили истинное, чувствовали ложное, не ослѣплялись видомъ изрядства, судили здраво о томъ, что читаютъ, и отдавали отчетъ въ семъ ихъ разсужденіи, но такъ, чтобъ они не принимали на себя рѣшительнаго и критическаго виду или голоса, которой еще меньше приличествуетъ сему возрасту, нежели всякому другому.

На нашемъ языкѣ множество есть превосходныхъ сочиненій, которыя способны къ направленію ихъ вкуса: но краткость времени полагаемаго на сіе ученіе, и малое число денегъ, которыя большая часть учениковъ издерживать можетъ, принуждаютъ ограничиваться небольшимъ оныхъ числомъ.

Надлежитъ, естьли возможно, чтобъ польза и пріятность въ нихъ вмѣстѣ соединялись, дабы сіе чтеніе имѣло для молодыхъ людей прелесть, которая бы ихъ къ оному привлекала. По сему книги, въ которыхъ одно только царствуетъ благочестіе, должнествуютъ имъ рѣже

же предлагаться, нежели другія, дабы отвращеніе, которое они однажды почувствуютъ отъ оныхъ, не послѣдовало за ними въ зрѣлѣйшій возрастъ. Исторія болѣе сходствуетъ съ ихъ понятіемъ, а особливо при начатіяхъ ученія.

Фигуры Библейскія, и нравы Израильтянъ и Христіанъ весьма приличествуютъ первымъ классамъ. Есть притомъ много особенныхъ жизней сочиненныхъ господиномъ Флешіеромъ и г. Марсоліеромъ, которыя очень угодны для классовъ послѣдующихъ. Я въ другомъ мѣстѣ упомяну о сокращенной исторіи г. Боссюета. Исторія Францускої академіи г. Пелиссона, такъ же академіи надписей и словесныхъ наукъ г. Боза, и напослѣдокъ исторія о возстановленіи академіи наукъ Г. Фонтенелла понравятся несказанно молодымъ людямъ какъ для красоты штиля, такъ для разности матерій, и подадутъ имъ знаніе объ искуснѣйшихъ людяхъ въ нашемъ языкѣ, кои трудились перьвые, чтобъ вознесть его на сію степень совершенства, на которой мы его теперь видимъ, и кои здѣлали столько чести Франціи глубокимъ своимъ просвѣщеніемъ и любопытными изобрѣтеніями во всякомъ родѣ наукъ. Мнѣ кажется, что Парижской университетъ, древнѣйшее училище, и источникъ всѣхъ другихъ Академій, долженствуетъ особливо чувствителенъ быть къ ихъ славѣ, которая от-

относится и къ нему, и довершаетъ его собственную.

Мы имѣемъ множество Панегириковъ и надгробныхъ рѣчей, въ которыхъ обучающiися риторики найдутъ образцы совершенные въ семъ родѣ краснорѣчiя. Двѣ трагедiи господина Расина, *Есөиръ* и *Аөалiя*, и разныя частицы стиховъ господина Депро могутъ имъ дать нѣкоторое понятiе о нашей поэзiи. Переводъ Лонгина изданной симъ послѣднимъ, и примѣчанiя, которыя онъ къ нему присовокупилъ, послужатъ имъ вмѣсто изрядной Риторики.

Я оставляю для Философiи нравоучительныя книжки г. Никола, и разумѣю первые четыре тома, къ которымъ можно присоединить мысли г. Паскала. Я не упоминаю о Логикѣ Портъ-Рояла; она составляетъ часть Философiи, и такой книги не преминутъ отдать въ руки обучающихся оной.

Много есть и другихъ книгъ, которыхъ чтенiе можетъ быть полезно молодымъ людямъ: всякой учитель по своему вкусу учинитъ изъ нихъ выборъ. Можнобъ было здѣлать для ихъ употребленiя собранiе наилучшихъ частицъ, и прекраснѣйшихъ мѣстъ изъ нѣкоторыхъ сочиненiй, которыхъ не можно имъ дать цѣлыхъ.

Мнѣ позволятъ, надѣюсь, предложить здѣсь опытъ способа, которымъ по моему мнѣ-

мнѣнїю можно читать молодымъ людямъ Францускія книги. Ето, можетъ статься, небезполезно будетъ для молодыхъ и начинающихъ свою должность учителей, которые не имѣютъ еще довольнаго искуства.

Опытъ способа, которымъ можно изъяснять Францускихъ писателей.

Дѣло, которое я хочу предложить, взято изъ исторїи о Ѳеодосїѣ сочиненной г. Флешїеромъ. кн. 1 гл. 35. Оно содержитъ избранїе св Амвросїя на Архїепископство Медїоланское, и показываетъ участїе, которое имѣлъ въ томъ Императоръ Валентинїанъ.

Auxence Arien étant mort après avoir tenu plusieurs années le siège de Milan, Valentinien pria les Evêques de s'assembler pour élire un nouveau Pasteur. Il leur demanda un homme d'un profond savoir, & d'une vie irréprochable; *afin*, disoit-il, *que la Ville Impériale se sanctifiât par ses instructions & par ses exemples*, & *que*

Когда Авксентїй Арїанинъ, владѣвъ чрезъ многїя лѣта каѳедрою Медїоланскою, скончался, то Валентинїанъ просилъ Епископовъ собраться для избранїя новаго пастыря. Онъ потребовалъ отъ нихъ человѣка глубокаго знанїя, и безпорочной жизни; *дабы*, говорилъ онъ, *Им-*

les

les Empereurs, qui sont les Maîtres du monde, & qui ne laissent pas d'être grands pécheurs, pussent recevoir ses avis avec confiance, et ses corrections avec respect. Les Evêques le suppliérent d'en nommer un luimême, tel qu'il le souhaitoit; mais il leur répondit, que c'étoit une affaire au-dessus de ses forces, & qu'il n'avoit ni assez de sagesse, ni assez de piété pour s'en mêler; que ce choix leur appartenoit, parce qu'ils avoient une parfaite connoissance des Loix de l'Eglise, & qu'ils étoient remplis des lumiéres de l'Esprit de Dieu.

ператорской городѣ святился его наставленіями и примѣрами, и чтобъ Императоры, которые суть повелители свѣта, и при семъ томъ неминуютъ быть великими грѣшниками, могли принимать его совѣты съ довѣренностію, и его увѣщанія съ почтеніемъ. Епископы его просили, чтобъ онъ самъ нарекъ изъ нихъ того, котораго онъ желалъ: но онъ имъ отвѣчалъ, что сїе дѣло было сверхъ силъ его, что онъ не имѣлъ столько ни разсудка ни благочестїя, чтобъ мѣшаться въ оное, и что сей выборъ къ нимъ принадлежалъ, потому что они имѣли совершенное познанїе церковныхъ законовъ, и были наполнены просвѣщенїемъ духа Божїя.

Les Evêques s'assemblérent donc avec le reste du Clergé; & le Peuple, dont le consentement étoit requis, y fut appellé. Les Ariens nommoient un homme de leur Secte. Les Catholiques en vouloient un de leur Communion. Les deux partis s'échauférent, & cette dispute alloit devenir une sédition & une guerre ouverte. Ambroise, Gouverneur de la Province & de la Ville, homme d'esprit & de probité, fut averti de ce desordre, & vint à l'eglise pour l'empêcher. Sa présence fit cesser tous les différends, & l'Assemblée s'étant réunie tout d'un coup, comme par une inspiration divine, demanda qu'on lui donnât Ambroise pour son Pasteur. Cette pensée lui

И такъ Епископы собрались съ протчими духовными особами; и народъ, котораго согласїе требовалось, туда же былъ приглашенъ. Арїане нарекли одного человѣка изъ ихъ Секты. Православныежъ хотѣли избрать одного изъ своего сообщества. Обѣ партїи разгорячились, и сей споръ клонился къ мятежу и войнѣ открытой. Амвросїй, Губернаторъ провинцїи и города, человѣкъ разумной и честной, увѣдомился о семъ безпорядкѣ, и пришелъ въ церковь, чтобъ воспрепятствовать оному. Присутствїе его успокоило всѣ ссоры, и собранїе соединясь вдругъ вмѣстѣ, какъ будто бы вдохновенїемъ Божїимъ, потребовало, чтобъ

parut

parut bizarre : mais comme on persistoit à le demander, il remontra à l'Assemblée qu'il avoit toujours vécu dans des emplois séculiers, & qu'il n'étoit pas même encore batisé ; que les Loix de l'Empire défendoient à ceux, qui exerçoient des charges publiques, d'entrer dans le Clergé sans la permission des Empereurs, & que le choix d'un Evêque devoit se faire par un mouvement du Saint-Esprit, & non pas par un caprice populaire. Quelque raison qu'il alléguât, quelque remontrance qu'il fît, le Peuple voulut le porter sur le Trône Episcopal, auquel Dieu l'avoit destiné. On lui donna des gardes de peur qu'il ne s'enfuît, & l'on présenta une requête à l'Em-

здѣлали Амвросія его пастыремъ. Сіе мнѣніе показалось ему вздорнымъ: но какъ продолжали его требовать, то онъ объявилъ собранію, что онъ всегда жилъ при свѣтскихъ должностяхъ, и что онъ еще и не крестился; что законы Имперіи запрещали тѣмъ, которые отправляли дѣла государственныя, вступать въ духовной чинъ безъ позволенія Императоровъ, и что выборъ Епископа долженствовалъ быть чрезъ дѣйствіе духа святаго, а не по слѣпому произволенію народа. Какихъ онъ ни приводилъ причинъ, какихъ ни дѣлалъ отговорокъ, народъ желалъ его возвесть на Епископскую каѳедру, на которую Богъ его опредѣлилъ. Къ не-

pereur pour lui faire agréer cette élection.

му приставили стражей, дабы онъ не ушолъ, и подали челобитную Императору, чтобъ онъ подтвердилъ сїе избранїе.

Theodoret Lib. 4. cap. 7.

L'Empereur y conſentit très-volontiers, & donna ordre qu'on le fît batiſer promptement, & qu'on le conſacrât huit jours après. On rapporte, que ce Prince voulut aſſiſter lui-même à ſon ſacre, & qu'à la fin de la cérémonie levant les yeux & les mains au Ciel, il s'écria tranſporté de joie: *Je vous rends graces, mon Dieu, de ce que vous avez confirmé mon choix par le vôtre, en commettant la conduite de nos ames à celui à qui j'avois commis le Gouvernement de cette Province.*

Императоръ весьма охотно на то согласился, и приказалъ окрестить его немедлѣнно, и посвятить по прошествїи восьми дней. Сказываютъ, что сей Государь изволилъ самъ быть при его посвященїи, и что при окончанїи сего обряду поднявъ глаза и руки къ небу онъ воскликнулъ отъ радости: *благодарю тебя, Боже мой, что ты подтвердилъ мой выборъ своимъ, поручая попеченїе о душахъ нашихъ тому, которому я поручилъ правленїе сей провинцїи.* Святой Архїепископъ вдался совер-

Le

Le ſaint Archevêque s'appliqua tout entier à l'étude des ſaintes Ecritures, & au rétabliſſement de la Foi & de la Discipline dans ſon Diocèſe.

шенно въ изученїе священнаго Писанїя, и принялъ трудъ возстановлять вѣру, и благочинїе въ своей епархїи.

Сїю исторїю заставятъ прочитать съ ряду одного или двухъ учениковъ, а другимъ велятъ смотрѣть въ ихъ книги, дабы имъ дать понятїе о томъ дѣлѣ, о которомъ рѣчь идетъ. Принято будетъ попеченїе о томъ, чтобъ они наблюдали въ семъ чтенїи правила, о которыхъ имъ сказано было, чтобъ останавливались больше или меньше, смотря на различїе знаковъ раздѣленїя; чтобъ произносили каждое слово, и каждой слогъ по надлежащему, и чтобъ принимали природной голосъ, и его перемѣняли, только безъ притворства и принужденїя.

Послѣ сего перваго чтенїя, ежели будетъ что нибудь примѣчанїя достойно въ разсужденїи или правописанїя, или языка, то учитель сїе покажетъ не многими словами. Въ напечатанной книгѣ стоитъ, *baptiſer*, *promptement*, *empeſcher*, *veſcu*, *throſne*, и проч. Однакожъ я почелъ, что мнѣ не надлежало привязываться къ такому манеру писанїя, вмѣсто котораго я поставилъ свой. Я употреблю такуюжъ

южъ вольность во всѣхъ приводахъ для избѣжанія помѣшательной розницы, къ которойбы меня обязала надобность непремѣнная приводить каждаго писателя съ правописаніемъ ему собственнымъ.

Bizarre *вздорный*. Надлежитъ изъяснить силу сего прилагательнаго, которое показываетъ, что въ особѣ или вещи, къ которой оно придается, есть нѣчто необычайное и грубое. Оно значитъ упрямаго, своенравнаго скучнаго, непріятнаго. *Esprit bizarre*, *conduite bizarre*, *voix bizarre*.

Caprice (*своенравіе*.) Сіе слово такъ же достойно изъясненія. Оно показываетъ свойство человѣка, которой поступаетъ смотря по тому, что ему придетъ въ голову, а не по разуму и основаніямъ. Надлежитъ мимоходомъ показать срамъ сихъ двухъ пороковъ, что называютъ *поступать вздорно и своенравно*, *agir bizarrement & par caprice*.

Procéder à l'élection. Сіе слово *procéder* есть собственно сей рѣчи. Оно имѣетъ и другія означенія, которыя можно показать.

Commettre la conduite des ames, или *le gouvernement d'une Province à quel-qu'un*. *Commettre* значитъ повѣрить, поручить должность, въ которой надлежитъ отвѣтъ давать. Оно происходитъ отъ слова Латинскаго *committere*, которое тотъ же имѣетъ смыслъ.

Quos

Quos adhuc mihi Magistratus Populus Romanus mandavit, sic eos accepi, ut me omnium officiorum obstringi religione arbitrarer. Ita Quaestor sum factus, ut mihi honorem illum non tam datum, quam creditum ac commissum putarem. Изъясняя такимъ образомъ силу сего слова чрезъ приведенïе мѣста изъ Цицерона даютъ важное наставленïе, которое непримѣтно бываетъ, о свойствѣ и обязательствахъ должностей принимаемыхъ какъ въ свѣтѣ, такъ и въ церкви. *Commettre* имѣетъ еще другïя означенïя. *Commettre quel-qu'un pour veiller sur d'autres. Поставить кого нибудь надзирателемъ надъ другими. Commettre une faute. Здѣлать погрѣшенïе. Se commettre avec quel-qu'un. Вступить въ споръ, или заздорить съ кѣмъ нибудь. Commettre l'autorité du Prince. Подвергнуть опасности честь Государя.* Всѣ сïи означенïя ученикамъ изъясняются. Cic. Verr. 7. n. 35.

Afin que la Ville Imperiale se sanctifiât par ses instructions & par ses exemples. Здѣсь будетъ случай изъяснить имъ правило, которое находится въ примѣчанïяхъ г. Вожласа.,, Повторенïе предлоговъ не нужно ,,именамъ, какъ только тогда, когда два ,,существительныя разнаго бываютъ означенïя. Напримѣръ: *par les ruses & les ar-* ,,*tifices de mes ennemis. Ruses* и *artifices* одно ,,значатъ и потому не надобно повторять предлога *par*. Но естьлибъ вмѣсто ,,*artifices* стояло *armes*, тогда уже надлежа-

 ,,ло

„лобы сказать, *par les ruſes & par les armes* „*de mes ennemis*; за тѣмъ что *ruſes* и *armes*, „не одно или не подобное означаютъ. „Вотъ примѣръ подобное значущихъ: *pour* „*le bien & l'honneur de ſon Maitre. Bien* и *hon-* „*neur* не однозначащія суть имена, одна- „кожъ они равное или сходственное имѣ- „ютъ означеніе, потому что *bien* есть „родъ заключающій въ себѣ *honneur*, такъ „какъ его видъ. Когдабъ вмѣсто *honneur* „положилось *mal*, тогда бы надобно было „повторить предлогъ *pour*, и говорить, „*pour le bien & pour le mal de ſon Maitre.* Тожъ „разумѣть должно о многихъ другихъ „предлогахъ, каковы суть, *contre*, *avec*, *ſur*, „*ſous* и имъ подобные.

Послѣ сихъ Грамматическихъ примѣчаній, прочтется въ другой разъ тажъ самая повѣсть, и при всякомъ періодѣ спросятъ у молодыхъ людей, что они находятъ примѣчанія достойнаго, въ разсужденіи или выраженія, или мыслей, или нравовъ. Вопрошеніе сего роду дѣлаетъ ихъ вникательнѣе, принуждаетъ дѣйствовать своимъ разумомъ, даетъ имъ случай направлять ихъ вкусъ и разсужденіе, побуждаетъ ихъ сильнѣе къ разумѣнію писателя чрезъ тайное угожденіе, которое они чувствуютъ, думая, что они сами собою открываютъ всѣ его изрядства и красоты, и приводитъ ихъ помалу въ состояніе обходиться безъ помощи учителя,

теля, что главнымъ есть намѣренїемъ, къ которому долженствуетъ клониться трудъ имъ предпрїемлемой въ обученїи ихъ. Послѣ сего учитель прибавляетъ и дополняетъ то, чего недостаетъ въ ихъ отвѣтахъ, распространяетъ и плодитъ то, что они сказали очень кратко, пересказываетъ и исправляетъ то, въ чемъ они могли обмануться.

Онъ потребовалъ отъ нихъ человѣка глубокого знанїя и безпорочной жизни, дабы Императорской городъ святился его наставленїями и примѣрами. Сколь сїе великимъ служитъ наставленїемъ! Не довольно знанїя одного къ отправленїю церковныхъ званїй: добронравїе больше еще къ тому потребно. Сїе послѣднее качество долженствуетъ предшествовать первому. По сей причинѣ историкъ Ѳеодоритъ, изъ котораго сїе мѣсто взято, поставилъ нравы прежде знанїя, и примѣръ прежде наставленїя сходственно съ тѣмъ, что говорится о I. Христѣ, а имянно что онъ былъ *силенъ дѣлами и словами, яже сотвори, и ихъ же научи.* Лук. XXIV. 19. Дѣян. I. 1.

Чтобъ Императоры, которые суть повелители свѣта, и при всемъ томъ не минуютъ быть великими грѣшниками, могли принимать его совѣты съ довѣренностїю, и его увѣщанїя съ почтенїемъ. Можно было написать просто, *дабы Императоры* *были*

были больше въ состоянiи пользоваться его совѣтами, и увѣщанiями. Какой красы и какой твердости не придаютъ сей мысли два прилагательныя, и два качества, которыя приписываются здѣсь Императорамъ, и изъ которыхъ одно, кажется поставляетъ ихъ выше уличенiй, а другое показываетъ крайнюю нужду, которую они въ оныхъ имѣютъ? Примѣчена такъ же будетъ исправность и сходствiе двухъ частей, которыя составляютъ послѣднiй членъ: *принимать совѣты съ довѣренностiю, и увѣщанiя съ почтенiемъ.*

Онъ имъ отвѣчалъ, что сiе дѣло было сверхъ силъ его, и что сей выборъ къ нимъ принадлежалъ. Удивляйтесь просвѣщенному благочестiю Валентинiана, которой не хочетъ обременяться выборомъ Епископа, вѣдая, что онъ былъ бы отвѣтчикомъ въ страшныхъ послѣдствiяхъ, которыя такой выборъ имѣть можетъ. При семъ случаѣ упомянется изрядная рѣчь Екатерины, Португальской Королевы. *Я бы желала,* говорила она, *чтобъ во время моего правленiя Епископы Португальскiе были безсмертны, дабы мнѣ не быть принужденной давать какое нибудь Епископство.*

Д. Барѳ. кн. I. гл. 6.

Епископы собрались. Здѣсь кратко изъяснено будетъ, какимъ образомъ въ древности дѣлались избранiя, и по какимъ сте-

степенямъ они дошли до сего состоянія, въ которомъ мы ихъ видимъ.

Амвросій пришелъ въ церковь, чтобъ воспрепятствовать безпорядку. При сихъ словахъ покажутъ, какимъ образомъ Божественное провидѣніе начальствуетъ во всѣхъ совѣтахъ, а особливо въ церковныхъ собраніяхъ, какъ оно скрывается подъ дѣлами, которыя кажутся произшествіемъ одного случая, которымъ однакожъ быть оно тайнымъ образомъ повелѣло; со сколь верховною властію оно располагаетъ произволенія людей, которыя оно приводитъ всегда безъ препятствія къ своимъ намѣреніямъ, не дѣлая насилія ихъ свободѣ: сколь оно повелѣваетъ нашими мыслями, и съ какою удобностію утишаетъ и соединяетъ сердца, которыя за одну минуту прежде были столь несогласны, и совсемъ готовы поднять явное возмущеніе.

Что онъ еще и не крестился. Тутъ кратко упомянется о древнемъ обыкновеніи отсрочивать крещеніе, и на сіе предложатся примѣры. Присовокуплено еще будетъ примѣчаніе, что сія отсрочка могла имѣть два побужденія: одно то, чтобъ приготовиться къ принятію достойнѣйшимъ образомъ крещенія, и притти въ состояніе сохранять съ большею безопасностію его дѣйствіе и силу; другое, чтобъ жить безъ наказанія въ утѣхахъ

жахъ и беззаконіи. Церьковь похваляла первое, а второе охуждала.

Къ нему приставили стражей, дабы онъ не ушолъ. Въ семъ мѣстѣ откроютъ тщетныя старанія святаго Амвросія объ освобожденіи отъ Епископства: стремительное его бѣжаніе во всю ночь и неизвѣстные пути, которые привели его назадъ къ тому мѣсту, изъ котораго онъ выбѣжалъ; вымышленное представленіе безчеловѣчія, которое онъ показалъ на судѣ имъ учиненномъ; и другія еще хитрости удивительнѣйшія, которыя онъ употребилъ противъ благопристойности и правилъ, но коихъ истинную причину народъ довольно вѣдалъ.

Здѣсь весьма пристойной будетъ случай показать молодымъ людямъ, что въ перьвые вѣка церкви надлежало дѣлать насиліе святымъ мужамъ, дабы ихъ принудить въ священнической или епископской чинъ, и что исторія церковная сообщаетъ на сіе множество изрядныхъ и пріятныхъ намъ примѣровъ, которыхъ однакожъ время не позволяетъ имъ расказывать. Чрезъ то возбуждается ихъ любопытство, и въ другихъ случаяхъ имъ обьявляютъ, сколько пролили слезъ святый Василій, Григорій Назіанзинъ, Златоустъ Августинъ, Павлинъ, и премногіе другіе, когда они принуждены были принять свя-

священство, или епископство, и сколько страхъ ихъ былъ безпритворенъ, и ихъ болѣзнь велика и искренна. Къ сему присовокупляютъ, что тягость сего бремени не уменшилась еще съ тѣхъ поръ, и стараются начертать въ ихъ сердцѣ сїе превосходное правило св. Григорїя великаго. „Тотъ, кто стяжаетъ добродѣтели „нужныя къ правленїю душъ, не долженъ за „то приниматься, какъ только по принужденїю; а тотъ, кто признаетъ въ себѣ, „что онъ ихъ не имѣетъ, не долженъ „браться за оное, хотя бы его и хотѣ„ли къ тому насильно принудить.

Император приказалъ окрестить его немедлѣнно, и посвятить по прошествїи осьми дней. Надлежитъ увѣдомить, что сїе постановленїе было противъ запрещенїя св. Павла, которой не велѣлъ поставлять въ Епископы никого изъ новокрещенныхъ, 1. Тимоѳ. и противъ обыкновенныхъ правилъ церкви; но что ето былъ самъ установитель III. 6. сихъ правилъ, которой выключилъ изъ нихъ св. Амвросїя чрезъ явное насилїе, которое его попущенїемъ здѣлалъ ему въ семъ случаѣ народъ, которой не хотѣлъ со всемъ и слышать его представленїй и отговорокъ. Сверьхъ сего правосудїе Амвросїя, его добронравїе, и достоинство извѣстное всему свѣту поставляли его выше Христїанъ новообращенныхъ.

Естьли бы повседневно произходило чтенїе въ классѣ такимъ порядкомъ, то удоб-

удобно понять, сколь бы далеко распространился успѣхъ по нѣсколькихъ лѣтахъ, коликое бы знанїе прїобрѣли молодые люди въ ихъ языкѣ; сколько бы они переняли любопытныхъ вещей касяющихся до исторїи или до древнихъ обыкновенїй; какоебъ множество нравоученїя собралось нечувствительно въ ихъ сердцѣ; сколько бы превосходныхъ и полезныхъ для поведенїя жизни правилъ они прїобрѣли изъ различныхъ частицъ исторїй ими читаемыхъ или имъ разсказываемыхъ; наконецъ съ какою бы охотою къ чтенїю они вышли изъ коллегїи; что я почитаю однимъ изъ главныхъ плодовъ, которыхъ надлежитъ ожидать отъ воспитанїя, потому что сїя охота, какъ уже о томъ упомянуто, предохранитъ ихъ отъ премногихъ опасностей съ праздностїю соединенныхъ, заставитъ ихъ любить и искать содружества ученыхъ и разумныхъ людей, и приведетъ къ нимъ въ ненависть сїи безсмысленные и лишенные всякой твердости разговоры, каторые бываютъ произшествїемъ невѣжества, и источникомъ безчисленныхъ золъ.

Я не думаю, чтобъ кто нибудь одинъ получасъ ежедневно или по крайней мѣрѣ черезъ день употребленной на изученїе природнаго языка почелъ чрезвычайно великимъ временемъ, между тѣмъ какъ весь остатокъ опредѣляется на упражненїе

въ

въ другихъ двухъ языкахъ, отъ которыхъ главная польза долженствуетъ быть та, чтобъ мы совершались въ нашемъ. Я большую имѣю причину опасаться укоренія въ томъ, что мы очень мало полагаемъ времени на оной: но многоразличность вещей, которымъ надлежитъ обучать въ классахъ, принуждаетъ насъ заключаться въ тѣсныхъ предѣлахъ; и я долженъ напомянуть Профессорамъ, чтобъ они изъ ихъ ни когда не выступали, и не распространяли много нравоучительныхъ и благочестивыхъ разсужденій, которыя, дабы могли имѣть желаемое дѣйствіе, долженствуютъ быть испущены такъ какъ стрѣлы, безъ очевиднаго умыслу, и всегда безъ принужденія и притворства.

§ III. Когда отроки будутъ нѣсколько разумѣть Латинскихъ писателей, то надобно заставить ихъ переводить писменно выборныя мѣста изъ оныхъ. О переводѣ.

Надлежитъ, чтобъ переводъ съ начала былъ простъ, ясенъ, исправенъ, и чтобъ онъ представлялъ совершенно мысли, да и самыя выраженія, сколько тому быть можно. Потомъ примутъ трудъ вычищать и украшать его выражая, тонкость и красоту Латинскихъ рѣчей чрезъ такія, которыя могутъ имъ соотвѣтствовать въ нашемъ языкѣ. Наконецъ отвѣдаютъ

дающъ мало по малу приводить молодыхъ людей къ сей степени совершенства, которая составляетъ успѣхъ въ ономъ родѣ писанія, къ сей, то есть, надлежащей посредственности, которая, удаляясь равно отъ принужденнаго рабол ѣпства и отъ излишной вольности, выражаетъ вѣрнымъ образомъ всѣ мысли, но такъ что меньше помышляетъ о числѣ, нежели о силѣ словъ.

Ето есть правило, которое * Цицеронъ, какъ онъ самъ объявляетъ, наблюдалъ въ переводѣ противныхъ рѣчей двухъ славнѣйшихъ Ораторовъ въ Греціи. „Сколь „жалко, говоритъ г. де Турель въ изрядномъ предисловіи къ его переводу сихъ „двухъ рѣчей, что списокъ, которой „находился еще во время св. Іеронима, и „которой для превосходства списчика „долженствовалъ столь много походить „на подлинникъ, не дошелъ до насъ? Онъ „бы насъ научилъ исправно переводить: „онъ бы намъ показалъ способъ свергать съ „себя

* Converti ex Atticis - - nec converti ut interpres, ſed ut orator, ſententiis iiſdem & earum formis tanquam figuris, verbis ad noſtram consvetudinem aptis, in quibus non verbum pro verbo neceſſe habui reddere, ſed genus omnium verborum, vimque ſervavi. Non enim ea me annumerare lectori putavi oportere, ſed tanquam appendere. Cic. *de opt. gen. Orat. n.* 14.

,,себя въ пристойныхъ случаяхъ иго скуч-
,,ной точности, и чрезмѣрнаго порабо-
,,щенія; онъ бы наконецъ предписалъ пре-
,,дѣлы какъ благоразсудной боязливости,
,,такъ и счастливой отважности. Цице-
,,ронъ, правда, означаетъ способъ, кото-
,,рому надлежитъ слѣдовать; но примѣръ
,,научаетъ совсемъ иначе, нежели пра-
,,вило.

Господинъ де Турель, говоря о труд-
ностяхъ перевода, сообщаетъ объ ономъ
нѣсколько общихъ правилъ, которыя учи-
тели и ученики употребить могутъ въ
пользу. ,,Къ сему всегдашнему принуж-
,,денію, говоритъ онъ, присовокупляется
,,еще различіе языковъ. Оно всегда тебѣ
,,дѣлаетъ остановку, а часто и въ от-
,,чаяніе тебя приводитъ. Ты чувству-
,,ешъ, что особливое свойство одного бы-
,,ваетъ часто противно свойству другаго,
,,и что оно пропадаетъ почти всегда въ
,,переводѣ. По чему справедливо обыкно-
,,венные переводы уподоблены изнанкѣ
,,ковровъ, которая много что удержива-
,,етъ грубыя черты оканчивающихся фи-
,,гуръ, кои лицо (настоящая сторона)
,,представляетъ.

По предложеніи прекраснаго мѣста изъ
Квинтиліана о трудности подражанія,
онъ присовокупляетъ: ,,ето правда, что
,,когда я перевожу, то слѣдую за дру-
,,гимъ, котораго я избралъ предводите-

„лемъ; и самое лучшее для меня дѣло въ „семъ случаѣ есть то, чтобъ остерегать-„ся, дабы моя привязанность къ предво-„дителю не очень далеко простиралась, „и дабы она не превратилась въ рабол ѣп-„ство, за тѣмъ что иначе вмѣсто под-„линниковъ исполненныхъ живости и жа-„ру, я представилъ бы бездушные и хо-„лодные списки. Я имѣю еще и другихъ „кромѣ сего важнаго за меня ручателя, „которой въ подобномъ случаѣ * не отдает-„ся въ порабощенїе слову, дѣлается об-„ладателемъ смысла, и такъ какъ бы по „праву завоеванїя подвергаетъ оной рѣчамъ „своево природнаго языка.

„Но съ другой стороны переводъ очень „вольной имѣетъ такъ же свои невыго-„ды, и избѣгая одной крайности, онъ „впадаетъ въ другую. Всякой парафразисъ „затмѣваетъ текстъ. Вмѣсто того, чтобъ „представить изсбраженїе, которое онъ „обѣщаетъ, онъ начертываетъ половину „отъ себя, а другую съ подлинника; изъ „чего составляется не знаю какое чудови-„ще, которое не походитъ ни на подлин-„никъ, ни на списокъ. Однакожъ переводчикъ „собственно говоря, не иное что есть, какъ „живописецъ, которой принимается спи-„сыватъ. Но всякой списчикъ, которой хоть „перемѣшиваетъ только черты, или ко-„торой

* Quasi captivos ſenſus in ſuam linguam victoris iure tranſpoſuit. *Hieron. ad Pammac.*

,,торой ихъ украшаетъ и переправляетъ
,,на свой маноръ, дѣлается не вѣрнымъ.
,,Онъ погрѣшаетъ въ правилѣ, и поступа-
,,етъ противъ своего собственнаго плану,
,,позабывая то, что онъ совершилъ свое
,,дѣло, когда достигнулъ сходствія, и
,,что онъ теряетъ напрасно весь свой
,,трудъ, когда сего сходствія у него не-
,,достаетъ. И потому я, какъ простой
,,переводчикъ, имѣю передъ собою обра-
,,зецъ, и не могу довольно ему сообража ть-
,,ся Ежели я распространяю или умно-
,,жаю то, что онъ стѣсняетъ, или со-
,,кращаетъ; ежели отягощаю его укра-
,,шеніями тогда, какъ онъ ихъ пренебре-
,,гаетъ; ежели помрачаю его красоты,
,,или прикрываю его недостатки, и еже-
,,ли наконецъ характеръ моего писателя,
,,каковъ бы онъ ни былъ, не виденъ бываетъ
,,въ словахъ мною ему сообщаемыхъ; то
,,я уже не его, но себя самаго предста-
,,вляю: и обманывая подъ именемъ пере-
,,водчика, я не перевожу, но произвожу.

,,И такъ первое обязательство перевод-
,,чика есть то, чтобъ онъ точно вызналъ
,,природу и свойство писателя, котора-
,,го онъ переводить хочетъ; чтобъ пре-
,,вратился въ него, сколько возможно;
,,чтобъ принялъ на себя мнѣнія и стра-
,,сти, которыя онъ обязывается намъ со-
,,общить; чтобъ укрощалъ въ своемъ сер-
,,дцѣ сіе внутреннее самоугожденіе, кото-

 ,,рое

„рое не перестаетъ насъ обращать къ себѣ
„самимъ, и которое вмѣсто того, чтобъ
„насъ примѣнять къ другимъ, примѣня-
„етъ къ намъ оныхъ; словомъ сказать,
„чтобъ онъ изображалъ съ одинакою прї-
„ятностїю и силою фразисы и фигуры по-
„длинника, такъ что, ежели нашъ языкъ
„чрезмѣрно здѣлавшись принужденъ отъ
„порабощенїя совершенному оныхъ сход-
„ствїю, не можетъ ему подать нужнаго
„къ сему, то чтобъ онъ освободился отъ
„такова раболѣпства, и принялъ всѣ воль-
„ности, которыя приводятъ насъ въ со-
„стоянїе удовлетворять равноцѣнными
„выраженїями.

Предисловїе къ переводу Омира.

Я присовокуплю здѣсь одно разсужде-нїе госпожи Дасїерши, которое можетъ послужить поправкою, или лучше сказать изъясненїемъ тому, что сказалъ господинъ де Турель; что переводчикъ, то есть, собственно говоря, не иное что есть, какъ списчикъ. „Когда я говорю „о переводѣ прозаическомъ, то я не разу-„мѣю переводу порабощеннаго: я говорю „о благородномъ и отважномъ переводѣ, „которой прилѣпляясь крѣпко къ мыслямъ „подлинника, изыскиваетъ красоты сво-„его языка, и представляетъ изображенїя „не считая словъ. Первой изъ нихъ для „излишней вѣрности дѣлается весьма не-„вѣрнымъ; за тѣмъ что для сохраненїя „слова, онъ разрушаетъ смыслъ, что бы-„ваетъ

,,ваетъ дѣйствїемъ холоднаго и неплодо-
,,витаго разума: вмѣсто того что дру-
,,гой стараясь болѣе всего сохранить
,,смыслъ, не минуетъ, при наибольшихъ
,,своихъ вольностяхъ сохранить слова;
,,и чрезъ свои отважныя, но всегда подлин-
,,ныя черты, онъ дѣлается не только
,,вѣрнымъ спискомъ своего подлинника, но
,,и еще вторымъ подлинникомъ; что не
,,можетъ произойти, какъ только отъ
,,твердаго, благороднаго и изобильнаго
,,разума. Переводъ совсемъ другое дѣло,
,,нежели списокъ картины. Списчикъ тутъ
,,принужденъ бываетъ слѣдовать чертамъ
,,цвѣтамъ, размѣрамъ, контурамъ, и
,,положенїямъ подлинника, которой онъ
,,списываетъ. Напротивъ того исправ-
,,ной переводчикъ меньше имѣетъ принуж-
,,денїя ... Въ семъ подражанїи, такъ какъ
,,и во всѣхъ другихъ, надлежитъ, чтобъ
,,духъ исполненной красотами, которымъ
,,онъ хочетъ подражать, и напоенной
,,счастливыми парами поднимающимися
,,изъ сихъ обильныхъ источниковъ, вос-
,,хищенъ былъ симъ чужимъ восторгомъ
,,такъ какъ своимъ собственнымъ, и чтобъ
,,такимъ образомъ онъ произвелъ рѣчи и
,,изображенїя весьма отмѣнныя, хотя въ
,,протчемъ сходственныя.

Сихъ правилъ, о которыхъ я объявилъ теперь, довольно будетъ для учениковъ. Надлежитъ только ихъ увѣдомить, что

переводѣ стихотворцовѣ имѣетѣ нѣсколько такихѣ, которыя ему собственны, и что хотя бы онѣ былѣ прозаическимѣ, однакожѣ долженствуетѣ отзываться свойствомѣ поэзіи; сохранять ея жарѣ, живость, и благородную отважность; и слѣдовательно употреблять, не сумняся слова, фразисы, фигуры, которыя бы показались несносны вѣ ораторѣ или историкѣ.

Я уже показалѣ, что весьма полезно выбирать наилучшія мѣста вѣ писателяхѣ, дабы ихѣ переводили молодые люди. Кромѣ того, что они находятѣ вѣ нихѣ много пріятности, и ихѣ переводятѣ сѣ большимѣ стараніемѣ, то есть надежнѣйшее средство кѣ направленію ихѣ вкуса. Чрезѣ то они подружаются сѣ сими писателями, и перенимаютѣ у нихѣ нечувствительно фразисы, манеры, замыслы.

Когда сіи писатели переведены будутѣ искусными людьми, то небезполезно будетѣ сравнивать оные переводы сѣ переводами учениковѣ, дабы придать симѣ больше ободренія, и предложить хорошіе образцы. Они не устыдятся быть побѣжденными отѣ такихѣ переводчиковѣ. Они сочтутѣ себѣ вѣ честь за ними послѣдовать, хотя издалека; и будутѣ усиливаться, чтобѣ приближиться кѣ нимѣ, сколько можно, болѣе. Иногда они сѣ ними

ми сравняются, а можетъ статься, и превзойдутъ ихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ.

Понеже примѣры больше всегда имѣютъ силы, нежели правила, то я предложу здѣсь переводъ нѣкоторыхъ писемъ Плинія младшаго, которой будетъ безъ сумнѣнія весьма пріятенъ читателю и весьма полезенъ молодымъ людямъ.

C. Plinius Cornel. Tacito ſuo. S.

Ridebis, et licet rideas. Ego Plinius ille, quem noſti, apros tres, et quidem pulcherrimos, cepi. Ipſe? inquis Ipſe: non tamen ut omnino ab inertiâ meâ et quiete diſcederem. Ad retia ſedebam, erant in proximo, non venabulum aut lancea, ſed ſtylus et pugillares. Meditabar aliquid enotabamque, ut, ſi manus vacuas, plenas tamen ceras reportarem. Non eſt, quod contemnas hoc ſtudendi genus. Mirum eſt, ut animus agitatione motuque corporis excitetur. Iam undique ſilvae et ſolitudo, ipſumque illud ſilentium quod venationi datur, magna cogitationis incitamenta ſunt. Proinde, cum venabere, licebit, auctore me, ut panarium et laguneulam, ſic etiam pugillares feras. Experieris non Dianam magis montibus quam Minervam inerrare. Vale. Lib. I. ep. 6.

A Corneile Tacite.	Корнелію Тациту.
Vous allez rire, & je vous le permets: riez- en tant qu'il vous plai-	Вы будете смѣяться, и єто я вамъ позволяю; смѣйтесь,

 ra.

ra. Ce Pline que vous connoissez, a pris trois sangliers, mais très-grands. Quoi lui même, dites-vous? lui-même. N'allez pourtant pas croire qu'il en ait coûté beaucoup à ma paresse. J'étois assis près des toiles. Je n'avois à côté de moi ni épieu ni dard, mais des tablettes & une plume. Je rêvois, j'écrivois, & je me préparois la consolation de remporter mes feuilles pleines, si je m'en retournois les mains vuides. Ne méprisez pas cette manière d'étudier. Vous ne sauriez croire combien le mouvement du corps donne de vivacité à l'esprit: sans compter que l'ombre des forêts, la solitude, & ce profond silence qu'exige la chasse, sont très-propres à faire naître d'heureuses pensées. Ainsi croyez-moi, quand vous irez chasser, portez vo-

сколько вамъ угодно. Я тотъ Плиній, котораго вы знаете, поймалъ трехъ кабановъ отмѣнной величины. Какъ! самъ, скажете вы? самъ. Однако вы не думайте, чтобъ ето много-ва стоило моей лѣности. Я сидѣлъ близъ тенетъ. И не имѣлъ при себѣ ни рогатины, ни копья, но записную книжку и перо. Я размышлялъ, писалъ и приготовлялся утѣшать себя тѣмъ, что принесу съ собою по крайней мѣрѣ листы мои наполненны, ежели я возвращусь съ пустыми руками. Не презирайте такова ученія. Вы едва можете повѣрить, сколько движеніе тѣла придаетъ живости разуму: не считая того, что тѣнь лѣсная, уединенность, и сіе глубокое молчаніе,

tre pannetiére & votre bouteille, mais n'oubliez pas vos tablettes. Vous éprouverez que Minerve se plaît autant sur les montagnes que Diane. Adieu.

котораго требуетъ ловля звѣриная, суть весьма способны къ произведенїю счастливыхъ замысловъ. И такъ послушайтесь меня; когда вы пойдете на охоту, то понесите съ собою коробъ и бутылку, но не забудьте притомъ и вашей книжки. Вы найдете, что Минервѣ не меньше угодно быть на горахъ, какъ и Дїанѣ.

Здѣсь все переведено литерально, и съ великою вѣрностїю; однакожъ нѣтъ ничего принужденнаго, ничего, что бы отзывалось переводомъ; все имѣетъ видъ подлинника.

Молодымъ людямъ примѣчать велятъ, что *Ego Plinius ille* не можно перевесть красиво на Францускомъ языкѣ чрезъ первое лице: что надлежало поставить въ мѣсто слова *ceras*, другое выраженїе сходственнѣйшее съ нашимъ употребленїемъ, и что сїя рѣчь, *тѣнь лѣсная*, дѣлаетъ звукъ многочисленнѣйшїй и слуху прїятнѣйшїй, нежели когдабъ поставлено

было такъ какъ въ Латинскомъ, *не считая, что лѣса, уединенность, и проч.*

C. Plinius Minutio Fund. suo S.

Lib. 1. ep. 8.

Mirum est, quam singulis diebus in urbe ratio aut constet, aut constare videatur pluribus, cunctisque (или *junctisque*) *non constet. Nam, si quem interroges: hodie quid egisti? respondeat: officio togae virilis interfui; sponsalia aut nuptias frequentavi; ille me ad signandum Testamentum, ille in advocationem, ille in consilium rogavit. Haec, quo die feceris, necessaria, eadem, si quotidie fecisse te reputes, inania videntur, multò magis cum secesseris. Tunc enim subit recordatio, quot dies quam frigidis rebus absumpsi? Quod evenit mihi postquam in Laurentino meo aut lego aliquid, aut scribo, aut etiam corpori vaco, cuius fulturis animus sustinetur. Nihil audio, quod audisse, nihil dico, quod dixisse poeniteat. Nemo apud me quemquam sinistris sermonibus carpit: neminem ipse reprehendo, nisi unum me, cum parum commode scribo. Nullâ spe, nullo timore sollicitor, nullis rumoribus inquietor Mecum tantum et cum libellis loquor. O rectam sinceramque vitam! O dulce otium, honestumque, ac pene omni negotio pulcrius! O mare, ô littus, verum secretumque μουσεῖον! Quam multa invenitis, quam multa dictatis! Proinde tu quoque strepitum istum, inanemque discursum, et multum ineptos labores, ut primum fuerit occasio, relinque, teque studiis vel otio trade. Satius est enim, ut Attilius noster eruditissime simul et facetissime dixit, praestat otiosum esse, quam nihil agere. Vale.*

A Minutius Fundanus.

C'eſt une choſe étonnante de voir, comment le tems ſe paſſe à Rome. Prenez chaque journée à part, il n'y en a point qui ne ſoit remplie: raſſemblez les toutes, vous êtes ſurpris de les trouver ſi vuides. Demandez à quelqu'un, Qu'avez-vous fait aujourd hui? J'ai aſſiſté, vous dira t-il, à la cérémonie de la robe virile, qu'un tel a donnée à ſon fils. J'ai été prié à des fian-çailles ou à des noces. On m'a demandé pour la ſignature d'un Teſtament. Celui-ci m'a chargé de ſa cauſe. Celui-là m'a fait appeller à une conſultation. Chacune de ces choſes, quand on l'a faite, a paru néceſſaire: toutes enſemble paroiſſent inutiles, & bien davantage quand on les

Минутїю Фундану.

Чудное дѣло видѣть, какимъ образомъ время проходитъ въ Римѣ. Возмите всякой день особенно, не будетъ ни одного, которой бы не былъ исполненъ: соберите ихъ всѣхъ вмѣстѣ, вы удивитесь, находя ихъ столь пустыми. Спросите кого нибудь, что ты сего дня здѣлалъ? Я былъ, скажетъ онъ вамъ, при церемонїи мужеской одежды, которую такой то человѣкъ далъ своему сыну. Я приглашенъ былъ на зговоръ, или на свадьбу. Меня просили подписать Духовную. Сей повѣрилъ мнѣ свое дѣло. Тотъ призвалъ меня въ совѣтъ. Каждая изъ сихъ вещей по ея учиненїи казалась нужною; а соединясь всѣ вмѣстѣ онѣ ге-

repaſſe dans une agré-able ſolitude. Alors vous ne pouvez vous empêcher de vous dire: A quel les bagatelles ai-je perdu mon tems? C'eſt ce que je répéte ſans-ceſſe dans ma terre de Laurentin. ſoit que je liſe, ſoit que j'écrive, ſoit quà mes études je mêle les exercices du corps, dont la bonne diſpoſition influe tant ſur les opérations de l'eſprit. Je n'entends, je ne dis rien, que je me repente d'avoir entendu, & d'avoir dit. Perſonne ne m'y fait d'ennemis par de mauvais diſcours. Je ne trouve à redire à perſonne, ſinon à moi-même, quand ce que je compoſe n'eſt pas à mon gré. Sans deſirs, ſans crainte, à couvert

кажутся безполезны, особливо еще, когда онѣ разсматриваются въ прїятномъ уединенїи. Тогда вы не можете удержаться, чтобъ не сказать себѣ: въ какихъ безделицахъ я потерялъ свое время? Ето есть то, что я повторяю безпрестанно въ моей землѣ Лаврентинской, хотя я читаю, хотя пишу, хотя при моихъ ученїяхъ екзерцитую тѣло, котораго доброе сложенїе столь много способствуетъ дѣйствїямъ разума. Я не слышу, и не говорю ничего, о чемъ бы я раскаивался, что слышалъ, или сказалъ. Никто мнѣ не дѣлаетъ непрїятелей худыми рѣчьми. Я никого непорочу, какъ только себя самаго, когда сочиненїе мое мнѣ

des bruits fâcheux, rien ne m'inquiéte. Je ne m'entretiens qu'avec moi & avec mes Livres. O l'agréable, ô l'innocente vie! Que cette oisiveté est aimable, qu'elle est honnête, qu'elle est préférable même aux plus illustres emplois! Mer, rivage, dont je fais mon vrai cabinet, que vous m'inspirez de nobles & d'heureuses pensées! Voulez-vous m'en croire, mon cher Fundanus? Fuyez les embarras de la ville. Rompez au plutôt cet enchaînement de soins frivoles qui vous y attachent. Adonnez-vous à l'étude ou au repos, & songez que ce qu'a dit si spirituellement & si plaisamment notre ami Attilius, n'est que trop vrai: il vaut infiniment mieux ne rien faire,

не нравится. Не имѣя ни прихотей, ни опасности, и отдаленъ будучи отъ досадныхъ служовъ, я ничемъ не безпокоюсь. Я разговариваю только съ самимъ собою, и съ моими книгами. О прїятная, о невинная жизнь! сколь сїя праздность любезна, сколь честна, сколь превосходнѣе самыхъ знатныхъ дѣлъ! О море, о берегъ, которыя составляете мой истинной кабинетъ, сколько благородныхъ, сколько счастливыхъ влагаете мнѣ мыслей! Послушайтесь меня, любезной мой Фунданъ. Убѣгайте отъ безпокойствїй городскихъ. Прервите скоряе сїю цепь пустыхъ попеченїй, которыя васъ тамъ привязываютъ. Вдай-

faire, que de faire des riens. Adieu.

тесь въ ученіе или покой, и подумайте, что рѣчь нашего друга Аттилія столь остроумно и столь забавно сказанная, весьма справедлива: лучше несравненно ничего не дѣлать, нежели дѣлать бездѣлицы.

Удовольствіе чувствуемое при чтеніи сего переводу, большую дѣлаетъ ему похвалу, нежели все то, что бы я могъ объ немъ сказать. То, что особливо мнѣ пріятно въ ономъ, есть вѣрность переводчика въ выраженіи всѣхъ мыслей, и всѣхъ почти рѣченій; и при всемъ томъ красивой видъ, которой онъ имъ даетъ; и ето есть то, что надлежитъ прилѣжно показывать молодымъ людямъ. Иногда приданное къ стати прилагательное возвышаетъ мысль: *сколько благородныхъ, сколько счастливыхъ влагаете мнѣ мыслей*! Можно было подлинникъ перевесть просто, *сколько влагаете мнѣ мыслей*! *Quam multa invenitis, quam multa dictatis*! Иногда Метафора поставленная вмѣсто простаго и натуральнаго выраженія украшаетъ фразисъ. Сіи слова Латинскія *et multum ineptos labores, ut primum fuerit occasio, relinque*, могли

гли такъ стоять въ переводѣ; *оставте скоряе сіи пустыя упражненія.* Метафорическое выраженіе больше имѣетъ пріятности; *прервите скоряе сію цель пустыхъ попеченій, которыя насъ тамъ привязываютъ.* Тутъ наблюдается сходствіе и исправность словъ, которыя продолжаются въ той же самой Метафорѣ; *прервите, цѣль, привязываютъ*; при семъ и то еще замѣчается, что Французской переводъ присовокупляетъ двѣ прекрасныя мысли къ Латинскому подлиннику: *цѣль пустыхъ попеченій*, вмѣсто того, чтобъ сказать просто, пустыя попеченія, *inep-tos labores*, что больше имѣетъ силы и дѣйствія, и показываетъ, какимъ образомъ сіи упражненія послѣдуютъ безпрестанно одни за другими. *Которыя насъ тамъ привязываютъ*, не стоитъ въ Латинскомъ, и было нужно къ учиненію фразиса числительнѣйшимъ.

Я оставляю многія симъ подобныя наблюденія, чтобъ приступить скорѣе къ нѣкоторымъ критическимъ примѣчаніямъ. Мнѣ кажется, что въ дѣлѣ столь изрядномъ, какъ сіе, они долженствуютъ быть позволены; и что хотя бы въ немъ и сыскались нѣкоторыя погрѣшности, которыхъ и самые искуснѣйшіе люди едва минуютъ, однакожъ онѣ не уменшаютъ ни достоинства переводу, ни чести переводившаго. Въ протчемъ я дѣлаю

здѣсь

здѣсь то, чтобы я учинилъ въ классѣ читая сей переводъ ученикамъ, которымъ бы, какъ я думаю, я обязанъ былъ предлагать мои сумнѣнія, и показывать тѣ мѣста, которыя могутъ удаляться отъ смыслу.

Сей повѣрилъ мнѣ свое дѣло. Я не вѣдаю, етотъ ли имѣютъ смыслъ сіи слова, *ille me in advocationem rogavit.* Въ доброй Латынѣ *Advocatus* не значитъ *Стряпчаго*, но того, которой помогаетъ стряпчему своими совѣтами, или своею силою присутствуя при тяжбѣ. Однакожъ во время Плинія сіе слово имѣло и первое означеніе, и Квинтиліанъ употребляетъ его весьма часто въ семъ смыслѣ. То, что принуждаетъ меня сумниться, чтобъ *Advocatio* значило здѣсь должность стряпчаго, есть то, что различныя упражненія, о которыхъ упоминаетъ Плиній въ семъ письмѣ, состоятъ всѣ почти въ одной церемоніи, гдѣ потеряніе времени наиболѣе дѣлается чувствительно; вмѣсто того, что нѣтъ ничего дѣльнѣе ничего важнѣе, какъ должность стряпчаго, ичто не можно поистиннѣ почесть временемъ вотще употребленнымъ то, которое онъ провождаетъ въ защищеніи своихъ челобитчиковъ.

Каждая изъ сихъ вещей, когда учинены, казалась нужною, а соединясь всѣ вмѣстѣ онѣ кажутся безполезны. Въ Латинскомъ со-

стоитъ совсемъ другая мысль. *При разсмотрѣнїи сихъ вещей въ тотъ самой день, какъ онѣ дѣлаются, онѣ кажутся нужны: но когда начинаютъ въ послѣдствїи разсуждать, что въ учиненїи оныхъ проведены были всѣ дни, то въ нихъ находятъ много пустоты и безполезности.*

Хотя при моихъ ученїяхъ екзерцитую тѣло, котораго доброе сложенїе столь много способствуетъ дѣйствїямъ разума. Надлежитъ увѣдомить молодыхъ людей, что иногда бываютъ въ Латинскомъ языкѣ такїя мысли и выраженїя, которыхъ нельзя точно изъяснить во Французскомъ и въ мѣсто которыхъ становить должно другїя, которыя бы походили на тѣ, сколько можно, болѣе. Сїе мѣсто находится тому примѣромъ, и мы увидимъ еще другїя въ послѣдствїи сего. Подлинникъ Латинской представляетъ здѣсь прекрасную мысль. Наше тѣло есть такъ какъ бы зданїе, но зданїе развальчивое, которое имѣетъ безпрестанную въ томъ надобность, чтобъ его подкрѣпляли и поддерживали, безъ чего оно упало бы и раззсрилось немедлѣнно. Пища, покой, прогулка, различныя екзерцицїи служатъ ему вмѣсто подпоры и подкрѣпленїя. И въ тожъ самое время все сїе способствуетъ къ подкрѣпленїю духа. *Aut etiam corpori vaco, cuius fulturis animus sustinetur.* Французской переводъ не выразилъ сей красоты.

Никто мнѣ не дѣлаетъ непрїятелей худыми рѣчьми Въ Латинскомъ во все не тотъ смыслъ; надлежитъ, чтобъ переводчикъ читалъ иначе, нежели мы имѣемъ въ текстѣ. *Nemo apud te quemquam sinistris sermonibus carpit*, значитъ, *никто передо мною не принимаетъ вольности безславить кого нибудь худыми рѣчьми.*

Сколь сїя праздность любезна ... сколь превосходнѣе самыхъ знатныхъ дѣлъ! подлинникъ не столько жестокъ; онъ полагаетъ нѣкоторую поправку, которая нужна была для умягченїя отважности и чрезмѣрности въ сей мысли. *O dulce otium honestumque, ac pene omni negotio pulchrius.* Въ самомъ дѣлѣ справедливо ли ето, чтобъ сладость покоя была всегда превосходнѣе государственныхъ должностей, которыя суть чрезвычайно трудны и обременительны? Естлибъ сїе изреченїе имѣло мѣсто, то чемъ бы учинилось государство?

Лучше не сравненно ничего недѣлать, нежели дѣлать бездѣлицы. Можно сперьва усумниться, подлинно ли сїя мысль, хотя она прекрасна, есть писателя. Ибо *otiosum esse* не значитъ обыкновенно *ничего не дѣлать*, но быть празднымъ, быть безъ дѣла, безъ нужныхъ и нетерпящихъ времени упражненїй, что не препятствуетъ упражняться, и трудиться, но подаетъ еще случай отправлять дѣла, только непринужденнымъ, и слѣдовательно прїятнѣй-

тнѣйшимъ образомъ. Сей то есть смыслъ замысловатой рѣчи Сципіона Африканскаго, которой говаривалъ; *nunquam se minus otiosum esse, quam cum otiosus esset*: * что *онъ не былъ никогда меньше празденъ, какъ когда находился въ праздности, никогда болѣе не упражнялся, нежели тогда какъ онъ былъ безъ упражненія.* Напротивъ того *nihil agere* значитъ обыкновенно ничего не дѣлать; и это есть одинъ изъ трехъ пороковъ, которыми † Сенека укоряетъ премногихъ людей провождающихъ наибольшую часть ихъ жизни или въ бездѣйствіи, или въ худодѣяніи, или въ дѣланіи совсемъ чего нибудь другова, нежели надлежало. Cic. lib. 3. off. n. 1.

Однакожъ естли кто разсмотритъ со вниманіемъ то мѣсто, о которомъ рѣчь идетъ, то узнаетъ, что Француской переводъ выражаетъ вѣрно мысль текста. Ибо Плиній побуждаетъ Фундана удалиться въ деревню, дабы тамъ онъ вдался въ ученіе, или покой *teque studiis vel otio trade*: которое противуположеніе показываетъ, что

* Я не знаю, исправно ли перевелъ сіе мѣсто г. Дюбоа. Онъ *говаривалъ, что онъ не имѣлъ никогда болѣе дѣлъ, нежели въ то время, какъ онъ безъ дѣлъ находился.*

† Si volueris attendere, magna vitae pars elabitur male agentibus, maxima nihil agentibus, tota aliud agentibus. *Senec. ep. 1.*

что *otium* не долженствуетъ здѣсь считаться за одно со временемъ, которое опредѣляется для ученія. И такъ *otiosum esse* значитъ спокоиться, ничего не дѣлать; а *nihil agere* соотвѣтствуетъ пустымъ упражненіямъ въ городѣ, которыя Плиній назвалъ *multum ineptos labores*. Слѣдовательно *nihil agere* выражается счастливо сими словами, *дѣлать бездѣлицы*; тотъ же самой смыслъ приписывается сему изреченію въ Лексиконѣ называемомъ, *Сокровище* Стефана; *rebus inanibus implicari*. И въ сіе то время уже видно становится, что помянутая рѣчь сказана весьма замысловато и смѣшно, *eruditissime simul et facetissime*; вмѣсто того, что не было бы великаго остроумія, а еще меньше забавности, естлибъ она значила, что *лучше быть празднымъ, нежели ничего не дѣлать*.

Мнѣ кажется, что сего роду критика можетъ быть полезна молодымъ людямъ; и что это есть изрядное средство къ направленію ихъ разсудка, чтобъ предлагать имъ сумнѣнія, такъ какъ я здѣсь учинилъ, и стараться, дабы они сами находили оныхъ рѣшеніе, естли это бываетъ возможно.

C. Plinius Bebio Hispano suo S.

Lib. I. ep. 24. *Tranquillus, contubernalis meus, vult emere agellum quem venditare amicus tuus dicitur. Rogo cures, quanti aequum est, emat: ita enim delectabit emisse.*

emisse. Nam mala emptio semper ingrata est, eò maximè quòd exprobrare stultitiam Domino videtur. In hoc autem agello (si modò arriserit pretium) Tranquilli mei stomachum multa sollicitant: vicinitas urbis, opportunitas viae, mediocritas villae, modus ruris, qui avocet magis, quàm distringat. Scholasticis (alit. Dominis) porro studiosis, ut hic est, sufficit abundè tantum soli, ut relevare caput, reficere oculos, reptare per limitem, unamque semitam terere, omnesque viticulas suas nosse, et numerare arbusculas possint. Haec tibi exposui, quò magis scires, quantum ille esset mihi, quantum ego tibi debiturus, si praediolum istud, quod commendatur his dotibus, tam salubriter emerit, ut poenitentiae locum non relinquat. Vale.

A Bebius

Suétone, qui loge avec moi, a dessein d'acheter une petite Terre, qu'un de vos amis veut vendre. Faites ensorte, je vous prie, qu'elle ne soit vendue que ce qu'elle vaut. C'est à ce prix qu'elle lui plaîra. Un mauvais marché ne peut être que desagréable, mais principalement par le reproche

Бебію.

Светоній, которой живетъ со мною, имѣетъ намѣреніе купить небольшую землю, которую одинъ изъ друзей вашихъ продать желаетъ. Постарайтесь здѣлать такъ, чтобъ она продана была за столько, какъ она стоитъ. По такой единственно цѣнѣ она ему угодна будетъ. Дорогая покупка не мо-

continuel qu'il semble nous faire de notre imprudence. Cette acquisition (si d'ailleurs elle n'est pas tropchère) tente mon ami par plus d'nn endroit: son peu de distance de Rome, la commodité des chemins, la médiocrité des bâtimens, les dépendances plus capables d'amuser que d'occuper. En un mot il ne faut à ces Messieurs les Savans, absorbés comme lui dans l'étude, que le terrein nécessaire pour délasser leur esprit, & réjouir leurs yeux. Il ne leur faut qu'une allée pour se promener, qu'une vigne, dont ils puissent connoître tous les seps, quedes arbres, dont ils puissent savoir le nombre. Je vous mande tout ce détail, pour vous apprendre

жетъ не быть противна, тѣмъ наипаче, что кажется, что она уличаетъ насъ безпрестанно въ нашей безразсудности. Сїе стяжанїе (естьли только оно не чрезвычайно дорого) прельщаетъ моего друга многими выгодностьми, каковы суть, малое онаго разстоянїе отъ Рима, спокойность дорогъ, посредственность зданїй, и принадлежности способнѣйшїя къ увеселенїю, нежели къ занятїю трудами. Словомъ сказать, господамъ ученымъ погрузившимся, такъ какъ онъ, въ науки, ничего больше ненадобно, какъ земля, которой довольно быть можетъ къ облегченїю ихъ духа, и къ увеселенїю ихъ глазъ. Имъ надобны только, алея для

quelle

quelle obligation il m'aura, & toutes celles que lui & moi vous aurons, s'il achette, à des conditions dont il n'ait jamais lieu de se repentir, une petite maison telle que je viens de la dépeindre. Adieu.

прохаживанія, виноградъ, котораго бы они могли знать всѣ кусты, и дерева, которыхъ бы число имъ извѣстно было. Я вамъ предлагаю всю сію подробность, дабы чрезъ то показать, сколько онъ мною, а я вами обязанъ буду, ежели онъ купитъ на такихъ договорахъ, о которыхъ никогда не будетъ имѣть причины раскаиваться, домикъ такой, какъ я теперь его описалъ.

Сіе письмо, хотя очень кратко и просто, однакожъ много имѣетъ тонкости. Переводъ по счастію выражаетъ всѣ его красоты, выключая только одну, которой нашъ Францускои языкъ принять не можетъ: я говорю о уменшительныхъ словахъ, которыя въ Латинскомъ, особливо когда дѣло касается до развеселенія матеріи, имѣютъ удивительную пріятность. *Agellum*; *viticulas*; *arbusculas*; *prædiolum*. Я полагаю въ томъ же родѣ сей участитель-

ной глаголъ *reptare per limitem*, котораго красоту болѣе чувствовать, нежели изъяснить можно.

C. Plinius Proculo suo S.

Lib. 3. ep. 15. *Petis, ut libellos tuos in secessu legam, examinemque, an editione sint digni. Adhibes preces: allegas exemplum. Rogas etiam, ut aliquid succisivi temporis studiis meis subtraham, impertiar tuis. Adjicis, M. Tullium mirâ benignitate Poëtarum ingenia fovisse. Sed ego nec rogandus sum, nec hortandus. Nam et Poëticen ipsam religiosissimè veneror, et te validissimè diligo. Faciam ergo, quod desideras, tam diligenter quàm libenter. Videor autem jam nunc posse rescribere esse opus pulcrum, nec supprimendum, quantum æstimare licuit ex iis, quæ me præsente recitasti: si modò mihi non imposuit recitatio tua. Legis enim svavissimè et peritissimè. Confido tamen me non sic auribus duci, ut omnes aculei judicii mei illarum delinimentis refringantur. Hebetantur fortasse, et paululum retunduntur; revelli quidem extorquerique non possunt. Igitur non temerè jam de universitate pronuntio: de partibus experiar legendo. Vale.*

A Proculus.

Vous me priez de lire vos Ouvrages dans ma retraite, & de vous dire, s'ils sont dignes d'être publiés. Vous

Прокулу.

Вы просите, чтобъ я прочиталъ ваши Сочиненія въ моей уединенности; и чтобъ вамъ сказалъ, достойны ли

m'en pressez : vous autorisez vos priéres par des exemples. Vous me conjurez même de prendre sur mes études une partie du loisir que je leur destine, & de la donner aux vôtres. Enfin, vous me citez Cicéron, qui se faisoit un plaisir de favoriser & d'animer les Poëtes. Vous me faites tort. Il ne faut ni me prier, ni me presser. Je suis adorateur de la Poësie, & j'ai pour vous une tendresse que rien n'égale. Ne doutez donc pas que je ne fasse avec autant d'exactitude que de joie ce que vous m'ordonnez. Je pourrois déjà vous mander que rien n'est plus beau, & ne mérite mieux de paroî-

они изданія въ свѣтъ. Вы меня къ тому понуждаете, оправдая свое прошеніе примѣрами. Молитесь еще мнѣ, чтобъ я удѣлилъ отъ моихъ ученій хоть одну частицу досужности, которую я для ихъ опредѣляю, и чтобъ употребилъ оную на ваши. На конецъ мнѣ представляете Цицерона, которой любилъ благопріятствовать стихотворцамъ, и дѣлать имъ ободреніе. Напрасно вы такимъ образомъ поступаете со мною. Не надобно меня ни просить, ни понуждать. Я обожаю поэзію, и имѣю къ вамъ несравненную горячность. И потому не сумнѣвайтесь, чтобъ я не здѣлалъ съ не меньшею точностію, какъ и радостію то,

tre, du-moins autant que j'en puis juger par les endroits que vous m'avez fait voir : si pourtant votre prononciation ne m'a point imposé; car vous lisez d'un ton fort imposteur. Mais j'ai assez bonne opinion de moi, pour croire que le charme de l'harmonie ne va point jusqu'à m'ôter le jugement. Elle peut bien le surprendre, mais non pas le corrompre ni l'altérer. Je crois donc déjà pouvoir hazarder mon avis sur le corps de l'Ouvrage. La lecture m'apprendra ce

что вы мнѣ повелѣваете. Можно кажется и теперь вамъ донести, что нѣтъ ничего прекраснѣе, ничего, что бы заслуживало болѣе народнаго зрѣнія, по крайней мѣрѣ сколько я могу о томъ судить по тѣмъ мѣстамъ, которыя вы мнѣ показали, естьли только ваше произношеніе меня не прельстило; ибо вы читаете нѣкоторымъ весьма прелестнымъ голосомъ. Однакожъ я не столь худое имѣю о себѣ мнѣніе, чтобъ думалъ, что пріятность согласія отняла у меня разсудокъ. Она можетъ его обольстить, а не повредить и испортить. И такъ думаю, что я уже могу отважиться объявить свое мнѣніе о всемъ вообще

que

que je dois penser de chaque partie. Adieu.

сочиненіи. Чтеніе покажетъ мнѣ, что я долженъ думать о каждой части.

Я разсмотрю въ семъ письмѣ одно только мѣсто, которое довольно имѣетъ трудности и красоты. *Confido tamen me non sic auribus duci, ut omnes aculei judicii mei illarum delinimentis refringantur. Hebetantur fortasse, et paululum retunduntur, revelli quidem extorquerique non possunt.*

Дабы изтолковать исправно молодымъ людямъ сіе мѣсто, надлежитъ начать изъясненіемъ метафоры, которая состовляетъ всю онаго трудность и всю красоту. Сія метафора состоитъ въ словѣ *aculeus*, которое значитъ *острожонечникъ*, напримѣръ, у копья, или стрѣлы, котораго дѣйствіе есть то, чтобъ пронзать, прострѣливать. Но три вещи могутъ или уменьшить или уничтожить совершенно сіе дѣйствіе: ежели острожонечникъ притупляется, *hebetari*, *retundi*; ежели онъ переламывается, *refringi*; наконецъ естьли совсемъ вырывается изъ дерева, въ которомъ желѣзо утверждено бываетъ *revelli*, *extorqueri*.

Плиній выражаетъ чрезъ *острожонечникъ* проницательность разсужденія, которая хотя можетъ быть притуплена чрезъ дѣйствіе, которое пріятность произно-

изношенія произвела въ его ушахъ, но не преломлена, а еще меньше того во все изторжена.

Можно нѣсколько усумниться, сходственныли суть между собою, и соотвѣтствуютъ ли одно другому сіи два понятія, *delinimenta*, и *refringunt*, поелику одно изъясняетъ тихость и пріятность, а другое наглость и насиліе. Но я не знаю не значилоли бы ето быть излишно разборчивымъ, чтобъ требовать такой точности, и не довольно ли того, чтобъ прелести произношенія могли произвесть въ разсудкѣ то дѣйствіе, о которомъ рѣчь идетъ, хотя бы въ натурѣ и не находилось какой нибудь пріятности, которая бы притупляла остроконечникъ, и которая бы его переламывала, или вырывала.

Переводчикъ изъяснилъ сіе мѣсто такимъ образомъ: *я не столь худое имѣю о себѣ мнѣніе, чтобъ думалъ, что пріятность согласія отняла у меня розсудокъ. Она можетъ его обольстить, а не повредить, и испортить.* Я не сумнюсь, чтобъ, имѣя столь тонкой вкусъ, онъ не употребилъ всѣхъ силъ къ выраженію Латинской метафоры. Но видя, что нашъ языкъ немогъ ее принять, и чувствуя довольно, что естлибъ онъ поработился выраженіямъ, то бы неотмѣнно обезобразилъ мысль, онъ послѣдовалъ совѣту, которой Гора-

цїй подаетъ въ другомъ дѣлѣ, и которой состоитъ въ томъ, чтобъ оставлять матерїю, которую отчаяваются исправно написать; *et quæ Desperat tractata nitescere posse, relinquit.* И такъ сохранивъ силу мысли, онъ ей далъ другой видъ, которой кажется натуральнѣе, и которой не меньше красивъ какъ и Латинской. *De Art. Poet.*

Здѣсь то предлагается одно изъ важнѣйшихъ правилъ о переводѣ, которое надлежитъ крѣпко внушать молодымъ людямъ, и которое особливо нужно для метафоръ, кои обыкновенно дѣлаютъ мученїе переводчикамъ, и приводятъ ихъ въ отчаянїе, и коихъ часто неможно бываетъ перенесть на другой языкъ, не перемѣнивъ всѣхъ прїятностей.

C. Plinius Maximo suo S.

Nuper me cuiusdam amici langvor admonuit, optimos esse nos, dum infirmi sumus: Quem enim infirmum aut avaritia aut libido sollicitat? Non amoribus servit, non appetit honores, opes negligit, et quantulumcunque, ut relicturus, satis habet. Tunc deos, tunc hominem esse se meminit. Invidet nemini, neminem miratur, neminem despicit; ac ne sermonibus quidem malignis aut attendit, aut alitur. Balnea imaginatur, et fontes. Haec summa curarum, summa votorum: mollemque in posterum et pinguem, si contingat evadere, hoc est innoxiam beatamque destinat vitam. Possum ergo, quod pluribus verbis, pluribus etiam voluminibus Philosophi docere conan- Lib. 7. ep. 26.

nantur, ipse breviter tibi mihique praecipere, ut tales esse sani perseveremus, quales nos futuros esse profitemur infirmi. Vale.

A Maxime.

Ces jours passés, la maladie d'un de mes amis me fit faire cette réflexion, que nous sommes fort gens de bien quand nous sommes malades. Car quel est le malade que l'avarice ou l'ambition tourmente? Il n'est plus enivré d'amour, entêté d'honneurs. Il néglige le bien, & compte toujours avoir assez du peu qu'il se voit sur le point de quitter. Il croit des Dieux, & il se souvient qu'il est homme. Il n'envie, il n'admire, il ne méprise la fortune de personne. Les médisances ne lui font ni

Максиму.

На прошедшихъ дняхъ болѣзнь одного изъ моихъ друзей подала мнѣ сїе разсужденїе, что мы бываемъ довольно честны въ то время, какъ неможемъ. Ибо естьли такой больной, которой бы мучился сребролюбїемъ, или желанїемъ себя возвысить? Не тревожится онъ любовїю, не гоняется за честьми, пренебрегаетъ богатство, и довольствуется малою долею, которую видитъ себя принужденнымъ вскорѣ оставить. Онъ тогда вѣритъ въ боговъ, и помнитъ, что онъ человѣкъ. Онъ не завидуетъ, не чудится, и презрѣнїя не показыва-

im-

impréssion, ni plaisir. Toute son imagination n'est occupée que de bains & de fontaines. Tout ce qu'il se propose, s'il en peut échapper, c'est de mener à l'avenir une vie douce & tranquille, une vie innocente & heureuse. Je puis donc nous faire ici à tous deux en peu de mots une leçon, dont les Philosophes font des volumes entiers. Persévérons à être tels pendant la santé, que nous nous proposons de devenir quand nous sommes malades. Adieu.

етъ ни чьему состоянію. Поносительныя рѣчи не производятъ въ немъ ни впечатлѣнія, ни пріятности. Его воображеніе занято бываетъ одними банями, и источниками. Все, что онъ полагаетъ въ намѣреніи, есть ли только онъ можетъ избавиться отъ болѣзни, состоитъ въ томъ, чтобъ провождать впредь жизнь тихую и спокойную, жизнь невинную и счастливую. И такъ я могу здѣсь учинить обѣимъ намъ въ краткихъ словахъ наставленіе, изъ котораго философы составляютъ цѣлыя книги. Пребудемъ во время нашего здравія такими, какъ мы полагаемъ намѣреніе учиниться во время нашей немощи.

Вмѣ-

Вмѣсто разсужденій о семъ письмѣ я присовокуплю еще другое, которое мнѣ показалось прекраснымъ и достопамятнымъ: оно окончитъ сїе маленькое писемъ собранїе.

C. Plinius Tacito suo S.

Lib. 7. ep. 14. *Nec ipse tibi plaudis, et ego nihil magis ex fide quàm de te scribo. Posteris an aliqua cura nostri, nescio: nos certè meremur ut sit aliqua, non dico ingenio, (id enim superbum) sed studio, sed labore, et reverentiâ posterorum. Pergamus modò itinere instituto: quod ut paucos in lucem famamque provexit, ita multos è tenebris et silentio protulit. Vale.*

A Tacite.

Vous n'êtes pas homme à vous en faire accroire, & moi je n'écris rien avec tant de sincérité que ce que j'écris de vous. Je ne sai si la postérité aura pour nous qnelque considération : mais en-vérité nous en méritons un peu; je ne dis pas par notre esprit, il y auroit une sotte présomption à le prétendre,

Тациту.

Вы не такой человѣкъ, которагобъ можнобыло легко обольстить, и я ничего не пишу съ толикою вѣрностїю, какъ то, что пишу о васъ. Я не знаю, будетъ ли потомство имѣть къ намъ сколько нибудь почтенія: но естьли позволено сказать истинну, мы заслужили отчасти

mais

mais par notre application, par notre travail, par notre respect pour elle. Continuons notre route. Si par là peu de gens sont arrivés au comble de la gloire, & à l'immortalité, par là aumoins beaucoup sont parvenus à se tirer de l'obscurité & de l'oubli. Adieu.

оное; я не говорю, своимъ разумомъ, етобъ значило глупую гордость, чтобъ сего требовать, но своимъ прилѣжанїемъ, трудами и почтенїемъ, которое мы имѣемъ къ оному. Будемъ продолжать свой путь. Ежели имъ не многїе люди достигли до самаго верьху славы и до безсмертїя, то по крайней мѣрѣ многїе вывели себя изъ темноты и забвенїя.

Переводъ нѣкоторыхъ мѣстъ изъ Цицерона.

Я прибавилъ въ семъ послѣднемъ изданїи два письма, или лучше сказать, двѣ частицы писемъ Цицероновыхъ къ его прїятелю Аттику, которыя не меньше стоятъ какъ и письма Плинїевы. Здѣсь положатся два перевода оныхъ писемъ, изданные оба великими знатоками: одинъ г. Аббатомъ Сент-Реаломъ, а другой г. Монголтомъ. Первой изъ нихъ перевелъ двѣ только книги сихъ писемъ, а г. Монголтъ, не устрашась трудности

Ф сво-

своего предпрїятїя, всѣ оныя предложилъ свѣту, и чрезъ то показалъ великую услугу премногимъ особамъ, которыхъ онъ привелъ въ состоянїе читать съ пользою и прїятностїю любопытнѣйшую, что касается до исторїи Цицеронова времени, но притомъ труднѣйшую и темнѣйшую часть его сочиненїй.

Письмо XVII Цицерона къ Аттику кн. I.

Содержанїе письма. Квинтъ Цицеронъ братъ славнаго Оратора женился на Помпонїи, сестрѣ Аттика. Отказъ, которой учинилъ Аттикъ быть Льетенантомъ въ Азїи при его зятѣ, споспѣшествовалъ много къ ихъ ссорѣ, подалъ мѣсто жалобамъ весьма горестнымъ со стороны Квинта Цицерона, и прервалъ между ими дружество. Ето составляетъ содержанїе начала сего письма: ибо я ограничиваюсь сею одною частїю онаго.

Cicero Attico Sal..

N. 1. *Magna mihi varietas, voluntatis et dissimilitudo opinionis ac judicii Quinti fratris mei, demonstrata est ex litteris tuis, in quibus ad me epistolarum illius exempla misisti. Quâ ex re, et molestiâ sum tantâ affectus, quantam mihi meus amor summus erga utrumque vestrûm afferre debuit; et admiratione, quidnam acci-*

cidiſſet, quod afferret Quinto fratri meo aut offenſionem tam gravem aut commutationem tantam voluntatis. Atque illud a me jam ante intelligebatur, quod N. 2.
te quoque ipſum diſcedentem a nobis ſuſpicari videbam, ſubeſſe neſcio quid opinionis incommodae, ſauciumque eius animum; et inſediſſe quaſdam odioſas ſuſpiciones. Quibus ego mederi cum cuperem antea ſaepe, et vehementius etiam poſt ſortitionem provinciae, nec tantum intelligebam ei eſſe offenſionis, quantum literae tuae declarant; nec tantum proficiebam, quantum volebam. Sed tamen hoc me ipſe conſolabar, quod N. 3.
non dubitabam, quin te ille aut Dyrrachii, aut in iſtis locis uſpiam viſurus eſſet: quod cum accidiſſet, confidebam, ac mihi perſvaſeram, fore, ut omnia placarentur inter vos non modo ſermone ac diſputatione, ſed conſpectu ipſo congreſſuque veſtro. Nam, quanta ſit in Quinto fratre meo comitas, quanta iucunditas, quàm mollis animus et ad accipiendam et ad deponendam offenſionem, nihil attinet me ad te, qui ea noſti, ſcribere. Sed accidit perincommodè, quòd eum nuſquam vidiſti. Valuit enim plus, quod erat illi nonnullorum artificiis, inculcatum, quàm aut officium, aut neceſſitudo aut amor veſter ille priſtinus, qui plurimum valere debuit.

Atque huius incommodi culpa ubi reſideat, faci- N. 4.
liùs poſſum exiſtimare, quàm ſcribere. Vereor enim, ne dum defendam meos, non parcam tuis. Nam ſic intelligo, ut nihil a domeſticis vulneris factum ſit, illud quidem, quod erat, eos certè ſanare potuiſſe. Sed huiuſce rei totius vitium, quod aliquantò etiam latius patet quàm videtur, praeſenti tibi commodius exponam.

 De

N. 5. *De iis literis, quas ad te Thessalonicâ misit, et de sermonibus quos ab illo et Romae apud amicos tuos, et in itinere habitos putas; ecquid tantum causae sit ignoro: sed omnis in tuâ posita est humanitate mihi spes huius levandae molestiae. Nam, si ita statueris, et irritabiles animos esse optimorum saepe hominum, et eosdem placabiles; et esse hanc agilitatem, ut ita dicam mollitiemque naturae plerumque bonitatis; et id, quod caput est, nobis inter nos nostra sive incommoda, sive vitia, sive injurias esse tolerandas: facilè haec, quemadmodum spero, mitigabuntur. Quod ego ut facias, te oro. Nam ad me, qui te unicè diligo, maximè pertinet neminem esse meorum, qui aut te non amet, aut abs te non ametur.*

N. 6. *Illa pars Epistolae tuae minimè fuit necessaria, in quâ expônis quas facultates aut provincialium, aut urbanorum commodorum, et aliis temporibus, et me ipso consule, praetermiseris. Mihi enim perspecta est ingenuitas, et magnitudo animi tui: neque ego inter me atque te quicquam interesse unquam duxi, praeter voluntatem institutae vitae, quod me ambitio quaedam ad honorum studium, te autem alia minimè reprehendenda ratio ad honestum otium duxit. Verâ quidem laude probitatis, diligentiae, religionis, neque me tibi, neque quemquam antepono. Amoris vero erga me, cum a fraterno amore domesticoque discessi, tibi primas defero. Vidi enim, vidi, penitusque perspexi in meis variis temporibus et solicitudines et laetitias tuas Fuit mihi saepe et laudis nostrae gratulatio tua jucunda, et timoris consolatio grata.*

Quin

Quin mihi nunc te absente, non solum consilium, N. 7.
quo tu excellis, sed etiam sermonis communicatio, quae mihi suavissima te-cum solet esse, maximè deest. Quid dicam in publica re? quo in genere mihi negligenti esse non licet. An in forensi labore? quem antea propter ambitionem sustinebam, nunc ut dignitatem tueri gratia possim. An in ipsis domesticis negotiis? in quibus ego cum antea, tum verò post discessum fratris, te sermonesque nostros desidero. Postremò non labor meus, non requies; non negotium, non otium; non forenses res, non domesticae, non publicae, non provitae; carere diutius tuo suavissimo atque amantissimo consilio ac sermone possunt.

TRADUCTION *De la Lettre précédente par Mr. De Saint-Re'al.*

Num. 1. Autant par votre Lettre, que par la capie que vous m'envoyez de celle de mon frère, je vois une grande altération dans son amitié pour vous, & même dans son estime. J'en suis aussi affligé que ma tendresse pour tous les deux m'y oblige, & aussi surpris qu'on le peut être, ne sachant d'où

TRADUCTION *De la même Lettre par Mr. l'Abbé Mongault.*

Num. 1. Je vois & par votre Lettre, & par la copie que vous m'avez envoyée de celle de mon frère, qu'il y a une grande altération dans les sentimens & dans les dispositions où il étoit à votre égard. J'en suis aussi affligé que ma tendresse pour vous deux le demande, & je ne conçois pas ce

peut

peut venir un reſſentiment ſi violent; ou s'il n'en a point de ſujet, un ſi grand changement dans ſon affection.

qui a pu ſi fort aigrir mon frère, & cauſer en lui un ſi grand changement.

N. 2. Je comprenois bien déjà ce dont vous même vous défiez auſſi quand vous partites d'ici, qu'il avoit quelque ombrage contre vous, & que ſon eſprit étoit ulcéré, & préoccupé de quelques ſoupçons odieux ſur votre compte. Mais il ne m'avoit pas paru, dans les efforts que j'ai faits à diverſes fois près de lui pour l'en guérir, non ſeulement avant qu'il fût déclaré Préteur d'Aſie, mais encore beaucoup plus fortement depuis: il ne me paroiſſoit pas, dis-je, qu'il fût auſſi outré qu'il le paroît par ſa Lettre, quoique je ne gagnaſſe pas ſur lui tout ce que je voulois.

N. 2. J'avois bien remarqué, & vous vous étiez auſſi apperçu avant que de partir, qu'on l'avoit prévenu contre vous, & qu'on avoit rempli ſon eſprit de ſoupçons fâcheux. Lorſque j'ai travaillé à l'en guérir, & avant qu'il fût nommé Gouverneur d'Aſie, & ſur tout depuis, il ne m'a pas paru auſſi aigri que vous me le marquez dans votre Lettre, quoiqu'à-la vérité je n'aye pu obtenir de lui tout ce que j'aurois voulu.

N.

N. 3. Je m'en consolois dans l'espérance certaine qu'il vous joindroit à Dyrrachium, ou quelqu'autre part dans vos quartiers ; & cela étant je me flattois, & e n'en doutois pas, que tout s'accommoderoit entre vous, quand vous ne feriez que vous voir; à plus forte raison quand vous vous parleriez, & que vous vous feriez éclaircis. Car il n'est pas nécessaire que je vous dise ce que vous savez comme moi, combien il est traitable & doux, & jusqu'où va sa facilité également à se brouiller, & à se raccommoder. Le malheur est, que vous ne vous êtes point vus. Ainsi, ce qu'on lui a inspiré artificieusement contre vous, a prévalu dans son esprit sur ce qu'il devoit à votre lia-ison, à votre alliance, & à votre ancienne amitié.

N. 3. Ce qui me consoloit, c'étoit que je comptois qu'il vous verroit à Dyrrachium, ou quelque autre part dans vos quartiers; & je me promettois, ou plutôt je ne doutois point, que cette entrevue ne suffit pour raccommoder tout, même avant que vous entrassiez dans aucun éclaircissement. Car vous savez, aussi-bien que moi, que mon frère est dans le fond le meilleur homme du monde, & que s'il se brouille aisément, il se raccommode de même. Le malheur est que vous ne vous êtes point vus, & c'est ce qui a été cause que les artifices de quelques mauvais esprits ont prévalu sur ce qu'il devoit à la liaison, à l'alliance & à l'ancienne amitié qui est entre vous

N. 4. De ſavoir à qui en eſt la faute, c'eſt ce qu'il m'eſt plus facile de penſer que d'écrire; parce que je crains de ne pas épargner aſſez vos proches, en voulant défendre les miens. Car je ſuis perſuadé, que ſi on n'a pas contribué dans ſa famille à l'aigrir, du moins y auroit-on pu facilement l'adoucir. Mais je vous expliquerai plus commodément, quand nous nous reverrons, toute la malignité de cette affaire, qui s'étend plus loin qu'il ne ſemble.

N. 5. j'ignore, encore une fois, ce qui peut l'avoir abligé à vous écrire, comme il a fait, de Theſſalonique, & à parler ici à vos amis, & ſur la route, de la manié e que vous croyez. Toute l'eſpérance qui me reſte d'être délivré

N. 4. Savoir à qui en eſt la faute, il m'eſt plus aiſé de le devener, que de vous le dire. Je craindrois de ne pas épargner vos proches, en défendant les miens. Je ſuis perſuadé, que ſi l'on n'a pas contribué dans ſa famille à l'aigrir, on n'a pas dumoins travaillé à l'adoucir comme on auroit pu. Mais je vous axpliquerai mieux, quand nous nous reverrons, d'où vient tout le mal, ce qui s'étend plus loin qu'il ne ſemble.

N. 5. Je ne conçois pas ce qui a pu porter mon frère à vous écrire de Theſſalonique comme il a fait, & à parler ici à vos amis, & ſur la route, de la manière qu'on vous l'a rapporté. Quoi qu'il en ſoit, je n'eſpére d'être

de

de ce chagrin, n'eſt fondée que ſur votre ſeule honnêteté. Si vous conſidérez que les meilleures gens ſont ſouvent les plus faciles à s'emporter, comme à s'appaiſer, & que cette légéreté, pour ne pas dire cette molleſſe de ſentimens, ne vient la plupart du tems que d'une trop grande bonté de naturel; & ce qu'il faut dire avant tout, que nous avons à ſupporter naturellement les foibleſſes, les défauts, & même les outrages les uns des autres: tout cela ſe calmera facilement à ce que j'eſpére, & je vous en prie. Car vous aimant uniquement comme je fais, je ne dois rien oublier pour faire enſorte que tous ceux qui m'appartiennent vous aiment, & ſoient aimés de vous.

N. 6. Rien n'étoit moins néceſſaire que

délivré de ce chagrin que par la confiance, que j'ai en votre honnêteté. Si vous conſidérez que les meilleures gens ſont ſouvent ceux qui ſe fachent le plus aiſément, & qui reviennent de même; & que cette légéreté, ou, pour parler ainſi, cette flexibilité de ſentimens, eſt ordinairement une marque de bon naturel; & ſur tout ſi vous faites réflexion qu'entre amis on doit ſe pardonner non ſeulement les foibleſſes & les défauts, mais même les torts réciproques: j'eſpére que tout cela ſe calmera aiſément, & je vous le demande en grace. Car vous aimant autant que je fais, il n'eſt pas indifférent pour moi que tous mes proches vous aiment, & ſoient aimés de vous.

N. 6. Rien n'étoit moins néceſſaire que cette

cette partie de votre Lettre, où vous rapportez tous les emplois qu'il n'a tenu qu'à vous d'avoir, soit à Rome, soit dans les Provinces, sous mon Consulat, & en d'autres tems. Je connois à fond la franchise & la grandeur de votre ame, & je n'ai jamais prétendu qu'il y eût d'autre différence entre vous & moi, que celle du différent choix de vie, en ce que quelque sorte d'ambition m'a porté à rechercher les honneurs, au-lieu que d'autres motifs, nullement blâmables, vous ont fait prendre le parti d'une honnête oisiveté. Mais quant à la véritable gloire, qui est celle de la probité, de l'application, & de la régularité, je ne vous préfére ni moi ni homme du monde: & pour ce qui me regarde en particulier, après mon frère & ma famil-

l'endroit de votre Lettre, où vous faites un détail de tous les emplois qu'il n'a tenu qu'à vous d'avoir, soit dans les Provinces, soit à Rome, pendant mon Consulat, & en d'autres tems. Je connois la noblesse & la droiture de votre coeur. J'ai toujours compté qu'il n'y avoit point d'autre différence entre vous & moi, que celle du différent choix de vie; en ce que quelque Sorte d'ambition m'a porté à rechercher les honneurs, au-lieu que d'autres motifs nullement blâmables vous ont fait prendre le parti d'une honnête oisiveté. Mais quant à cette gloire véritable, qui vient de la probité, de l'exactitude de la régularité dans de commerce, je ne mets au-dessus de vous ni moi, ni personne du monde: & pour ce qui me regarde en particule,

le, je fuis perſuadé que perſonne ne m'aime tant que vous m'aimez. J'ai vu d'une manière à n'en pouvoir douter vos contentemens & vos peines dans les diverſes rencontres de ma vie, & j'ai reſſenti avec une égale ſatiſfaction la part que vous avez priſe à mes avantages & à mes dangers.

N. 7. Dans le tems même que je vous parle, non ſeulement vos conſeils, en quoi vous êtes in comparable, mais votre entretien ordinaire, dont la douceur m'eſt ſi ſenſible, me fait un beſoin extrême. Je ne vous regrette pas ſeulement pour les affaires publiques, qu'il ne m'eſt pas permis de négliger comme les autres:

lier, après mon frère & ma famille, je ſuis perſuadé que perſonne ne m'aime autant que vous m'aimez. J'ai vu d'une manière à n'en pouvoir douter, & votre joie, & votre inquiétude dans les différentes ſituations où je me ſuis trouvé Lorsque j'ai eu quelque ſuccès, votre joie a augmenté la mienne; & lorſque j'ai été expoſé à quelque danger, la part que vous y avez pris, m'a raſſuré & conſolé.

N. 7. Maintenant même que vous êtes abſent, je ſens combien j'aurois beſoin, non ſeulement de vos conſeils, en quoi perſonne ne peut vous remplacer; mais encore de la douceur & de l'agrement de votre converſation. Je vous ſouhaite, & pour les affaires publiques, qu'il ne m'eſt par permis de négliger comme les autres,

tres : c'eſt encore pour mes fonctions du Barreau , que je continue , afin de me conſerver la conſidération qui m'eſt néceſſaire pour ſoutenir la dignité où elles m'ont aidé à parvenir. Je vous regrette auſſi pour mes affaires domeſtiques, dans les quelles je vous trouve encore plus à dire depuis le départ de mon frère. Enfin, ni dans mon travail, nidans mon repos, ni dans mes occupations , ni dans mon loiſir, ni dans mes affaires domeſtiques, ni dans celles de ma profeſſion; ni dans les particulieres, ni dans les publiques, je ne ſaurois plus me paſſer de la douceur de votre aimable converſation, & de vos conſeils,

tres; & pour mes fonctions du Barreau, que je continue afin de me conſerver la conſidération qui m'eſt néceſſaire pour ſoutenir la dignité à laquelle elles m'ont élevé; & pour mes affaires domeſtiques où je vous trouve encore plus à dire depuis le départ de mon frère. Enfin, ni dans le travail, ni dans le repos, ni dans mes occupations , ni dans mon loiſir, ni dans mes affaires domeſtiques, ni dans celles du Barreau , ni dans les particuliéres , ni dans les publiques, je ne puis plus me paſſer de la reſſource & de l'agrément que je trouve dans les conſeils & dans l'entretien d'un ami tel que vous.

To

То есть:

Переводъ письма предъидущаго изданной Г. Сент-Реаломъ.

Числ. 1. Какъ изъ вашего письма, такъ изъ списка, которой вы мнѣ посылаете съ писма моего брата, я вижу великую отмѣнность въ его къ вамъ дружествѣ, да и въ его почтенїи. Я столько о томъ печалюсь, сколько моя горячность къ вамъ обѣимъ меня къ сему обязываетъ, и удивляюсь чрезвычайно, не вѣдая, откуда можетъ произойти столь сильной гнѣвъ; или какую имѣетъ причину столь великая перемѣна въ его благосклонности.

Переводъ тогожъ письма изданной Г. Аббатомъ Монгольтомъ.

Числ. 1. Я усматриваю изъ вашего письма, и изъ списка, которой вы мнѣ прислали съ письма моего брата, что не малая находится отмѣнность во мнѣнїяхъ и склонностяхъ, которыя мой братъ въ разсужденїи васъ имѣлъ. Я столько о томъ печалюсь, сколько моя горячность къ вамъ обѣимъ того требуетъ, и не понимаю, что бы такое могло столь сильно огорчить моего брата, и произвесть въ немъ такую перемѣну.

Ч. 2. Я понималъ уже довольно то, о чемъ и вы такъ же догадывались тогда, какъ вы поѣхали отсюда, что онъ объ васъ не очень выгодное имѣлъ мнѣніе, и что его духъ былъ пораненъ, и занятъ нѣкоторыми ненавистными подозрѣніями на васъ. Однакожъ онъ не казался мнѣ въ стараніяхъ, которыя я предпринималъ неоднократно о его излѣченіи отъ оныхъ не только прежде, нежели онъ объявленъ былъ преторомъ Азіи, но и еще послѣ сего: онъ, говорю, не казался мнѣ столь неумѣреннымъ, какъ онъ кажется въ его писмѣ, хотя я и не получилъ отъ него все то, чего я хотѣлъ.

Ч 2. Я весьма примѣтилъ, да и вы такъ же узнали передъ отъѣздомъ вашимъ, что ему что нибудь насказано было на васъ, и что его духъ наполненъ былъ досадными подозрѣніями. Когдажъ я старался излѣчить его отъ оныхъ какъ прежде объявленія его губернаторомъ Азіи, такъ особливо послѣ того, онъ не столько мнѣ казался раздраженъ, какъ вы мнѣ его представляете въ своемъ письмѣ, хотя правду сказать, я не могъ отъ него получить все то, чего бы мнѣ хотѣлось.

Ч. 3. Я утѣшалъ себя въ томъ крѣпкою надеждою, что онъ встрѣтится съ вами въ Диррахіи, или въ другомъ какомъ мѣстѣ вашей стороны. Положивъ сіе, я льстился, и ни мало не сумнѣвался, что все утишится между вами, хотябъ вы только увидѣлись; а кольми паче, естлибъ другъ съ другомъ поговорили и изъяснились. Ибо ето ненужно, чтобъ я сказалъ вамъ то, о чемъ вы сами не меньше меня знаете, сколь онъ зговорчивъ и кротокъ, и сколь далеко простирается ево удобность и къ ссорѣ, и къ замиренію. Несчастіе въ томъ состоитъ, что вы не видались. И по сему то, что ему хитрымъ образомъ на васъ наговорили, взяло

Ч. 3. То, что меня утѣшало, было то, что я думалъ, что онъ увидится съ вами въ Диррахіи или въ другомъ мѣстѣ вашей стороны. Я себя обнадеживалъ или еще не сумнился ни мало, чтобъ сего свиданія недовольно было къ утишенію всего, хотябъ вы и не вошли въ изъясненіе. Ибо вы знаете такъ, какъ и я, что мой братъ въ самомъ дѣлѣ преизрядной человѣкъ въ свѣтѣ, и что естьли онъ удобно поссоривается, то не съ меньшею удобностію опять замиряется. Несчастіе въ томъ состоитъ, что вы не видались, и ето было причиною, что хитрости злыхъ нѣкоторыхъ людей взяли верьхъ надъ тѣмъ, чемъ онъ долженствовалъ союзу, род-

верьхъ

верьхъ въ его сердцѣ надъ тѣмъ, чемъ онъ долженствовалъ вашему союзу, родству и древнему дружеству.

Ч 4. Чтожъ касается до виноватаго въ семъ дѣлѣ, то удобнѣе мнѣ о семъ думать, нежели писать; потому что я опасаюсь, что не очень пощажу вашихъ сродственниковъ, хотя своихъ защитить. Ибо я увѣренъ, что естьли не подали причины его гнѣву въ его фамилїи, то по крайней мѣрѣ можно было удобно его тамъ утишить. Но я вамъ изъясню способнѣе тогда, какъ мы опять увидимся, всю злость сего дѣла, которая распространяется далѣе, нежели кажется.

ству, и древнему дружеству, которое утверждено между вами.

Ч 4. Чтожъ касается до виноватаго въ семъ дѣлѣ, то мнѣ удобнѣе отгадатьсїе, нежели вамъ донести; я опасаюсь, что не пощажу вашихъ сродственниковъ въ то время, какъ своихъ защищать стану. Я увѣренъ, что естьли не способствовали въ его фамилїи къ его раздраженїю, то по крайней мѣрѣ не старались утишить его такъ какъ бы можно было. Но я вамъ лучше изъясню тогда, какъ мы увидимся, откуда происходитъ вся сїя бѣда, которая простирается далѣе, нежели кажется.

Ч.

Ч 5. Я не знаю опять, что такое его принудило къ вамъ писать какъ онъ учинилъ, изъ Ѳессалоники и говорить вашимъ друзьямъ здѣсь и на дорогѣ, такимъ образомъ, какъ вы думаете. Вся надежда, которую я имѣю освободиться отъ сей печали, не на другомъ чемъ основывается, какъ только на вашей честности. Ежели вы разсудите, что самые лучшїе люди бываютъ весьма склонны къ гнѣву, такъ какъ и къ утишенїю, что сїя легкость, дабы не сказать мягкость чувствїй, по большой части происходитъ отъ преизрядной природы; а особливо, что мы должествуемъ сносить необходимо слабости, пороки, и самыя

Ч. 5. Я не понимаю, чтобы такое могло принудить моего брата писать къ вамъ изъ Ѳессалоники, такъ какъ онъ учинилъ, и говорить вашимъ друзьямъ здѣсь и на дорогѣ такимъ образомъ, какъ вамъ донесено. Какъ бы то ни было, я надѣюсь избавиться отъ сей печали, полагаясь единственно на вашу честность. Естьли вы разсудите, что наилучшїе люди бываютъ часто тѣ, которые весьма удобно огорчаются, и которые выходятъ изъ гнѣву такимъ же образомъ; и что сїя легкость, такъ сказать, или гибкость чувствїй бываетъ обыкновенно знакомъ доброй природы; а особливо естьли вы помыслите, что друзьямъ

 оби-

обиды одни другихъ; то все сїе удобно утишится, какъ я надѣюсь; и васъ о томъ прошу. Ибо любя васъ отмѣннымъ образомъ я обязанъ употребить всѣхъ мѣръ, чтобъ тѣ, которые ко мнѣ принадлежатъ, васъ любили и отъ васъ любимы были.

надлежитъ сносить не только слабости и пороки, но и досады взаимныя: то я надѣюсь, что все сїе удобно утишится, о чемъ я васъ и прошу покорнѣйше. Ибо любя васъ столько, какъ люблю, я не могу почесть сего ненужнымъ для меня, чтобъ всѣ мои ближнїе васъ любили, и отъ васъ любимы были.

Ч. 6. Не было ничего столь мало нужнаго, какъ сїя часть вашего письма, въ которой вы упоминаете о всѣхъ званїяхъ, которыя имѣть отъ васъ единственно зависѣло, какъ въ Римѣ, такъ и въ провинцїяхъ при моемъ консульствѣ, и въ другїя времена. Я знаю доточности искрен-

Ч. 6. Не было ничего столь мало нужнаго, какъ то мѣсто вашего писма, въ которомъ вы подробно исчисляете всѣ тѣ званїя, которыя имѣтьотъ васъ единственно зависѣло, какъ въ провинцїяхъ, такъ въ Римѣ, при моемъ консульствѣ, и въ другїя времена. Я знаю благородство и правость

ность и величество души вашей, и я никогда не думалъ, чтобъ другое было различїе между вами и мною, кромѣ того, которое состоитъ въ отмѣнномъ выборѣ жизни, поелику меня побудило нѣкое честолюбїе искать достоинствъ, вмѣсто того, что другїя причины, нимало непредосудительныя понудили васъ слѣдовать за честнымъ спокойствїемъ. Но что касается до истинной славы, которая принадлежитъ добронравїю, упражненїю и порядочному поведенїю; то я не предпочитаю вамъ ни себя самаго нижеково другова; въ разсужденїижъ меня особливо я увѣренъ, что по моемъ братѣ и моей фамилїи ни-

вашего сердца. Я всегда считалъ, что не было другова различїя между вами и мною, кромѣ того, которое состоитъ въ отмѣнномъ выборѣ жизни; поелику меня побудило нѣкое честолюбїе искать достоинствъ, вмѣсто того, что другїя причины, нимало непредосудительныя, понудили васъ слѣдовать за честнымъ спокойствїемъ. Но что касается до сей истинной славы, которая происходитъ отъ добронравїя, раченїя, и порядку въобхожденїи, то я не считаю превосходнѣе васъ ни себя самаго, ни другой какой особы; въ разсужденїижъ меня особливо я увѣренъ, что по моемъ братѣ и моей фамилїи никто не любитъ меня

кто меня не любитъ столько, какъ вы. Я видѣлъ очень ясно ваши удовольствія и печали въ различныхъ случаяхъ моей жизни; и я чувствовалъ съ равномѣрнымъ удовольствіемъ участіе, которое вы принимали въ моихъ какъ выгодахъ, такъ и опасностяхъ.

столько, какъ вы. Я видѣлъ очень ясно вашу радость и безпокойствіе въ различныхъ состояніяхъ, въ которыхъ я находился. Когда я имѣлъ какое счастіе, то ваша радость соединялась съ моею а когда подверженъ былъ опасности, то участіе, которое вы въ томъ принимали, меня ободряло и утѣшало.

Ч. 7. Въ сіе самое время, какъ я вамъ говорю, не только ваши совѣты, которыми вы несравненно сильны, но и вашъ обыкновенный разговоръ, котораго сладость мнѣ столь чувствительна, причиняетъ мнѣ крайнюю въ васъ надобность. Я желаю васъ не только для государ-

Ч. 7. Въ сіе самое время, какъ вы находитесь въ отсутствіи, я чувствую, сколько я имѣю надобности не только въ вашихъ совѣтахъ, въ чемъ никто не можетъ васъ замѣнить, но и въ пріятности вашего разговору. Я васъ желаю какъ для государственныхъ упра-

ствен-

ственныхъ упражненій, которыя мнѣ не позволяется пренебрегать, такъ какъ другія: но и еще для моихъ хлопотъ приказныхъ, кои я продолжаю, дабы сохранить ко мнѣ почтеніе, которое мнѣ нужно для подкрѣпленія достоинства, до котораго онѣ помогли мнѣ достигнуть. Я васъ желаю такъ же для моихъ дѣлъ домашнихъ, въ которыхъ я долженъ съ вами болѣе еще изъясниться по отъѣздѣ моего брата. Наконецъ ни въ моемъ трудѣ, ни въ спокойствіи, ни въ упражненіяхъ, ни въ праздности, ни въ моихъ дѣлахъ домашнихъ, ни въ принадлежащихъ къ моему званію; ни въ партикулярныхъ ни

жненій, которыя мнѣ не возможно пренебречь, какъ другія; такъ для моихъ приказныхъ хлопотъ, кои я продолжаю, дабы сохранить ко мнѣ почтеніе, которое мнѣ нужно для подкрѣпленія достоинства, на которое онѣ меня возвысили, и для моихъ домашнихъ дѣлъ, въ которыхъ я больше еще долженъ съ вами изъясниться по отъѣздѣ моего брата. Наконецъ ни въ трудѣ ни въ покоѣ ни въ упражненіяхъ, ни въ праздности, ни въ моихъ дѣлахъ домашнихъ, ни въ приказныхъ, ни въ приватныхъ, ни въ государственныхъ, я не могу болѣе жить безъ помощи и пріятности, которую я нахожу въ совѣ-

въ Государственныхъ, я не могу болѣе жить безъ прïятности любезнаго вашего разговора, и безъ вашихъ совѣтовъ тахъ, и въ разговорѣ такова друга, какъ вы.

Письмо XVIII Цицерона къ Аттику кн. 1. Cicero Attico Sal.

N. 1 *Nihil mihi nunc scito tam desse quàm hominem eum, quocum omnia, quae me curà aliqua afficiunt, unà communicem: qui me amet, qui sapiat, quocum ego colloquar, nihil fingam, nihil dissimulem, nihil obtegam. Abest enim frater ἀφελέστατος, et amantissimus. Metellus non homo, sed littus atque aër, et solitudo mera. Tu autem, qui saepissimè curam et angorem animi mei sermone et consilio levasti tuo; qui mihi et in publicâ re socius, et in privatis omnibus conscius, et omnium meorum sermonum et consiliorum particeps esse soles, ubinam es?*

N. 2. *Ita sum ab omnibus destitutus, ut tantum requietis habeam, quantum cum uxore, & filiolâ, et mellito Cicerône consumitur. Nam illae ambitiosae nostrae fucosaeque amicitiae, sunt in quodam splendore forensi; fructum domesticum non habent. Itaque, cum benè completa domus est tempore matutino, cum ad forum stipati gregibus amicorum descendimus, reperire ex magna turba neminem possumus, quocum aut jocari liberè, aut suspirare familiariter possimus.*

Quare

Quare te expectamus, te desideramus, te iam etiam arcessimus. Multa enim sunt, quae me sollicitant anguntque, quae mihi videor, aures nactus tuas, unius ambulationis sermone exhaurire posse. Ac domesticarum quidem sollicitudinum aculeos omnes et scrupulos occultabo: neque ego huic Epistolae atque ignoto tabellario committam. Atque hi (nolo enim te permoveri) non sunt permolesti, sed tamen insident et urgent, et nullius amantis consilio aut sermone requiescunt. N. 3.

TRADUCTION
De *la Lettre XVIII par Mr. de Saint-Réal.*

Num. 1. Sachez que rien ne me manque tant à l'heure qu'il est, que quelqu'un à qui je puisse communiquer tout ce qui me fait de la peine, qui ait de l'amitié pour moi & de la sagesse, avec qui j'ose parler sans rien feindre, dissimuler, ni cacher. Car mon frére, à qui je pouvois m'ouvrir de mes plus secrettes pensées avec autant de sûreté qu'aux bois & aux rochers.

TRADUCTION
De la même Lettre par Mr. l'Abbé Mongault.

Num. 1. Comptez que rien ne me manque tant à présent qu'une personne sûre à qui je puisse m'ouvrir sur tout ce qui me fait de la peine, qui ait de l'amitié pour moi & de la prudence, avec qui j'ose m'entretenir sans contrainte, sans dissimulation, & sans réserve. Car je n'ai plus mon frére, qui est du meilleur caractère du monde, qui m'aime si ten-

rochers, qui m'aime tendrement, & qui eſt la ſimplicité même, n'eſt plus ici, comme vous ſavez. Où êtes vous, vous qui avez ſoulagé tant de fois mes ſoucis & mes peines par vos diſcours & par vos conſeils; qui me ſecondez dans les affaires publiques, & à qui je ne cache pas les plus particuliéres, enfin ſans la participation de qui je ne ſaurois ni rien faire, ni rien dire?

drement, & à qui je pouvois m'ouvrir de mes plus ſecrettes penſées avec autant de ſûreté qu'aux rochers & aux campagnes les plus déſertes. Où êtes vous à préſent, vous dont l'entretien & les conſeils ont adouci tant de fois mes peines & mes chagrins; qui me ſecondez dans les affaires publiques, & à qui je ne cache pas les plus particuliéres; que je conſulte également ſur ce que je dois ſaire, & ſur ce que je dois dire?

N. 2. Je ſuis ſi dépourvu de toute ſociété, que je n'ai plus de bon que le tems que je paſſe avec ma femme, ma fille, & mon petit Cicéron. Car ces amitiés importantes & faſtueuſes que vous ſavez, ne ſont bonnes que pour paroître en public, elles ne ſont d'aucun uſage fa-

N. 2. Je ſuis ſi dépourvu de toute ſociété, que je ne me trouve en repos & à mon aiſe qu'avec ma femme, ma fille, & mon petit Cicéron. Ces amitiés extérieures, que l'interêt & l'ambition concilient, ne ſont bonnes que pour paroître en public avec honneur, & ne ſont

milier.

milier. Cela eſt ſi vrai, que ma maiſon eſt pleine de gens tous les matins, quand je vais à la Place, & je ſuis eſcorté d'une foule de prétendus amis, ſans trouver un ſeul homme dans tout ce nombre avec qui je puſſe, ou rire en liberté, ou ſoupirer ſans contrainte.

N. 3. Jugez ſi je vous attends, ſi je vous ſouhaitte, & ſi je vous preſſe de venir. J'ai mille choſes qui m'inquiétent, qui me bleſſent, dont il me ſemble qu'une ſeule promenade avec vous me fera raiſon. Je ne ſaurois vous écrire pluſieurs petits chagrins demeſtiques, que je n'oſerois confier au papier, ni à ceporteur que je ne connois point. N'en ſoyez pourtant pas en peine: ils ne ſont pas fort conſi-

d'aucun uſage dans le particulier. Cela eſt ſi vrai, que quoique ma maiſon ſoit remplie tous les matins d'une foule de prétendus amis qui m'accompagnent lorſque je vais à la Place, dans un ſi grand nombre il ne s'en trouve pas un ſeul avec qui je puiſſe, ou rire avec liberté, ou gémir ſans contrainte.

N. 3. Jugez donc parlà ſi je ne dois pas attendre, ſouhaitter, & preſſer votre retour. J'ai mille choſes qui m'inquiétent & me chagrinent, dont une ſeule promenade avec vous me ſoulagera. Je ne vous parlerai point ici de pluſieurs petits chagrins domeſtiques: je n'oſe les confier au papier, ni au porteur de cette Lettre que je ne connois point. N'en ſoyez pourtant pas en peine, ils ne ſont pas conſidé-

dérables les, mais ils touchent de près, ils ne donnent aucun relâche, & je n'ai personne qui m'aime de qui les conseils, ou seulement l'entretien puisse les interrompre.

rables: mais ils ne laissent pas de faire impression, parce qu'ils reviennent souvent, & que je n'ai personne qui m'aime véritablement, dont les conseils ou l'entretien puissent les dissiper.

Переводъ письма XVIII изданной Г. де Сент Реаломъ.

Числ. 1. Знайте, что я ни въ чемъ теперь столько нужды не имѣю, какъ въ такомъ человѣкѣ, которому бы я могъ сообщать все то, что меня безпокоитъ, которой бы мнѣ былъ другъ, и притомъ благоразуменъ и съ которымъ бы я смѣлъ говорить безъ всякаго притворства, закрытія и утайки. Ибо моего брата, которому

Переводъ тогожъ письма изданной Г. Аббатомъ Монголтомъ.

Числ. 1. Считайте, что я нынѣ ни въ чемъ столько нужды не имѣю, какъ въ надежномъ человѣкѣ, которому бы я могъ открываться во всемъ томъ, что мнѣ дѣлаетъ безпокойствіе, которой бы мнѣ былъ другъ, и притомъ благоразуменъ, и съ которымъ бы я смѣлъ разговаривать безъ принужденія, безъ закрытія и осторо-

я могъ открывать мои сокровеннѣшія мысли съ такоюже безопасностію, какъ лѣсамъ и камнямъ, которой меня любитъ нѣжно и которой чрезвычайно простъ, здѣсь болѣе нѣту, какъ вы сами знаете. Гдѣ вы находитесь, вы, что облегчали столькратно мои хлопоты и безпокойствія своими рѣчьми и совѣтами; и мнѣ помогаете въ дѣлахъ государственныхъ, вы, которому я открываю всѣ мои особѣйшія и наконецъ безъ котораго помощи я не могу ничего, ни дѣлать ни говорить?

жности. Ибо я не имѣю болѣе моего брата, которой есть наилучшій человѣкъ въ свѣтѣ, которой любитъ меня столь нѣжно, и которому я могъ открывать мои сокровеннѣйшія мысли съ такоюже безопасностію, какъ самымъ камнямъ и лугамъ пустыннымъ. Гдѣ вы теперь находитесь, вы, котораго разговоръ и совѣты столькратно умягчали мои безпокойствія и печали; которой мнѣ помогаете въ дѣлахъ государственныхъ, отъ котораго я не утаеваю самыхъ особѣйшихъ; и съ которымъ я совѣтуюсь о томъ, что мнѣ какъ дѣлать, такъ и говорить надлежитъ?

Ч. 2. Я лишенъ всякаго сообщества такъ

Ч. 2. Я лишенъ всякаго сообщества, что

что не имѣю болѣе ничего добраго, кромѣ того времени, которое провождаю съ моею женою, дочерью и съ малымъ Цицерономъ. Ибо сїи важныя и пышныя дружества, которыя вамъ извѣстны, служатъ только къ тому, чтобъ появиться въ публичныхъ собранїяхъ, а въ домашнемъ дѣлѣ во все не годятся. Ето столько справедливо, что мой домъ наполненъ бываетъ людьми въ каждое утро, когда я хожу въ приказъ и я окружаюсь множествомъ мнимыхъ друзей, не находя ни одного человѣка во всемъ томъ числѣ, съ которымъ бы я могъ или посмѣяться вольнымъ образомъ или возды-

такъ, что не нахожу себѣ покоя и удовольствїя, какъ только будучи съ моею женою, дочерью и съ малымъ Цицерономъ. Сїи наружныя дружества, которыя корысть и честолюбїе соединяютъ, служатъ только къ тому, чтобъ показаться въ публичныхъ собранїяхъ съ честїю, а въ домашнемъ дѣлѣ во все не годятся. Ето столько справедливо, что хотя мой домъ во всякое утро наполненъ бываетъ множествомъ мнимыхъ друзей, которые меня окружаютъ тогда какъ я иду въ приказъ, однакожъ въ толь великомъ числѣ невидно ни одного человѣка, съ которымъ бы я могъ посмѣяться вольнымъ образомъ,

или хать безъ принужденія.

Ч. 3. Судите ожидаю ли я васъ, желаю ли, и понуждаю ли пріѣхать. Я имѣю тысячу дѣлъ, кои меня безпокоятъ, кои язвятъ, и отъ которыхъ, мнѣ кажется, одна прогулка съ вами меня избавитъ. Я не могу къ вамъ писать о множествѣ мѣлкихъ хлопотъ домашнихъ, которыхъ я не смѣю вынесть на бумагу, и ввѣрить такому почтарю, которой мнѣ вовсе незнакомъ. Однакожъ вы тѣмъ небезпокойтесь; онѣ не очень важны только чрезвычайно ко мнѣ близки; не дають мнѣ отдохновенія, и я не имѣю никого изъ любящихъ меня, котораго бы совѣты или

стенать безъ принужденія.

Ч. 3. И такъ судите по сему не долженъ ли я васъ съ великою жадностію ожидать, и просить неотступно, чтобъ вы возвратились. Я имѣю тысячу дѣлъ, кои меня безпокоятъ и сокрушаютъ, и отъ коихъ одна съ вами прогулка меня облегчитъ. Я вамъ не буду здѣсь поминать о множествѣ мѣлкихъ хлопотъ домашнихъ; я не смѣю ихъ вынесть на бумагу, и ввѣрить такому письмовручителю, которой мнѣ во все незнакомъ. Однакожъ вы тѣмъ не безпокойтесь; онѣ не очень важны, только не минуютъ дѣлать во мнѣ впечатлѣнія, за тѣмъ, что часто возвращаются, и что я не имѣю никого

хошь

хоть разговорЪ могЪ прервать оныя.

изЪ любящихЪ меня истинно, котораго бы совѣты или разговорЪ могЪ разсыпать оныя.

РАЗСУЖДЕНІЯ.

Не можно не примѣтить вЪ сихЪ письмахЪ ЦицероновыхЪ какЪ удобной, простой и непринужденной круглости, которая есть точной характерЪ писменнаго слогу, такЪ тонкости и деликатства вЪ выраженіи, которое разсыпаетЪ вЪ нихЪ неподражаемыя пріятности. НѣтЪ ничего тутЪ притворнаго, все течетЪ изЪ источника. ВсякЪ удобно понимаетЪ, что ЦицеронЪ писалЪ такЪ, какЪ онЪ говорилЪ, то есть просто, не тщательно, и безЪ показанія разума. По сей то причинѣ предпочитали всегда его письма Плиніевымъ, кои по большой части очень разцвѣчены, и сЪ излишнимЪ раченіемЪ написаны, и которыя кажутся знающимЪ людямЪ меньше красивы, за тѣмЪ что они красивы черезЪ мѣру.

ВЪ сихЪ такЪ же письмахЪ ЦицероновыхЪ видно, какое искуство, и какія хитрости надобны для примиренія сердецЪ, и для предупрежденія досадныхЪ послѣдствій отЪ ссоры и побранки, которыя почти неизбѣжимы вЪ фамиліяхЪ; и

сколь

сколь драгоцѣненъ истинной другъ, которому можно сообщать безъ опасности всѣ свои хлопоты и безпокойствія.

Но не о семъ теперь дѣло идетъ. Я долженъ здѣсь изслѣдовать только то, что принадлежитъ до переводу. Мнѣ кажется, что ето есть полезнѣйшая екзерциція, чтобъ заставлять отъ времени до времени молодыхъ людей сравнивать такимъ образомъ два перевода одного мѣста, и велѣть имъ самимъ примѣчать ризличія въ добрѣ и худѣ, особливо послѣ того, какъ они перевели такъ же оное съ своей стороны. Чрезъ сіе они лучше могутъ чувствовать оныхъ красоты и несовершенства, и научаются чему надлежитъ слѣдовать, и чего избѣгать, дабы успѣхъ имѣть въ переводѣ.

Я оставляю читателю судить, которой изъ двухъ переводовъ мною здѣсь ему представленныхъ достоинъ предпочтенія и я не думаю, чтобъ ему стоило великаго труда учинить рѣшеніе. Мой судъ въ семъ дѣлѣ мнѣ самому кажется подозрителенъ, и я опасаюсь какой нибудь ошибки отъ самолюбія, и отъ предупрежденія, потому что г. Монгольтъ былъ нѣкогда моимъ ученикомъ въ Риторическомъ классѣ, въ которомъ, какъ я и теперь еще помню, онъ отмѣнялъ себя особливостію вкуса, и прилѣжнымъ изученіемъ

ніемъ языка Французскаго. Не входя въ совершенное разсмотрѣніе сихъ двухъ переводовъ, я довольствоваться буду предложеніемъ нѣкоторыхъ разсужденій, и сумнительствъ, для направленія вкусу молодыхъ людей.

N. 1. Вступленіе, которымъ начинается переводъ г. Сентъ-Реала, очень принужденно; оно не имѣетъ совсемъ и виду письма. *Какъ изъ вашего письма, такъ и изъ списка, которой вы мнѣ посылаете съ письма моего брата, я вижу, и пр.*

Я усматриваю, что немалая находится отмѣнность во мнѣніяхъ и склонностяхъ, которыя мой братъ въ разсужденіи васъ имѣлъ. Сіе мнѣ кажется выражено не столь грубо и не столь непріятно, какъ въ переводѣ г. Сентъ-Реала. *Я вижу великую отмѣнность въ его къ вамъ дружествѣ, да и въ его почтеніи.* Я тожъ говорю о семъ, что слѣдуетъ: *Не вѣдая откуда можетъ произойти столь сильной гнѣвъ.* Г. Монгольтъ умягчилъ сію мысль. *Я непонимаю, что бы такое могло столь сильно огорчить моего брата.*

N. 2. *Я весьма примѣтилъ... что ему что нибудь насказано было на васъ, и что его духъ наполненъ былъ досадными подозрѣніями.* Сей переводъ г. Монгольта не принужденъ и красивъ; только мнѣ кажется, что онъ не выра-

выражаетъ всѣхъ красотъ подлинника. *Illud a me jam ante intelligebatur ... subesse nescio quid opinionis incommodæ, sauciumque eius animum, et insedisse quasdam odiosas suspiciones.*

Великая находится субтильность въ сихъ словахъ: *subesse nescio quid opinionis incommodæ.* Всѣ выраженія клонятся къ умягченію и извиненію неудовольствія Квинтова въ разсужденіи его шурина. Ето не было непоколебимое или обидное мнѣніе, но предувѣреніе не очень выгодное, которое не было еще точно изъяснено, и не показывалось на ружу: сіе то значитъ, *subesse nescio quid opinionis incommodæ* Но какъ сіе выразить по французски?

Saucium que eius animum. Ето представляетъ изрядную мысль: *его духъ былъ уязвленъ.* Сія мысль опущена у г. Монгольта. Я не знаю не жарко ли она выражена у г. Сентъ-Реала; *его духъ былъ пораненъ.*

Сія легкость, такъ сказать, или гибкость чувствій бываетъ обыкновенно знакомъ доброй природы. Г. Сентъ - Реалъ поставилъ *мягкость чувствій mollesse de sentimens*, что на Французскомъ языкѣ неделаетъ хорошаго смыслу, хоть и болѣе соотвѣтствуетъ Латинскому: *esse hanc agilitatem, ut ita dicam, mollitiemque naturae plerumque bonitatis.* N. 5.

Друзьямъ надлежитъ сносить не только слабости и пороки, но и досады взаимныя. Сіе послѣднее слово гораздо

 вернѣе,

вѣрнѣе, нежели то, которое употребилъ другой переводчикъ, *и самыя обиды одни другихъ*; и выражаетъ лучше Латинское *siue injurias*

N. 3. *Я себя обнадеживалъ, или еще нимало не сумнился, чтобъ сего свиданія не довольно было къ утишенію всего.* Я не знаю, позволяетъ ли нашъ языкъ соединять такимъ образомъ два глагола съ управленіемъ, которое неприличествуетъ, какъ только одному изъ нихъ; ибо не можно сказать, *я себя обнадеживалъ. чтобъ сего*

N. 5. *свиданія не довольно было.* Я сумнюсь такъ же, чтобъ сіе выраженіе, *наилучшіе люди бываютъ часто тѣ, которые весьма удобно огорчаются* могло быть употребительно, и въ самомъ писменномъ слогѣ Но я отъ г. Монгольта, здѣлавшагося въ семъ дѣлѣ моимъ учителемъ такъ какъ и во многихъ другихъ, долженствую принимать наставленія о томъ, что касается до тонкостей Французскаго языка.

Письмо XVIII.

N. 1. Въ началѣ сего письма есть очень темное мѣсто, которое достойно пространнаго разсужденія; но я немогу здѣсь плодить о томъ рѣчи. *Abest frater ἀφελέςατος, et amantissimus. Metellus non homo, sed littus, atque aër, et solitudo mera.* Оба переводчики послѣдовали догадкѣ нѣкоторыхъ искусныхъ толкователей, которые исправляютъ

* Malespine, Lambin, et Junius.

вляютъ сïе мѣсто такимъ образомъ: *Abest frater ἀφελέςατος, et amantissimus mei. Non homo, sed littus, atque aër, et solitudo mera.* Тотъ и другой даютъ ему сей смыслъ: *Я не имѣю болѣе моего брата, которой есть наилучшïй человѣкъ въ свѣтѣ, которой любитъ меня столь нѣжно, и которому я могъ открывать мои сокровеннѣйшïя мысли съ толикою же безопасностïю, какъ самымъ камнямъ и лугамъ пустыннымъ.*

Я сумнюсь, чтобъ сïя поправка, хотя она основывается на важности великихъ людей, могла быть принята.

1 Когда требуется перемѣнить текстъ въ какомъ нибудь писателѣ, то надлежитъ къ сему принужденнымъ быть неизбѣжимою нѣкоею и очевидною неотмѣнностïю; чего я не нахожу здѣсь.

2. Ежели чрезъ сïи слова: *littus, atque aër, et solitudo mera*, разумѣется глубокая молчаливость, къ которой братъ Цицероновъ былъ способенъ, то за чемъ стоитъ здѣсь *aër*? Можно ли сказать, что мы ввѣряемъ свою тайность какому нибудь человѣку *такъ какъ воздуху*? по чему оба переводчики оставили сïе слово.

3. Искалъ ли Цицеронъ молчаливаго единственно человѣка, которому бы онъ могъ ввѣрять безопасно свои сокровеннѣйшïя

шія мысли? не имѣлъ ли онъ надобности, какъ онъ самъ о томъ упоминаетъ, въ такой особѣ, которой бы разговоръ и совѣты могли умягчить его печаль и безпокойствія?

4. Сіе выраженіе *non homo* значитъ ли натурально похвалу и хорошее качество? два переводчика довольно чувствовали затрудненіе въ семъ словѣ, и потому его умолчали.

5. То, что слѣдуетъ, T*u autem qui etc. ubinam es*? показываетъ, что напередъ говорено было о многихъ особахъ. Мой братъ въ отсутствіи находится. Метеллъ для меня безполезенъ. Но вы, мой любезной другъ, гдѣ находитесь?

6. Напослѣдокъ мнѣ кажется, что текстъ, безъ всякой въ немъ перемѣны, представляетъ изрядной смыслъ. Ц цeронъ прежде сказалъ, что онъ не имѣлъ ни ково, съ которымъ бы могъ разговаривать по дружески, и коему бы могъ открывать свои безпокойствія, чтобъ получить какое утѣшеніе. Ибо, присовокупляетъ онъ, брата моего здѣсь нѣту которой столь нѣжно меня любитъ. Чтожъ касается до Металла, то онъ не такой человѣкъ, котораго бы разговоръ могъ подать мнѣ помощь: его сотоварищество для меня есть ужасная пустыня, глѣ видно только небо и горы каменныя. Но вы, мой любезной другъ, вы, кото-

раго разговоръ и совѣты столь кратно умягчали мою печаль и безпокойствія, гдѣ теперь находитесь? *Metellus non homo, sed littus, atque aër, et solitudo mera. Tu autem ... ubinam es?*

Однакожъ я не намѣренъ опорочить со всемъ и другова смыслу, которой можетъ основываться на хорошихъ причинахъ. Я только хочу предложить свой, въ которомъ за меня ручаются важные такъ же люди. Я счелъ, что мнѣ надлежало отъ времени до времени полагать въ моихъ разсужденіяхъ сего рода критики, дабы укрѣпишь разумъ юношества.

Ita sum ab omnibus destitutus, ut tantum requietis habeam, quantum cum uxore, et filiolâ, et mellito Cicerone consumitur. сіи два послѣднія слова *filiolâ et mellito Cicerone* составляютъ всю красоту сего мѣста, потому что они выражаютъ рѣчь собственную отцу исполненному нѣжности къ любезнымъ его дѣтямъ. Не возможно, я думаю, выразить сихъ словъ на нашемъ языкѣ; * и оба переводчики равнымъ образомъ въ семъ отказались. N. a.

Nam illæ ambitiosæ nostræ fucosæque amicitiæ sunt in quodam splendore forensi, fructum domesticum non

* Въ россійскомъ языкѣ *filiolâ et mellito Cicerone*, можно выразить сходнѣе съ подлинникомъ такъ: дочкою и Цицеронушкомъ.

non habent. Сїя мысль очень изрядна, потому что она справедлива, г. Монголтъ перевелъ ее такъ: *сїи наружнїя дружества, которыя корысть и честолюбїе соединяютъ, служатъ только къ тому, чтобъ показаться въ публичныхъ собранїяхъ съ честїю а въ домашнемъ дѣлѣ во все негодятся.* Два прилагательныя, которыя Цицеронъ придаетъ къ свѣтскимъ дружествамъ *ambitiosæ et fucosæ*, кажется, не очень здѣсь исправно выражены. *Ambitiosæ amicitiæ* не суть дружества, *которыя корысть и честолюбїе соединяютъ*, но дружества пышныя, знатныя, церемонныя, и, какъ говоритъ г. Сентъ-Реалъ, важныя и величавыя дружества. *Fucosæ* значитъ такъ же нѣчто болѣе, нежели *наружнїя*, и показываетъ *ложныя* дружества, которыя имѣютъ одну только пустую наружность.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА О БОЖЕСТВѢ, *взятыя изъ второй книги Цицерона о естествѣ Боговъ.*

N. 15. *Quartam causam affert Cleanthes, eamque vel maximam, aequabilitatem motûs, conversionem Caeli Solis, Lunae Siderumque omnium distinctionem, varietatem, pulchritudinem, ordinem: quarum rerum aspectus ipse satis indicaret non esse ea fortuita. Ut si quis in domum aliquam, aut in gymnasium, aut in forumm venerit; cum videat omnium rerum*

rerum rationem, modum, disciplinam, non possit ea sine causa fieri judicare, sed esse aliquem intelligat, qui praesit, et cui pareatur: multo magis in tantis motionibus, tantisque vicissitudinibus, tam multarum rerum atque tantarum ordinibus in quibus nihil unquam immensa et infinita vetustas mentita sit, statuat necesse est ab aliqua mente tantos naturae motus gubernari.

N. 93. Hîc *ego non mirer esse quemquam, qui sibi persuadeat corpora quaedam solida atque individua vi et gravitate ferri, mundumque effici ornatissimum et pulcherrimum ex eorum corporum concursione fortuitâ?* Hoc *qui existimat fieri potuisse, non intelligo cur non idem putet, si innumerabilis unius et viginti formae literarum, vel aureae, uel qualeslibet aliquo coniiciantur posse ex his in terram excussis annales* Ennii, *ut deinceps legi possint, effici: quod nescio an ne in uno quidem uersu possit tantum valere fortuna.*

N. 94. *Isti autem quemadmodum asseverant, ex corpusculis non colore, non qualitate aliquâ, quam* ποιότητα Graeci *vocant, non sensu praeditis, sed concurrentibus temere atque casu, mundum esse perfectum? vel innumerabiles potius in omni puncto temporis alios nasci, alios interire?* Quod *si mundum efficere potest concursus atomorum, cur porticum, cur templum, cur domum, cur urbem non potest, quae sunt minus operosa, et multo quidem faciliora? certe ita temere de mundo effutiunt, ut mihi quidem nunquam hunc admirabilem caeli ornatum, qui locus est proximus, suspexisse videantur.*

N.

N. 95. Praeclarè ergo Aristoteles: „Si essent, „inquit, qui sub terra semper habitavissent bonis „et illustribus domiciliis, quae essent ornata signis „atque picturis, instructaque rebus iis omnibus, qui„bus abundant ii, qui beati putantur, nec tamen „exissent unquam supra terram: accepissent autem fa„ma et auditione, esse quoddam numen et vim Deo„rum; deinde aliquo tempore, patefactis terrae fau„cibus ex illis abditis sedibus evadere in haec loca, „quae nos incolimus, atque exire potuissent: cum „repente terram, et maria coelumque vidissent; nu„bium magnitudinem, ventorumque vim cognovissent; „aspexissentque solem, eiusque tum magnitudinem pul„chritudinemque, tum etiam efficientiam cognovissent, „quod is diem efficeret, toto caelo luce diffusa: cum „autem terras nox opacasset, tum caelum totum cer„nerent astris distinctum et ornatum, Lunaeque lu„minum varietatem tum crescentis tum senescentis, „eorumque omnium ortus et occasus, atque in omni „aeternitate ratos immutabilesque cursus: haec cum „viderent, profecto et esse Deos, et haec tanta ope„ra Deorum esse arbitrarentur.

N. 96. Atque haec quidem ille. Nos autem tenebras cogitemus tantas, quantae quondam eruptione Aetnaeorum ignium finitimas regiones obscuravisse dicuntur, ut per biduum nemo hominem homo agnosceret: cum autem tertio die Sol illuxisset, tum ut revixisse sibi viderentur. Quod si hoc idem ex aeterbris tenebris contingeret, ut subito lucem aspiceremus quaenam species caeli videretur! Sed assiduitate quotidiana, et consuetudine oculorum, assuescunt animi; neque admirantur,

rantur, neque requirunt rationes earum rerum, quas ſemper vident: proinde quaſi nouitas nos magis, quam magnitudo rerum debeat ad exquirendas cauſas excitare.

N 97. Quis enim hunc hominem dixerit, qui, cum tam certos caeli motus, tam ratos aſtrorum ordines, tamque omnia inter ſe connexa et apta viderit, neget in his ullam ineſſe rationem, eaque caſu fieri dicat, quae quanto conſilio gerantur, nullo conſilio aſſequi poſſumus? An cum machinatione quadam moveri aliquid videmus, ut ſphaeram, ut horas, ut alia permulta; non dubitamus quin illa opera ſint rationis: cum autem impetum caeli admirabili cum celeritate moueri uertique videamus, conſtantiſſime conficientem viciſſitudines anniverſarias cum ſumma ſalute et conſervatione rerum omnium; dubitamus, quin ea non ſolum ratione fiant, ſed etiam excellenti diuinaque ratione.

N. 15. La quatrième preuve de Cleanthe, & la plus forte de beaucoup, c'eſt le mouvement réglé du Ciel, & la diſtinction, la variété, la beauté, l'arrangement du Soleil, de la Lune, & de tous les Aſtres. Il n'y a qu'à les voir pour juger que ce ne ſont pas des effets du hazard. Comme quand on entre dans

Ч. 15. Четвертое, и сильнѣйшее доказательство * Клеанѳа, есть правильное движенїе неба, и отдѣленїе, разность красота, порядокъ Солнца, Луны, и всѣхъ звѣздъ. Надлежитъ только на ихъ взглянуть, чтобъ увѣриться, что они не суть произше-

* Чтобъ показать, что люди имѣютъ нѣкоторое понятїе о бытїи Боговъ.

dans une Maison, dans un Collége, dans un Hôtel de ville, d'abord l'exacte discipline, & la sage économie qui s'y remarquent, font bien comprendre qu'il y a-là quelqu'un pour commander & pour gouverner: de-même, & à plus forte raison, quand on voit dans une si prodigieuse quantité d'Astres une circulation réguliére, qui depuis un tems infini ne s'est pas démentie un seul instant, c'est une nécessité de convenir qu'il y a quelque intelligence pour la régler.

N. 93 Ici ne dois-je pas m'étonner qu'il y ait un homme qui se persuade, que de certains corps solides & in-

ствїями случая. Когда кто входитъ въ домъ, въ коллегію, въ ратушу, то заразъ исправной порядокъ, надлежащїй присмотръ, и благоразумное домоправительство, которыя тамъ примѣчаются, даютъ знать, что есть кто нибудь такой, которой повелѣваетъ и управляетъ; кольми паче когда видно бываетъ въ толь чудномъ множествѣ свѣтилъ небесныхъ правильное теченїе, которое отъ безпредѣльнаго времени не перемѣнялось ни на одну минуту, надлежитъ признаться, что есть нѣкоторой умъ, которой онымъ управляетъ.

Ч. 93. Здѣсь не долженъ ли я дивиться такому человѣку, которой можетъ себя увѣрить въ томъ,

indivisibles se meuvent eux-mêmes par leur poids naturel, & que de leur concours fortuit s'est fait un Monde d'une grande beauté? Quiconque croit cela possible, pourquoi ne croiroit-il pas que si l'on jettoit à terre quantité de caractères d'or, ou de quelque matière que ce fût, qui représentassent les vingt & une lettres, ils pourroient tomber arrangés dans un tel ordre, qu'ils formeroient lisiblement les. Annales d'Ennius? Je doute si le hazard rencontreroit assez juste pour en faire un seul vers.

что нѣкоторыя твердыя и недѣлимыя тѣла движутся сами собою посредствомъ ихъ естественной тягости, и что изъ ихъ послучайнаго соединенія здѣлался міръ чрезвычайной красоты? Всякъ, кто считаетъ сіе за возможное, длячегобъ не повѣрилъ такъ же и тому, что естьлибъ кто бросать сталъ на землю множество золотыхъ или другихъ какихъ характеровъ, которые бы представляли дватцать одну литеру, тобъ они могли пасть въ такомъ порядкѣ, чтобъ составили явственно Лѣтописи Енія? Я сумнюсь, чтобъ случай попался столь исправенъ, чтобъ здѣлалъ изъ оныхъ хотя одинъ стихъ.

N.

N. 94. Mais ces gens là comment assurent-ils que des corpuscules, qui n'ont point de couleur; point de qualité, point de sens, qui ne font que voltiger témérairement & fortuitement, ont fait ce Monde ci, ou plutôt en font à tout moment d'innombrables, qui en remplacent d'autres? Quoi, si le concours des atomes peut faire un Monde, ne pourroit-il pas faire des choses bien plus aisées, un Portique, un Temple, une Maison, une Ville? Je crois en vérité que des gens qui parlent si peu sensément de ce Monde, n'ont jamais ouvert les yeux pour contempler les magnificences célestes dont je traiterai dans un moment.

Ч. 94. Но какъ сїи люди утверждаютъ, что маленькїя тѣла, которыя не имѣютъ ни цвѣту, ни качества, ни чувства, которыя летаютъ безразсудно и послучайно, здѣлали сей мїръ, или еще дѣлаютъ всеминутно безчисленные, которые входятъ на мѣсто другихъ? какъ! естьли бы соединенїе несѣкомыхъ тѣлъ могло здѣлать мїръ, то не моглолибъ оно здѣлать удобнѣйшїя вещи, каковы суть галлерея, храмъ, домъ, городъ? Я дѣйствительно думаю, что люди, которые говорятъ столь малосмысленно о семъ мїрѣ, не открывали никогда глазъ своихъ, чтобъ разсмотрѣть небесные великолѣпїя, о

которыхъ я разсуждать буду немедлѣнно.

N. 95. Aristote dit trèsbien : „ Supposons „des hommes qui eussent toujours habité „sous terre dans de belles & grandes maisons, „ornées de sculptures „& de tableaux ; fournies de tout ce qui „abonde chez ceux que „l'on croit heureux. Supposons que sans être „jamais sortis de-là, ils „eussent pourtant entendu parler des Dieux , „& que tout d'un coup „la terre venant à s'ouvrir, ils quittassent leur „séjour ténebreux pour „venir demeurer avec „nous. Que penseroient-„ils , en découvrant la „Terre , les Mers, le „Ciel ? En considérant „l'étendue des nuées, la „violence des vents ? „En jettant les yeux „sur le Soleil ; en observant sa grandeur , sa „beauté,

Ч. 95. Аристотель говоритъ весьма изрядно : „Представимъ себѣ людей , „которые жили всегда подъ землею въ „прекрасныхъ и великихъ домахъ, „убранныхъ рѣзбами „и картинами , наполненныхъ всемъ „тѣмъ, чемъ изобилуютъ счастливцы. „Положимъ , что ни „когда оттуда не „выступая они слышали однакожъ о „Богахъ , и что по „мгновенномъ отверстіи земли , они „оставили ихъ мрачное обиталище , „чтобъ жить съ нами. Что бы такое „они подумали , открывая глазами своими землю, моря, „небо ? разсуждая „пространство обла-

„beauté, l'effusion de sa „lumiére qui éclaire tout? „Et quand la nuit au„roit obscurci la Terre, „que diroient ils en „contemplant le Ciel „tout parsemé d'Astres „différens ? En remar„quant les variétés sur„prenantes de la Lune, „son croissant, son dé„cours ? En observant „enfin le lever & le „coucher de tous ces „Astres, & la régularité „inviolable de leurs „mouvemens, pour„roientils douter qu'il „n'y eût en effet des „Dieux, & que ce ne „fût-là leur ouvrage?

„ковъ, сильное стре„мленїе вѣтровъ? „взирая на солнце; „примѣчая его вели„чество, красоту, „испущенїе свѣта „которой все осїява„етъ? и когда бы „ночь помрачила зе„млю, то что бы они „сказали, оглядывая „небо усыпанное раз„личными свѣтила„ми? замѣчая чудныя „перемѣнности лу„ны, ея нарожденїе, и „истощенїе? присма„тривая наконецъ „всхожденїе и захож„денїе всѣхъ оныхъ „свѣтилъ, и ненару„шимую правиль„ность ихъ движенїя? „Могли либъ они сум„ниться о томъ, что „есть въ самомъ дѣ„лѣ Боги, и что „ето все ихъ дѣло?

N. 96. Ainsi parle Aristote. Figurons-nous pareillement d'épaisses

Ч. 96. Такимъ образомъ изъясняется Аристотель. Вотé-

ténébres, semblables à celles dont le Mont Etna, par l'irruption de ses flames, couvrit tellement ses environs, que l'on fut deux jours, dit-on, sans pouvoir se connoître; & que le troisième voyant reparoître le Soleil, on se croyit ressuscité. Si nous sortions d'une éternelle nuit, & qu'il nous arrivât de voir la lumière pour la première fois, que le Ciel nous paroîtroit beau! Mais parce que nous sommes faits à le voir, nos esprits n'en sont plus frappés, & ne s'embarrassent point de rechercher les principes de ce que nous avons toujours devant les yeux. Comme si c'étoit la nouveauté, plutôt que la grandeur des choses, qui dût exciter notre curiosité.

образимъ еще себѣ густой мракъ подобной тому, которымъ гора Етна чрезъ изверженіе пламени покрыла свои окольности такъ, что чрезъ два дни люди не могли другъ друга распознавать; и что въ третій видя солнце опять появившееся, почли себя воскресшими. Естлибъ мы вышли изъ вѣчной ночи; и естьлибъ намъ случилось, увидѣть свѣтъ въ первой разъ, то сколь бы небо показалось намъ прекрасно! Но понеже мы зделаны съ тѣмъ, чтобъ смотрѣть на оное, то наши умы болѣе тѣмъ не трогаются, и не безпокоятся искать причинъ того, что мы всегда имѣемъ передъ глазами, какъ будто бы новость, а не величе-

N.

N. 97. Est ce donc être homme, que d'attribuer non à une Cause intelligente, mais au hazard, les mouvemens du Ciel si certains, le cours des Astres si régulier, toutes choses si bien liées ensemble, si bien proportionnées, & conduites avec tant de raison, que notre Raison s'y perd elle même: Quand nous voyons des machines qui se meuvent artificiellement, une sphère, une horloge, & autres semblables, nous ne doutons pas que l'esprit n'ait eu part à ce travail. Douterons nous que le Monde soit dirigé, je ne dis pas simplement par une Intelligence, mas par une excellente, par une divine Intelligence, quand nous voyons le Ciel se

ство вещей, долженствовала возбуждать наше любопытство.

Ч. 97. И такъ значитъ ли это быть человѣкомъ, чтобъ приписывать неразумной причинѣ, но случаю, движенія неба столь вѣрныя, теченія звѣздъ столь правильныя, всѣ вещи столь хорошо связанныя между собою, столь хорошо соразмѣренныя, и управляемыя съ толикимъ разумомъ, что самой нашъ разумъ въ нихъ заблуждается? когда мы видимъ машины которыя движутся искуствомъ, сферу, часы и другія симъ подобныя, то не сумнимся, чтобъ разумъ неимѣлъ участія въ семъ трудѣ Можемъ ли мы сумниться, что міръ управляется, я не говорю про-

ТОИ-

mouvoir avec une prodigieuſe vîteſſe, & faire ſuccéder annuellement l'une à l'autre les diverſes ſaiſons, qui vivifient, qui conſervent tout?

сто, умомъ, но умомъ превосходнымъ умомъ Божественнымъ, когда мы видимъ небо движущееся съ непостижимою скоростїю и ежегодно перемѣняющее одно на мѣсто другова различныя времена, которыя оживляютъ, и сохраняютъ все?

РАЗСУЖДЕНІЯ.

Когда мы читаемъ сей переводъ г. Аббата Оливета, то думаемъ, что мы читаемъ подлинникъ. Все въ немъ гладко и чисто. Сила и красота Латинскаго текста выражены тутъ съ такою вѣрностїю, которая не имѣетъ ничего насильнаго, ничего принужденнаго. По крайней мѣрѣ мнѣ такъ кажется. Опасенїе, чтобъ ненаскучить многорѣчїемъ, непозволяетъ мнѣ говорить пространно о томъ, что можнобъ было найти достопамятнаго: я только учиню нѣсколько лехкихъ примѣчанїй.

Коллегїя. Мнѣ кажется, что сїе сло- N. 15.
во въ нашемъ языкѣ подаетъ другое понятїе, нежели въ Латинскомъ *Gymnaſium*, въ коемъ оно обыкновенно значитъ мѣсто тѣлесной екзерциціи.

Ibid. *Ратуша.* Я довольно знаю, что такимъ образомъ выражено *forum* за недостаткомъ другова слова, которое бы имѣло сходствіе съ нашими обыкновеніями. Не можетъ ли значить здѣсь *forum* такова мѣста, въ которомъ судъ производился; мѣста, гдѣ отправлялись собранія народныя; и гдѣ слѣдовательно надлежало быть нѣкоторому порядку и чиноположенію.

Ibid. *Повелѣваетъ и управляетъ.* Сіи два слова значатъ почти тожъ самое. Подлинникъ гласитъ болѣе: *esse aliquem intelligat, qui praesit, et cui pareatur*: что есть кто нибудь, которой управляетъ, и заставляетъ себѣ повиноваться. Ибо можно повелѣвать, и не находить повиновенія.

Ibid. *Отъ безпредѣльнаго времени.* Я счелъ, что для сохраненія доказательству здѣсь предлагаемому всей красоты, я могъ поставить сіе выраженіе на мѣсто того, которое употребилъ переводчикъ, *отъ вѣчности*; тѣмъ наипаче, что Латинскія слова оставляютъ мнѣ въ томъ вольность: *immensa et infinita vetustas.*

N. 94. *Которыя не имѣютъ чувства, de sens.* Сіе выраженіе сумнительно. Оно можетъ значить *чувства*, какъ напримѣръ зрѣніе слухъ, и протчая и *смыслъ* или *разсужденіе.* Не яснѣелибъ было поставить, *которыя не имѣютъ чувствія, de sentiment*?

Ле-

Летать безразсудно, *temerairement*. Я сумнюсь, чтоб сіе слово на Француском языкѣ могло значить *без разбору* или *на случай*, так как *temere* на Латинском. Ibid.

И столь хорошо соразмѣренныя. Я нехуждаю сего переводу, но не знаю, хорошоли он здѣсь выражает силу подлиннаго слова. Ибо *aptus*, кромѣ обыкновеннаго означенія, которому переводчик по видимому слѣдовал, имѣет другое лучшее и красивѣйшее, которое есть *conjunctus*, *alligatus*, на примѣр: *fulgentem gladium elecunari*, *ſetâ equina aptum*, *demitti iuſſit*. Cic. *Non ſane optabilis iſta quidem eſt apta rudentibus fortuna*. Cic. Но в сем мѣстѣ *aptus* без сумнѣнія имѣет послѣднее означеніе. *Tamque omnia inter ſe connexa et apta*. переводчик отнес сіи слова к двум предъидущим членам, вмѣсто того, что они наллежат вообще до всѣх других движеній неба. N. 97.

И управляемыя с толиким разумом, что самой наш разум в них заблуждается. Сей перевод очень удачлив. Он выражает всю силу Латинской рѣчи, и не уступает ей в красотѣ: *quae quanto conſilio gerantur*, *nullo conſilio aſſequi poſſumus*.

Ничто не может быть полезнѣе молодым людям, для перенятія правил и красот Францускаго языка, как то, чтоб заставлять их переводить подобныя мѣста из писателей, и сравнивать по-

потомъ ихъ переводы съ переводами искусныхъ людей, которые въ рукахъ находятся, присовокупляя къ тому нужныя разсужденія. Сія екзерциція удобна въ разсужденіи тѣхъ, которыхъ особенно учатъ, и не совсемъ не возможна въ разсужденіи обучающихся въ коллегіи. Ибо когда такія матеріи переводовъ предлагаются изъ рѣдка, и выбираются изъ различныхъ книгъ, то трудно ученикамъ имѣть всѣ сіи книги: въ протчемъ не всегда имъ удобно отгадывать изъ какова писателя оныя матеріи взяты. Можно такъ же бываетъ въ классахъ заставить иногда учениковъ переводить такія мѣста въ присутствіи учителя, хотя живымъ голосомъ, хотя писменно, и вмѣсто исправленія ихъ Ѳемъ въ оные дни назначать имъ сей трудъ, которой не очень болѣе требуетъ времени, и которой несказанно для ихъ будетъ полезенъ.

Не худо притомъ для ихъ будетъ читать имъ нѣкоторыя мѣста неисправныхъ переводовъ, съ тѣмъ чтобъ они сообщали свое объ нихъ разсужденіе, замѣчали погрѣшности, и естьли можно, исправляли ихъ въ тотъ же часъ

Я положу здѣсь для примѣру одно мѣсто взятое изъ разсужденія Цицеронова называемаго *Brutus*, гдѣ упоминается

In Bruto sev de clar. Orator. о Запискахъ Кесаря. *Tunc Brutus: orationes quidem eius (cæsaris) mihi vehementer probantur; complures autem legi. Atque etiam commentarios quos-*

dam

dam scripsit rerum suarum: valde quiden, inquam, probandos: nudi enim sunt, recti, et venusti, omni ornatu orationis, tanquam veste, detracto. Sed dum voluit alios habere parata, unde sumerent, qui vellent, scribere historiam, ineptis gratum fortasse fecit, qui volent illa calamistrio inurere: sanos quidem homines a scribendo deterruit. Nihil enim est in historia, pura et illustri breuitate dulcius.

Вотъ какъ г. Абланкуртъ перевелъ сїе мѣсто въ своемъ предисловїи къ Запискамъ Кесаревымъ. *Онъ оставилъ, говоритъ Брутъ, записки, которымъ не можно достойной положить цѣны. Онѣ написаны безъ прикрасы и искуства и не имѣютъ ни малаго убранства, такъ какъ бы покрывала. Но хотя онъ ихъ здѣлалъ съ тѣмъ только, чтобъ онѣ служили матерїею другимъ, которые пожелаютъ писать исторїю, однакожъ сїе не можетъ прелъстить, какъ только мѣлкїе разумы, которые не преминутъ оныя прикрашать. Ибо чрезъ то онъ принудилъ бросить перо изъ рукъ всѣхъ честныхъ людей, которые бы пожелали за него взяться.*

Въ семъ переводѣ есть слабыя мѣста и нѣсколькїя погрѣшности противъ смыслу, которыя ученики хоть не много усилившїися и уже нѣсколько упражнявшїися въ Латинскомъ языкѣ, удобно примѣтятъ.

Nudi sunt, recti, et venusti, мнѣ кажется не очень вѣрно изъяснено сими словами, *онѣ написаны безъ прикрасы и искуства*, которыя не показываютъ, что сїя просто

та означенная перьвыми двумя словами, *nudi*, *recti*, имѣетъ много пріятности и красоты, *venusti*.

Но переводчикъ совсемъ не выразумѣлъ сихъ словъ *omni ornatu orationis*, *tanquam veste*, *detracto*, которыя однакожъ составляютъ великую красу сего мѣста, *не имѣютъ ни малаго убранства, такъ какъ бы покрывала* Сравнивалось ли когда нибудь убранство съ покрываломъ? Свойство сего послѣдняго есть то, чтобъ таить, прятать, укрывать; а убранство, которое есть какъ бы одежда рѣчи, служитъ напротивъ того къ показанію и уваженію ея красоты И такъ смыслъ сего мѣста есть тотъ, что Записки Кесаря сочинены простымъ и непритворнымъ штилемъ, но не взирая на то что не имѣютъ ни малаго убранства и прикрасы, онѣ исполнены суть пріятности и изрядства.

Сіе не можетъ прельстить какъ только мѣлкіе разумы и протч. Подлинникъ и здѣсь опять неисправно выраженъ. *Ineptis gratum fortasse fecit.* Намѣреніе Кесаря въ сочиненіи его записокъ было то, чтобъ онѣ служили матеріею тѣмъ, кои захотятъ составлять изъ нихъ настоящую исторію. Въ семъ, говоритъ Брутъ, онъ здѣлалъ можетъ быть угожденіе мѣлкимъ разумамъ, кои не устрашатся портить безпритворныя ихъ пріятности при-

прикрасою и убранствомъ, которое къ нимъ присовокупятъ.

Я не знаю, къ стати ли здѣсь сїе выраженїе, *всѣхъ честныхъ людей*: *sanos quidem homines a scribendo deterruit*. Когда говорится о сочиненїи и о произведенїяхъ разума, то не бываетъ нужды *въ честныхъ людяхъ*, но *въ людяхъ разумныхъ*, *въ смысленныхъ писателяхъ*.

Такая критика чинимая съ умѣренностїю, и съ требованїемъ напередъ мнѣнїя у молодыхъ людей, послужитъ мнѣ кажется, отмѣннымъ образомъ не только къ тому, чтобъ научить ихъ языку, но и еще къ утвержденїю ихъ разсужденїя.

О сочиненїи.

§ IV. Когда молодые люди будутъ въ состоянїи слагать что нибудь сами, то надобно будетъ ихъ екзерцитовать во французскомъ сочиненїи, и начинать тѣмъ что удобнѣе и сходственнѣе съ ихъ понятїемъ, каковы суть басни, и историческїя повѣсти. Они такъ же должны заблаговременно прїучаться къ письменному штилю, которой находится во всеобщемъ употребленїи у людей всякаго возраста и состоянїя, и въ которомъ однакожъ немногїе успѣваютъ, не смотря на то, что простой и натуральной видъ, которой кажется очень удобною вещїю долженствуетъ составлять главное его украшенїе. Не надлежитъ допускать, чтобъ они не знали тѣхъ благопристойстей,

стей, которыя должны наблюдаться въ разсуждении качества и чину особъ, къ которымъ пишутъ; оныя можно безъ трудности перенять отъ другихъ когда кто не изведалъ ихъ самъ собою (а)

За сими первыми сочиненіями следовать будутъ места общія, описанія, малыя разсужденія, краткія речи, и протчее сему подобное. Важность дела въ томъ состоитъ, чтобъ выбирать оныя всегда изъ хорошаго какова нибудь писателя, котораго имъ читать будутъ въ последствіи, и которой имъ послужитъ образцомъ. Я приведу на сіе несколько примеровъ.

Но одна изъ полезнейшихъ екзерцицій для молодыхъ людей, которая походитъ несколько на оба рода писанія о коихъ я сказалъ, то есть, на переводъ и сочиненіе, есть та чтобъ предлагать имъ некоторыя выборныя места изъ Греческихъ и Латинскихъ писателей, не съ темъ, чтобъ делать изъ нихъ простые переводы, въ которыхъ привязываются къ писателю, но чтобъ оныя перевер-

---

(а) *Чтеніе исправныхъ образцовъ бываетъ еще великимъ вспоможеніемъ, и въ нихъ нетъ недостатку. Ришелетъ издалъ изрядное собраніе въ семъ роде, которое содержитъ всякія матеріи. Самое лучшее изданіе есть то, которое показалось въ Амстердаме 1755 году въ 11 томахъ. Оно довольное имеетъ дополненіе.*

ревертывать по своему манеру, оставляя имъ свободу прибавлять къ нимъ, или отметать то, что они за нужное почтутъ; На примѣръ житіе Агриколы сочиненное Тацитомъ его зятемъ есть наилучшій остатокъ древности какъ для живости выраженія, такъ для изрядства и благородности мыслей; и я не знаю есть ли другое сочиненіе способнѣйшее къ наставленію мудраго правителя, интенданта провинціи, искуснаго политика. Я бы охотно къ тому присовокупилъ удивительное письмо Цицерона къ Квинту его брату. Я имѣлъ обыкновеніе заставлять исправныхъ учениковъ при выходѣ изъ риторики сочинять на Францускомъ языкѣ во время вакаціи житіе Агриколы, и говорилъ имъ, чтобъ они вмѣстили въ немъ всѣ красоты подлинника, но такъ, чтобъ ихъ здѣлали своими собственными, давъ имъ новой видъ, и чтобъ старались, естьли только ето возможно было присовокупить иногда что нибудь, чего нѣтъ у Тацита. Я видѣлъ, что многіе къ томъ успѣли удивительнымъ образомъ и думаю, что превосходнѣйтіе знатки въ нашемъ языкѣ не были бы ихъ дѣломъ недовольны.

ПОГРѢШНОСТИ.

Стр.	Стро.	напечатано	читай
2.	при переносѣ	первей	первой
21.	17.	убирать	укрощать
24.	9.	среди	въ среди
31.	10.	покарялъ	покорялъ
32.	13.	намъ наиболѣе	наиболѣе
35.	9.	на случай	по случаю
39.	11-12.	опредѣляющихъ	опредѣляющихся
40.	9.	второй	второю.
43.	5.	превосходитъ	превзойдетъ
48.	предпосл.	зная	знали.
56.	26-27.	Флавіп	Флавія
58.	15.	подписаиы	подписаны
67.	5.	склонность	склонности
71.	25.	вѣ семъ	въ семъ
76.	предпо.	учительное	учительское
77.	10.	пенеже	понеже
83.	27.	сосостоянія	состоянія
107.	19.	расказать	расказывать
111.	2.	отвращеиія	отвращенія.
130.	20.	я	и
138.	18.	вѣ себѣ	въ себѣ
139.	8.	докательствомъ	доказательствомъ
141.	3.	младенчества	младенчества
144.	18.	екверциціею	екзерциціею
153.	10.	ими	и ими
169.	9.	коллегій	коллегіи
-----	14.	не могу	немогу ни чемъ
170.	3.	надѣятся	надѣяться
200.	послѣд.	открылъ	открылъ ему
208.	16.	Греческую	Греческою
225.	8.	не подали	что они не подали
235.	15.	полезнаго	или полезнаго
237.	2-3.	довольствоват-ся	довольствоваться
-----	4.	чуствовать	чувствовать
249.	17.	опущенія	упущенія
253.	предпос.	они	онѣ

Стр.	стро.	напечатано	читай.
254.	7.	зрѣлицами	зрѣлищами
272.	26.	учиниитъ	учинитъ
279.	2.	м бѣжанїя	избѣжанїя
281.	30.	отрываютъ	открываютъ
283.	29.	Епископство	Епископство
287.	11-12.	читаеныхъ	читаемыхъ
292.	29.	мнѣнїя	чувствїя
299.	24.	μουσεῖο	μουσεῖου
-----	послѣд.	præstat otiosum	otiosum
305.	при переносѣ	со	сто
321.	17-18.	occroire	accroire
325.	25.	prohitatis	probitatis
326.	3.	ess	eſſe
----	12.	provitæ	privatæ
328.	8.	e	je
329.	3.	devener	deviner
-----	14-15.	axpliquerai	expliquerai
332.	1.	fuis	ſuis
-----	предпос	par	pas
333.	1.	tres: c'eſt	c'eſt
----	4.	afin	afin
338.	18.	что самые	что часто самые
343.	10.	deſſe	deeſſe
347.	1.	les	
349	при переносѣ	или	хать
350.	1.	или	
-----	--	стенать	или стенать
358.	24.	въ семъ	отъ сего
359.	послѣд.	forumm	forum
360.	14.	innumerabilis	innumerabiles
-----	28-29.	erte	certe
361.	2.	banis	bonis
-----	5.	ahundant	abundant
-----	24-25.	cruptione	eruptione
-----	28.	æterbris	æternis
368.	6.	tut	fut
374.	6.	calamiſtrio	calamiſtris

) o (

